

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 6
1 din 30.04.2009

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă
de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul
de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul
de cercetări Juridice și Politice al Academiei de
Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a
MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul),
Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret”
(Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași),
Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 1 (277) 2015

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța,
România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.;
V. Balmuș, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în
drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor
în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în
drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în
drept (Constanța, România); M. Gheorghită, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor
habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept,
prof. univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.;
V. Moraru, doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov,
redactor-șef adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept,
prof. univ.; V. Stratonov, doctor în drept, prof. univ.
(Herson, Ucraina).

Adresa redacției:

Casa presei, et. 5, 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD - 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790; mob. 067431762;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: legea_zakon@mail.ru
Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasviata.in.ua

SUMAR

- V. GUȚULEAC. Președintele Republicii
Moldova ca subiect al administrării publice
și ca subiect al dreptului administrativ..... 5
- D. BOAGHI. Proprietatea publică a unităților
administrativ-teritoriale cu statut special de
guvernare din Republica Moldova..... 19
- N. MARIAN. Garanțiile aferente restituirii
creditului ca parte componentă a raportului
de credit bancar 25
- Р. АНДРУСИШИН. Этапы организации
правового воспитания в современном об-
ществе 31
- В. БАБАКИН. Противодействие молодеж-
ной преступности в сфере информаци-
онных технологий 35
- А. БАБЕНКО. Прогнозирование, плани-
рование и программирование противодей-
ствия преступности на основе знаний ее
региональных особенностей 39
- Ю. БАЛЮК. Общая совместная собствен-
ность супругов на квартиру: проблемы
правовой регламентации в Украине 45
- А. БАСОВА. Развитие договора охраны
физических лиц в Украине 50
- Л. БУРЯК. Особенности определения по-
нятия «специальные знания» в граждан-
ском процессе Украины 55

Victor GUȚULEAC la **75** de ani

Cu ocazia jubileului de 75 de ani, colegiul de redacție al revistei „Legea și viața” aduce cele mai cordiale felicitări și sincere urări de bine domnului Victor Guțuleac, profesor universitar, doctor în drept.

Apreciem înalt activitatea Dumneavoastră de peste 4 decenii în organele afacerilor interne și în calitate de dascăl al multor generații, care au devenit juriști de înaltă calificare. Dumneavoastră ați promovat și promovați cu insistență reformele în sistemul judiciar și de drept din Republica Moldova și sînteți un promotor consecvent al dreptății.

În toți acești ani ați obținut rezultate cu care vă puteți mîndri.

În calitatea Domniei Voastre de cercetător științific, în multiplele articole publicate în revista „Legea și viața”, ați abordat probleme stringente ce țin de dezvoltarea științei juridice în țara noastră.

Înfruntînd greutăți și obstacole, Vă faceți cinstit datoria, împărtășind tinerei generații din comoara cunoștințelor și înțelepciunii adunate de-a lungul vieții.

Avînd gradul de colonel de poliție. Astfel, înzestrat cu experiență solidă, Vă aduceți pe deplin aportul la realizarea aspirațiilor întregului popor - instaurarea unui stat de drept ce ar apăra la maxim drepturile constituționale ale cetățenilor.

Dorindu-Vă bucuria unor împliniri și realizări profesionale deosebite, Vă asigurăm de disponibilitatea noastră de a conlucra și pe viitor în spirit constructiv și colegial pentru promovarea intereselor societății.

La multiplele felicitări parvenite în adresa Dumneavoastră adăugăm urările noastre de sănătate și succese, însoțite de un călduros „La mulți ani!”. Tinerețea care Vă însoțește să se reînnoiască mereu!

Lumină, pace și armonie în sufletul și în casa Dumneavoastră!

Vă dorim sănătate, prosperare și realizări cît mai rodnice în inspirata dumneavoastră activitate.

Din numele Colegiului de redacție
redactor-șef L. ARSENE

PREȘEDINTELE REPUBLICII MOLDOVA CA SUBIECT AL ADMINISTRĂRII PUBLICE ȘI CA SUBIECT AL DREPTULUI ADMINISTRATIV

Victor GUȚULEAC,

doctor în drept, profesor universitar la Catedra Științe Juridice și Securitate Criminologică, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

REZUMAT

Scopul acestui articol științific constă în studierea, analiza și conștientizarea surselor doctrinare privind rolul și locul șefului statului în procesul de administrare publică, locul lui în verigile puterii statale, practica mondială de investire în funcție, atribuțiile de bază, responsabilitatea și răspunderea Președintelui Republicii Moldova.

Cuvinte-cheie: administrare, administrare publică, act administrativ, șef de stat, șef al executivului

PEZIOME

Цель данной статьи состоит в исследовании и научном анализе доктринарных источников относительно места и роли главы государства в процессе публичного управления, его места в ветвях государственной власти; изучении международной практики замещения данной функции, основных полномочий Президента Республики Молдова, его ответственности в узком и широком смысле слова.

Ключевые слова: управление, публичное управление, административный акт, глава государства, глава исполнительного органа

Introducere. Instituția șefului statului face parte din mecanismul prin care se exercită puterea de stat sau, altfel spus, suveranitatea națională. Șeful statului, în toate regimurile politice, este organul oficial care ocupă locul de vîrf în ierarhia instituțiilor statale antrenate în exercitarea suveranității [28, p. 210].

Cuvîntul *prezident*, în sensul de conducător al unei țări, în limba română este ieșit din uz, fiind cîndva împrumutat de la francezi. Traducerea corectă este *președinte*, ceea ce înseamnă o persoană care conduce un organ de stat, o instituție, o asociație, dezbaterile unei ședințe, ale unei comisii. „Președintele” este denumirea oficială a funcției de conducere a statului cu formă republicană de guvernare. În acest sens, denumirea de *șef de stat* atestă același lucru – conducător de stat, fiind aplicabilă și monarhului [2, p. 109].

Scopul prezentei publicații constă în formularea și argumentarea propriei opinii referitor la locul și rolul Președintelui Republicii Moldova în sistemul administrării publice, la raportul dintre statutul administrativ-juridic al Președintelui RM, ca șef al statului, ca comandant suprem al forțelor armate, garant al suveranității, independenței naționale, al unității teritoriale a

țării, pe de o parte, și modalitatea de alegere și investire în funcție, pe de altă parte.

Metode aplicate și materiale utilizate. În procesul studiului au fost aplicate metodele: analiza, sinteza, comparația, conștientizarea logică și statistica. Materialele utilizate le constituie operele savanților din domeniu, care reprezintă doctrina juridică a României, a Federației Ruse, a Republicii Moldova, precum și legislațiile corespunzătoare.

Rezultate obținute și discuții. Analiza instituției șefului statului impune precizarea categoriei de putere căreia îi aparține. Incluziunea acestei instituții în **cadru puterii executive sau legislative** ține, în mare măsură, de principiul pe care aceasta se fundamentează, al separației ei sau al unicității. Dacă puterea se fundamentează pe principiul separației, instituția șefului statului aparține sferei executivului, de aceea ea apare sub numele de „șeful puterii executive” sau „șeful executivului”. Acolo unde statul însă este întemeiat pe principiul unicității, aceeași instituție aparține categoriei de putere similară cu cea a parlamentului, adică a legislativului.

În decursul timpului, instituția șefului statului a preluat două forme

de organizare și de manifestare:

1) *unipersonală* (rege, împărat, sultan, domn, principe sau președinte), de regulă, numită, dar în vremurile moderne și aleasă;

2) *colegială* — aceasta a purtat și poartă diverse denumiri: Președiu, Consiliu de stat, Consiliu prezidențial.

Desemnarea sau alegerea șefului statului, atribuțiile și prerogativele acestei instituții țin de o serie de factori: natura sistemului politic; sistemul constituțional și forma de guvernămînt; anumite tradiții istorice și naționale.

Nu în toate cazurile și în mod automat modul de desemnare a șefului statului determină locul și rolul acestuia în societate, în stat. Cuantumul și extensiunea acestei funcții este în raport cu celelalte verigi ale puterii, în principiu cu executivul și legislativul, dar și cu categoria puterii în care este încadrată. Practica social-istorică de pînă acum a relevat *patru mari moduri sau căi de desemnare a șefului statului*: 1) **calea ereditară**; 2) **alegerea de către parlament**; 3) **desemnarea șefului statului de către un colegiu electoral**; 4) **alegerea șefului statului prin vot universal**.

1. *Calea ereditară* este prima și cea mai veche modalitate de desem-

nare a șefului statului. Ea a fost și este caracteristică regimurilor monarhice constituționale. După anumite reguli constituționale, monarhul ascede la funcția de șef al statului pe cale ereditară, ca în Anglia, Olanda, Suedia, sau el însuși își poate desemna un succesor din cadrul casei regale, ca în Spania, Belgia, Maroc, Iordania. Prin această modalitate de desemnare a șefului statului, parlamentul sau altă instituție nu au niciun rol sau unul minor, cel mult de a veghea respectarea regulilor constituționale de desemnare a acestuia sau, în caz de stingere a dinastiei, participă la numirea unui succesor la tron sau la alegerea acestuia.

2. *Alegerea de către parlament.* Această modalitate de desemnare a șefului statului este o consecință, un rezultat al revoluției burgheze, al luptei acesteia împotriva absolutismului, fiind, în același timp, și un mod eficient de control al parlamentului asupra acestei instituții.

În practica politică, această modalitate cunoaște două forme:

- parlamentul îl desemnează direct, prin votul membrilor săi, pe șeful statului, de regulă, pe președinte, așa precum are loc în Grecia, Israel, Republica Africii de Sud. În acest caz, instituția șefului statului preia forma unipersonală;

- parlamentul alege organe colegiale, ca și șefii de stat, situații întâlnite în fostele țări socialiste, dar și în state ca Elveția.

3. *Desemnarea șefului de stat de către un colegiu electoral.* În principiu, parlamentul și adunările landurilor în Germania, adunările legislative ale statelor federale în India și adunările regionale din Italia desemnează membrii care împreună formează colegiul electoral și care îl vor desemna pe șeful statului. O situație mai aparte este în SUA și Coreea de Sud, unde membrii colegiului electoral care îl vor alege pe președinte sînt desemnați prin vot universal.

4. *Alegerea șefului statului prin vot universal.* Această modalitate de alegere a șefului statului este o consecință a adîncirii democratismului vieții politice, dar și o măsură

de asigurare a echilibrului între executiv și legislativ. Alegerea șefului statului prin vot universal îi conferă acestuia o autoritate sporită și respect, care pot fi materializate prin atribuții și prerogative. O asemenea situație întâlnim în România, Rusia, Franța, Indonezia etc.

Potrivit unei axiome a dreptului public, devenite aproape dogmă, statul nu poate fi conceput fără un șef, oricît de simbolic ar fi rolul acestuia în unele sisteme politice [20, p. 283].

Instituția *șefului de stat* își are obîrșia în chiar istoria lumii, a sistemelor statale. Dintotdeauna colectivitățile umane organizate au avut un șef, recunoscut sau impus, în contextul împrejurărilor istorice, instituție ce a cunoscut o evidentă evoluție cît privește formele, structurile, împuternicirile, protocoalele [22, p. 236].

În dreptul public modern, ideea șefului de stat este legată de *forma de guvernămînt*, concept prin care, de regulă, s-a răspuns la întrebarea cine exercită puterea în stat: o singură persoană (*monocrația*), un grup de persoane (*oligarhia*) sau poporul, în mod direct (*democrația*) [20, p. 287].

Explicarea instituției șefului de stat trebuie realizată în funcție de structura executivului și de locul șefului de stat în acest executiv, loc ce exprimă și relația *popor – parlament – șef de stat* [22, p. 236].

Cu alte cuvinte, privind *forma de guvernămînt* ca modalitate în care sînt constituite și funcționează organele statului, o raportăm, de principiu, la trăsăturile definitorii ale șefului de stat și la raporturile sale cu puterea legiuitoare [22, p. 58].

Astfel, treptat, noțiunea a dobîndit și semnificația definirii statului, din punctul de vedere al modului de desemnare a șefului de stat, unipersonal, și al legăturilor acestuia cu celelalte autorități statale.

După *forma de guvernămînt*, statele se clasifică, de regulă, în două categorii: *monarhii*, în care șeful statului este desemnat pe baze ereditare sau pe viață, și *republici*, în care șeful statului, numit cel mai

adesea *președinte*, este ales pe o perioadă determinată, fie de popor, prin vot direct sau indirect (*republici prezidențiale* sau *republici semiprezidențiale*), fie de parlament (*republici parlamentare*).

În *republicile parlamentare* guvernul, deși numit de președinte, este responsabil în fața parlamentului, pe cînd în *republicile prezidențiale* în general (de exemplu, în SUA) nu există niciun șef de guvern (această funcție revenind președintelui statului) și nici răspundere guvernamentală în fața parlamentului. În *sistemele prezidențiale*, modalitățile de interacțiune a celor două structuri guvernante (legislativă și executivă) sînt mai puțin numeroase și mai puțin profunde decît în *sistemele parlamentare*. Există, desigur, o anumită colaborare între executiv și parlament, dar aceasta este limitată, conflictele dintre cele două verigi ale puterii fiind soluționate în favoarea executivului [1, p. 53].

În determinarea șefului statului, ca subiect al dreptului administrativ, a locului și rolului acestuia în exercitarea puterii statale are o mare importanță evidențierea și cunoașterea *atribuțiilor*. Din punct de vedere teoretic, sfera de cuprindere a categoriei atribuțiilor exercitate de șeful statului ar fi foarte dificil de delimitat, odată ce prerogativele acestuia au variat profund de-a lungul istoriei, variind și astăzi de la stat la stat. Actualmente, instituția șefului de stat cunoaște organizări unipersonale sau colegiale, existînd sub diferite forme:

- *monarh venit la tron pe cale ereditară* (Marea Britanie, Japonia, Belgia, Spania);

- *monarh desemnat de familia regală* (Arabia Saudită);

- *monarh al unui stat federativ*, desemnat de monarhii subiecților federației, din rîndurile lor (Malaysia, Emiratele Arabe Unite);

- *președinte ales de către întregul popor, parlament sau un colegiu electoral reprezentativ* pentru un termen stabilit (SUA, Germania, Italia, India, China);

- *organ colegial ales de Parlament pentru un termen stabilit*, tot-

odată, unele atribuții care nu pot fi exercitate colegial, cum ar fi primirea scrisorilor de acreditare ale reprezentanților diplomatici, se transmit președintelui organului colegial (Cuba);

- șeful Guvernului care, în același timp, exercită și atribuțiile șefului de stat (landurile Germaniei);

- reprezentantul monarhului Marii Britanii în statele cu statut de dominion britanic (Canada, Australia, Noua Zeelandă, Barbados);

- șeful de stat unipersonal sau colegial, care uzurpează puterea în stat, de obicei, fără stabilirea unui termen anumit [29, p. 567-568].

Alegerea Președintelui Republicii Moldova și modalitatea de investire în funcție. Studiarea amplă și detaliată a procedurii de alegere a Președintelui Republicii Moldova și investirii lui în funcție ține de obiectul de studiu al *dreptului constituțional*. Noi ne vom referi doar la acea parte a problemei care influențează capacitatea administrativă a șefului statului ca subiect al administrării publice și ca subiect al dreptului administrativ.

Odată cu adoptarea noii Constituții, a fost abordată problema reglementării trecerii instituțiilor de stat de la un regim juridic la altul, în baza unor dispoziții finale și tranzitorii ale Constituției. Cît privește Președintele Republicii, acesta, potrivit Constituției, a rămas în funcție pînă la expirarea mandatului pentru care a fost ales, reducîndu-se termenul mandatului de 5 ani, prevăzuți inițial, la 4 ani conform noului termen determinat expres în art. 80 din Legea Supremă.

Noua Constituție determina, cu referire la alegerea Președintelui, că acesta *este ales prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat* de către întreg poporul. În opinia unor specialiști [7, p. 83], la care avem unele rețineri, o astfel de modalitate de alegere s-a dovedit a fi ineficientă, deoarece pe parcursul a două mandate ulterioare doi președinți care s-au succedat au invocat insuficiența de atribuții, fiind nemulțumiți de soluțiile constituționale și solicitînd extinderea competen-

țelor președintelui prin trecerea la un regim prezidențial de guvernare. Acest fapt a generat o criză politică pentru o perioadă de opt ani, în care s-au confruntat Parlamentul, Guvernul și Președintele Republicii Moldova.

Deznodămîntul crizei politice a survenit în urma modificărilor operate în Constituție prin Legea nr. 1115-XIV din 5 iulie 2000, care a schimbat modul de alegere a Președintelui Republicii.

Potrivit prevederilor Constituției, Președintele Republicii Moldova este ales de Parlament prin vot secret (art. 78 alin. (1)). Aceeași normă constituțională stipulează că poate fi ales Președinte al Republicii Moldova cetățeanul cu drept de vot care are 40 de ani împliniți, a locuit sau locuiește permanent pe teritoriul Republicii Moldova nu mai puțin de 10 ani și posedă limba de stat (art. 78 alin. (2)). Este ales candidatul care a obținut votul a trei cincimi din numărul deputaților aleși (art. 78 alin. (3)). Pentru realizarea prevederilor art. 78 alin. (6), la 22 septembrie 2000 a fost adoptată Legea nr. 1224 cu privire la procedura de alegere a Președintelui Republicii Moldova.

Imediat după stabilirea noului mod de alegere a Președintelui Republicii, au apărut un șir de interpretări ale modalității de înaintare a candidaturii la funcția de Președinte și modului de votare, fiind invocată îngrădirea acestui drept pentru cetățeni și formațiuni politice [26].

Împărtășim și noi această opinie. Mai mult decît atît, considerăm că Legea nr. 1234 din 22.09.2000 cu privire la procedura de alegere a Președintelui Republicii Moldova, în mare măsură, este în contradicție cu prevederile Constituției (art. 78 alin. (2)). Dacă ținem cont de prevederile art. 2 din legea nominalizată – organizarea alegerilor pentru funcția de Președinte al Republicii Moldova; art. 4. Crearea unei comisii speciale, atribuțiile ei; art. 5. Propunerea candidaților pentru funcția de Președinte al Republicii Moldova; art. 6. Alegerile ordinare pentru funcția de Președinte etc. și strict respectăm aceste prevederi,

apoi dreptul declarat prin art. 78 alin. (2) al Constituției nu poate fi realizat de către un simplu cetățean care întrunește condițiile enunțate în norma respectivă. Modificarea art. 78 din Constituție și adoptarea Legii nr. 1234 din 22.09.2000 într-adevăr îngrădesc accesul cetățenilor și al formațiunilor politice neparlamentare la propunerea candidaților la această funcție și la alegerile ei, împiedică realizarea unuia dintre drepturile constituționale ale cetățenilor „(...) de a fi aleși (...)” (art. 38 alin. (3) din Constituție).

Noi pledăm pentru alegerea Președintelui Republicii Moldova prin vot universal, egal, direct, secret și liber exprimat de către întreg poporul cu drept de vot, ca în Ucraina, România, Federația Rusă, Kazahstan, Franța, Grecia, SUA, Venezuela, Polonia, Austria, Belarus, Azerbaidjan, Armenia, Egipt, Brazilia, Cipru, Turcia etc. [14, p. 126].

La alegerile ordinare pentru funcția de Președinte al Republicii Moldova pot participa unul sau mai mulți candidați. Se consideră ales candidatul care a obținut votul a **trei cincimi** din numărul deputaților aleși [21, art. 9 alin. (2)].

Comisia specială totalizează rezultatele votării și prezintă informația respectivă Parlamentului, în baza căreia organul legislativ adoptă o hotărîre prin care confirmă că Președintele Republicii Moldova este ales. Hotărîrea Parlamentului și actele Comisiei speciale sînt prezentate **de îndată** Curții Constituționale.

Investirea în funcție a Președintelui. Rezultatul alegerilor pentru funcția de Președinte al Republicii Moldova este validat de Curtea Constituțională. Candidatul a cărui alegere a fost validată depune în fața Parlamentului și a Curții Constituționale, cel tîrziu la 45 de zile după alegeri, următorul jurămînt: „Jur să-mi dăruiesc toată puterea și priceperea propășirii Republicii Moldova, să respect Constituția și legile țării, să apăr democrația, drepturile și libertățile fundamentale ale omului, suveranitatea, independența, unitatea și integritatea teritorială a Moldovei”.

Învestirea Președintelui în funcție se face în cadrul unei ședințe solemne a Parlamentului și a Curții Constituționale, la care participă deputații în Parlament, judecătorii Curții Constituționale, membrii Guvernului, judecătorii Curții Supreme de Justiție, iar în calitate de invitați pot participa reprezentanții corpului diplomatic acreditați în Republica Moldova, reprezentanții cultelor, liderii partidelor politice și ai altor organizații social-politice, reprezentanții comunităților național-culturale, conducătorii autorităților administrației publice locale, alte personalități notorii atât din țară, cât și de peste hotare [7, p. 92].

Din momentul validării de către Curtea Constituțională a rezultatelor alegerilor, Președintele Republicii Moldova obține *capacitatea administrativă de folosință* ca subiect al administrării publice și ca subiect al dreptului administrativ, iar din momentul depunerii jurământului — și *capacitatea administrativă de exercițiu*.

Durata mandatului. Mandatul Președintelui durează de la validarea acestuia pînă la încetarea lui. De regulă, termenul mandatului Președintelui este de 4 ani și se exercită efectiv de la data depunerii jurământului pînă la depunerea jurământului de către Președintele nou-ales.

Este de menționat că în diferite state durata mandatului președintelui este diferită. De exemplu, în Federația Rusă este de 6 ani, în Kazahstan – 7 ani, Azerbaidjan, Armenia, Belarus, Bulgaria, Georgia, Cirpu, Polonia, Ucraina, România, Franța, Portugalia – 5 ani, în Mexic președintele își execută atribuțiile de la 1 decembrie pe un termen de 6 ani.

În ceea ce privește prelungirea mandatului, art. 80 alin. (3) din Constituția Republicii Moldova prevede, în mod expres, două împrejurări ce permit prelungirea mandatului prezidențial: în situații de război și de catastrofă. Aceste situații fiind deosebite, președintele impune și determină un regim juridic special aplicabil tuturor persoanelor fizice

și juridice. Prin urmare, este pe deplin justificată continuarea îndeplinirii atribuțiilor președintelui, care este și comandantul suprem al forțelor armate.

Întrucît parlamentul este organul reprezentativ suprem al popoului și unica autoritate legiuitoare, iar reglementările constituționale stabilesc că prelungirea mandatului președintelui face obiectul unei legi organice, precum și pentru a asigura controlul asupra acestor circumstanțe excepționale, aprecierea oportunității prelungirii mandatului șefului statului este de competență exclusivă a parlamentului, evitîndu-se astfel posibilitatea ca președintele să-și aroge împuterniciri suplimentare [7, p. 93].

În virtutea prerogativelor sale, șeful statului poate influența, printr-un mesaj, luarea acestei măsuri, argumentînd și detaliînd situația gravă în care se află țara. Legea organică de încuviințare a prelungirii mandatului președintelui, în cele două situații, trebuie să stipuleze limitele acestei prelungiri (încetarea ostilităților, înlăturarea consecințelor catastrofei).

Cu referire la numărul mandatelor pe care poate să le dețină o persoană, Constituția Republicii Moldova stabilește că *nicio persoană nu poate îndeplini funcția de Președinte decît pentru cel mult două mandate consecutive* (art. 80 alin. (4)).

Vacanța funcției de Președinte al Republicii intervine în caz de: a) expirare a mandatului; b) demisie; c) demitere; d) imposibilitate definitivă a exercitării atribuțiilor; e) deces.

Mandatul Președintelui țării, în mod normal, încetează odată cu *expirarea termenului de 4 ani* prevăzut, cu excepția cazurilor de război sau de catastrofă, anterior examinate. Însă interimatul funcției de Președinte poate apărea și pînă la expirarea termenului mandatului.

Atribuțiile de bază ale Președintelui Republicii Moldova ca subiect al administrării. Atît în doctrină, cât și în legislația republicii nu sînt unanim determinate locul și rolul Președintelui Republicii în sistemul

verigilor puterii. Nu găsim răspuns la această întrebare nici în Constituție. Considerăm că locul și rolul Președintelui Republicii în sistemul organelor puterii statale, la momentul actual, pot fi determinate prin analiza atribuțiilor lui de bază care, potrivit prevederilor constituționale, determină două ipostaze ale lui: de *șef al statului* și *șef al executivului*. Și dacă prima ipostază este prevăzută expres în Constituție [5, art. 77 alin. (1)], apoi cea de-a doua poate fi confirmată numai prin analiza și sinteza sferelor de activitate ale Președintelui și a atribuțiilor lui.

Nu numai că salutăm opinia [7, p. 101], potrivit căreia Președintele Republicii se referă la veriga executivă a puterii statale, ci și poate fi considerat ca *șef al executivului*, contrar prevederilor Constituției, care prevede că conducerea generală a administrației publice i se atribuie Guvernului [5, art. 96 alin. (1)].

Ca *șef de stat*, Președintele Republicii realizează funcția de *reprezentare* [24, p. 245] a statului. Prin ”reprezentare” înțelegem posibilitatea șefului statului de a vorbi din numele popoului atît în exteriorul țării, cât și în interiorul ei. Această reprezentare se realizează la încheierea tratatelor internaționale, la acreditarea și rechemarea reprezentanților diplomați ai republicii, prin aprobarea, înființarea, desființarea sau schimbarea rangului misiunilor diplomatice ori acreditarea reprezentanților diplomați ai altor state în Republica Moldova. Pe plan intern, funcția de șef de stat se manifestă prin faptul că Președintele Republicii are sarcina de a garanta suveranitatea, independența națională, unitatea și integritatea teritorială a țării, ceea ce presupune, în mod logic, ca Președintele să fie „comandantul suprem al forțelor armate”. În vederea realizării acestei sarcini, Președintele este investit cu atribuții în domeniul apărării (declararea mobilizării, respingerea agresiunii armate) și în situații excepționale (instituirea stării de urgență sau a stării de asediu).

Ipostaza de șef al executivului a Președintelui Republicii se mani-

festă prin asigurarea activității legitime, efective și optime a întregului aparat executiv. În acest scop, Președintele este investit cu atribuții de a desemna candidatura pentru funcția de prim-ministru; de a numi în funcție membrii Guvernului după acordarea votului de încredere de către Parlament; de revocare și numire, la propunerea prim-ministrului, a unor membri ai Guvernului în cazul remaniierilor guvernamentale etc.

Atribuțiile Președintelui Republicii este logic să le examinăm în funcție de:

- 1) raporturile lui cu Parlamentul;
- 2) raporturile Președintelui cu Guvernul;
- 3) raporturile cu puterea judecătorească;
- 4) domeniul politicii externe a Republicii Moldova;
- 5) domeniul apărării țării;
- 6) alte domenii [14, p. 131].

1. Atribuțiile Președintelui în raporturile sale cu Parlamentul sînt condiționate de:

- 1.1. Alegerea și demiterea lui;
- 1.2. Adresarea către Parlament a mesajelor cu privire la principalele probleme ale națiunii;
- 1.3. Convocarea și dizolvarea Parlamentului;
- 1.4. Participarea la activitatea de legiferare (promulgare a legilor) etc.

1.1. *Alegerea și demiterea Președintelui Republicii.* Președintele Republicii, după cum a fost menționat deja, este ales de către Parlament, fiind unul dintre șefii puterii executive, ceea ce, logic, conduce la necesitatea unor legături instituționalizate cu Parlamentul, în calitate sa de putere legiuitoare sau de autoritate reprezentativă supremă a poporului, care exercită controlul asupra Guvernului și administrației publice.

O astfel de situație plasează Președintele într-un raport de dependență față de legislativ. Această dependență este evidentă și prin faptul că Președintele este demis tot de Parlament. Vorbim despre o dependență, și nu despre o subordonare, deoarece demiterea nu poate fi dispusă arbitrar, ea urmează să fie întemeiată,

iar circumstanțele care pot conduce la demitere sînt stabilite de Curtea Constituțională. Prin urmare, un vot de neîncredere exprimat Președintelui l-ar putea determina pe acesta să demisioneze, însă nu poate constitui temei pentru demitere [7, p. 103].

1.2. *Mesajele Președintelui Republicii.* Potrivit dispozițiilor Constituției, Președintele ia parte la lucrările Parlamentului și adresează acestuia mesaje cu privire la principalele probleme ale națiunii.

Președintele poate participa la lucrările Parlamentului atît din proprie inițiativă, potrivit prevederilor Constituției, cît și din inițiativa organului legislativ. În ultima situație, Președintele Republicii este solicitat să participe la lucrările Parlamentului sau impus de specificul realizării unor atribuții. În această situație, participarea la lucrările Parlamentului intervine independent de dorința Președintelui. Astfel, șeful statului trebuie să consulte fracțiunile parlamentare pentru desemnarea candidaturii primului ministru sau dizolvarea Parlamentului; să dea explicații în legătură cu demiterea din funcție, în legătură cu prelungirea mandatului pentru caz de război sau catastrofă; prezentarea proiectelor de legi etc. În aceste cazuri este solicitată prezența personală a Președintelui și numai în cazuri excepționale acesta poate fi reprezentat de consilierii săi.

Rolul mesajelor prezidențiale este de a sensibiliza forul legislativ cu problemele politice prioritare sau care în optica verigii legislative a puterii și celei executive sînt privite în mod diferit, riscînd să producă blocaje în activitatea statală sau tulburări în viața socială. Cu alte cuvinte, Președintele nu face decît să atragă atenția asupra unor probleme, fără a dobîndi o poziție de superioritate în cadrul sistemului constituțional, Parlamentul fiind suveran să adopte sau nu anumite măsuri ulterioare [12, p. 275]. Prin mesaj, poporul ia cunoștință de opiniile șefului statului și pozițiile acestuia în probleme de importanță deosebită. În același timp, trebuie să relevăm semnificația mesajului

șefului de stat care diferă de la o formă de guvernămînt la alta.

La exercitarea atribuției constituționale privind mesajele emise de către Președinte, în absența unui cadru legislativ adecvat, în doctrină au apărut probleme cu privire la *conținutul mesajului*, la *forma de adresare a acestuia*, precum și la *regimul juridic aplicabil* și, implicit, la *efectele mesajului* [20, p. 300].

Cît privește primul aspect, a fost apreciat că sfera problemelor ce pot face obiectul mesajului este *relativ determinată, fiind lăsată la libera apreciere a Președintelui*, care poate decide conținutul acestuia. Este reliefată o putere veritabilă discreționară de care dispune Președintele în alegerea conținutului mesajului care urmează să fie prezentat Parlamentului.

Sub aspectul *forme* de adresare a mesajului, nici Constituția, nici un alt text legal nu conțin vreo precizare, puțînd fi imaginate diverse forme de adresare, și anume: *prezentarea directă de către Președinte, citirea mesajului de către un consilier prezidențial sau chiar expedierea mesajului sub forma unei scrisori publice*.

În ceea ce privește *regimul juridic aplicabil* mesajelor și efectele lui, răspuns în Constituție nu găsim. Legea Supremă expres prevede numai că „Președintele Republicii Moldova adresează Parlamentului mesaje cu privire la principalele probleme ale națiunii” (art. 84 alin. (2)).

1.3. *Convocarea și dizolvarea Parlamentului.* Potrivit normelor constituționale, Parlamentul nou-ales este convocat de către Președintele Republicii în cel mult 30 de zile de la alegeri. Întrunirea Parlamentului este dispusă prin decret prezidențial, după validarea a două treimi din mandatele de deputați. Prima ședință sau ședința de constituire a legislativului nou-ales este prezidată de cel mai în vîrstă deputat. La această ședință se aleg organele de lucru. După această procedură, Parlamentul este prezidat de Președintele Parlamentului sau de unul dintre vicepreședinții acestuia.

Convocarea Parlamentului intervine, de drept, în cazul în care Președintele Republicii, potrivit art. 87 din Constituție, ia măsuri pentru respingerea agresiunii armate îndreptate împotriva țării, declarând stare de război. În asemenea situații, Președintele aduce neîntârziat acest fapt la cunoștința Parlamentului, care se va convoca în termen de 24 de ore de la declanșarea agresiunii, în cazul în care nu se află în sesiune.

Pentru *dizolvarea Parlamentului* de către Președintele Republicii, Constituția oferă *trei temeuri*:

- 1) imposibilitatea formării unui nou Guvern;
- 2) blocarea procedurii legislative a Parlamentului mai mult de 3 luni;
- 3) imposibilitatea alegerii Președintelui Republicii nici după alegerile repetate.

În cazul situației pasibile de dizolvare a Parlamentului, Președintele Republicii, după consultarea fracțiunilor parlamentare (în primele două cazuri), sesizează Curtea Constituțională, care este competentă să constate dacă se întrunesc circumstanțele ce justifică dizolvarea Parlamentului. După constatarea unor astfel de circumstanțe, Președintele este obligat să dispună dizolvarea Parlamentului [19].

Potrivit prevederilor art. 85 din Constituție, în cazul imposibilității formării Guvernului, Parlamentul poate fi dizolvat, dacă nu a acceptat votul de încredere pentru formarea Guvernului, în termen de 45 de zile de la prima solicitare și numai după respingerea a cel puțin două solicitări de investitură. Același articol prevede și faptul că în cursul unui an Parlamentul poate fi dizolvat doar o singură dată. Parlamentul nu poate fi dizolvat în ultimele 6 luni ale mandatului Președintelui Republicii și nici în timpul stării de urgență, de asediu sau de război. Această restricție nu se referă la cazul în care Președintele Republicii nu poate fi ales.

1.4. *Promulgarea legii*. Proceul de legiferare este unul dintre cele mai complicate și responsabile procese în societate, de aceea este firesc ca acesta, revenindu-i

Parlamentului, ca organ reprezentativ suprem și unică autoritate legiuitoare, să fie realizat în colaborare cu alte autorități publice. În acest caz, Președintele participă la trei etape ale procedurii de legiferare. Șeful statului poate iniția o procedură legislativă prin înaintarea unei inițiative legislative, promulgă legile adoptate de Parlament și le trimite pentru publicare în "Monitorul Oficial".

În virtutea dreptului de *inițiativă legislativă*, șeful de stat, potrivit prevederilor art. 73 din Constituția Republicii Moldova și ale art. 44 din Regulamentul Parlamentului, înaintează legislativului proiecte de legi și alte propuneri legislative, care trebuie obligatoriu să fie examinate.

Promulgarea legii este următoarea fază legislativă la care participă șeful statului în virtutea atribuțiilor sale constituționale. "A promulga" înseamnă a da caracter executoriu unei legi, atestându-i oficial existența. Totodată, promulgarea este acțiunea de a promulga și rezultatul ei. Anume această acțiune reprezintă o atribuție a Președintelui în raporturile sale cu Parlamentul.

Promulgarea legii reprezintă o constantă a dreptului public contemporan, ce rezidă în recunoașterea în favoarea șefului de stat – fie monarh constituțional, fie președinte de republică – a dreptului de a *investi legile adoptate de Parlament cu formulă executorie*, obligând autoritățile publice să execute prevederile lor. Cu alte cuvinte, promulgarea reprezintă actul prin care șeful de stat autentifică textul legii, altfel spus, constată și atestă regularitatea adoptării lui [22, p. 216]. De aici, probabil, includerea Președintelui Republicii în sfera puterii legislative de către unii autori de drept administrativ, *calificare cu care nu putem fi de acord din considerentele expuse deja anterior*.

Odată adoptată, legea este semnată în termen de 20 de zile de Președintele Parlamentului sau de unul dintre vicepreședinți și este trimisă, în termen de 25 de zile de la adoptare, Președintelui Republicii spre promulgare.

În ceea ce privește termenul de promulgare a legii și motivele pentru care șeful de stat poate remite legea spre reexaminare, atât în practica creativ-legislativă, cât și în literatura de specialitate [7, p. 108], există diverse opinii. În acest sens, alin. (2) din art. 93 din Constituție și art. 23 din Regulamentul Parlamentului determină că Președintele Republicii este în drept, în cazul în care are obiecții asupra unei legi, să o trimită spre reexaminare Parlamentului *în termen de cel mult două săptămâni*.

Lipsa determinării decurgerii termenului indicat a dus diverse interpretări în acest sens. Acest fapt a condiționat implicarea Curții Constituționale pentru interpretarea prevederilor legale. În acest sens, Curtea Constituțională a constatat că promulgarea legii este o prerogativă a Președintelui țării, consacrată de normele imperative ale Constituției, și nici o altă autoritate publică în stat nu și-o poate aroga. În virtutea acestui caracter, Președintele este obligat să promulge legea pe durata a două săptămâni de la înregistrarea ei la Președinție. În același termen, legea trebuie să fie promulgată și după reexaminarea ei de către Parlament la cererea Președintelui [15].

Din cele relatate rezultă că șeful statului nu poate refuza promulgarea legii și nici nu poate depăși termenul de două săptămâni prevăzut pentru promulgare.

În cazul în care Președintele, după examinarea legii, are anumite obiecții, el este în drept să trimită legea spre reexaminare Parlamentului. Totodată, Președintele beneficiază de acest drept o singură dată. Legea trimisă spre reexaminare trebuie să fie însoțită de obiecțiile de ordin redacțional, de oportunitate, de fond, de procedură sau de orice alt motiv care face inacceptabilă legea în ansamblu sau o parte a ei.

Rațiunea remiterii legii spre reexaminare este susținută de necesitatea de a atenționa legiuitorul, în mod special, asupra legii care, din anumite motive, îngrijorează șeful statului înainte de a dispune executarea acesteia. Reconfirmarea de către Parlament a intenției sale prin

menținerea votului asupra hotărârii adoptate anterior face ca obiecțiile Președintelui să fie respinse și promulgarea devine obligatorie. În cazul în care Președintele Republicii nu-și exercită dreptul sau nu-și onorează obligația de a promulga legea, el decade din acest drept, urmînd ca legea, la expirarea termenului de decădere de două săptămîni, să fie publicată în "Monitorul Oficial" fără a mai fi supusă, în mod obligatoriu, promulgării, devenind astfel obligatorie și opozabilă pentru toți.

Considerăm că mecanismul legal de promulgare a legilor de către Președintele Republicii este unul discutabil. Obligația Președintelui de a promulga legea revotată în Parlament cu același număr de voturi a deputaților condiționează, în viziunea noastră, formalitatea acestui gen de activitate a Președintelui țării. Contribuția Președintelui la sporirea calității actelor legislative ar fi una mai sporită, dacă legea transmisă pentru reexaminare ar fi revotată în Parlament cu un alt număr de voturi. De exemplu, legea ordinară să fie revotată nu cu majoritatea simplă din numărul deputaților prezenți în ședință, ci prin majoritatea simplă din numărul deputaților aleși.

Faza a treia în procesul de legiferare la care participă Președintele Republicii este cea de intrare a legii în vigoare. După promulgare, Președintele țării trimite legea spre publicare în "Monitorul Oficial". Intrarea în vigoare a legii este condiționată de mai mulți factori determinanți de legiuitor, care decide asupra momentului de producere a efectelor juridice ale noii legi [8, p. 38-41].

2. Atribuțiile Președintelui în raporturile sale cu Guvernul și cu alte autorități administrative. În raporturile sale cu Guvernul, șeful statului este implicat chiar de la formarea executivului prin desemnarea candidatului pentru funcția de prim-ministru. Potrivit prevederilor art. 98 din Constituție, Președintele Republicii desemnează un candidat pentru funcția de prim-ministru, în urma consultării fracțiunilor parlamentare, de regulă, accentul consultărilor se pune pe fracțiunea care

deține majoritatea absolută în Parlament ori fracțiunile care constituie alianța de guvernare.

Din reglementarea textului constituțional rezultă următoarele aspecte:

- Președintele desemnează un candidat pentru funcția de prim-ministru. Cu alte cuvinte, nu este numită o persoană, ci aceasta numai candidează pentru funcția de prim-ministru.

- Persoana este desemnată pentru a candida la funcția de prim-ministru după ce Președintele se consultă cu fracțiunile parlamentare, pentru a obține susținerea Parlamentului.

Cu referire la desemnarea candidaturii pentru funcția de prim-ministru este de menționat că Președintelui îi aparține dreptul discreționar de a selecta această candidatură, iar consultarea fracțiunilor parlamentare nu-l obligă să se conformeze părerilor fracțiunilor cu riscul de a nu fi susținut la acordarea votului de încredere.

Potrivit Constituției, în termen de 15 zile de la desemnare, candidatul pentru funcția de prim-ministru va cere votul de încredere al Parlamentului asupra programului și a întregii liste a Guvernului. După acordarea votului de încredere, Președintele exercită numirea membrilor Guvernului prin decretul său.

Legea Supremă nu stabilește un termen concret pentru numirea Guvernului după ce Parlamentul i-a acordat vot de încredere; prin urmare, acest termen urmează să fie unul rezonabil și în niciun caz nu trebuie să afecteze intrarea Guvernului în exercițiul funcțiilor sale, în general, și al funcțiilor de conducere generală a administrației publice, în special [18].

După numire, conform prevederilor art. 98 alin. (4) din Constituție, Guvernul își exercită atribuțiile din ziua depunerii jurămîntului de către membrii lui în fața Președintelui Republicii.

O altă atribuție a Președintelui în raporturile sale cu Guvernul este revocarea și numirea unor membri ai acestuia. Potrivit reglementărilor art. 98 alin. (6) din Constituție, în

caz de remaniere guvernamentală sau de vacanță a funcției, Președintele revocă și numește, la propunerea primului ministru, unii membri ai Guvernului.

O atribuție importantă a șefului statului este cea de *consultare a primului ministru la emiterea unor decrete*. Potrivit dispozițiilor constituționale din art. 96 alin. (1), Guvernul asigură realizarea politicii interne și externe a statului, conform programului de guvernare acceptat de Parlament. El poartă, așadar, răspunderea politică pentru rezolvarea problemelor cu care se confruntă țara. În același context, șeful statului îi revin anumite atribuții pe care trebuie să le exercite doar de comun acord cu Guvernul [14, p. 136].

Contrasemnarea unor decrete ale Președintelui țării de către primul-ministru înseamnă și angajarea răspunderii celui din urmă în ceea ce privește conținutul actului. Asumarea răspunderii este urmare firească a responsabilității care derivă din atribuțiile Guvernului, presupunînd și cunoașterea realităților atît de necesare în conducerea țării. Pentru adoptarea celor mai bune și adecvate măsuri ori pentru luarea unor hotărîri importante, este nevoie de asigurarea unui cadru juridic. Acesta presupune că, în problemele de reglementare care cer contrasemnătura primului ministru, Președintele Republicii trebuie să consulte Guvernul. O astfel de consultare urmărește scopul de a înlesni adoptarea unor decizii corecte în îndeplinirea atribuțiilor și excluderea confruntării dintre Președinte și Guvern [7, p. 113].

O altă categorie de raporturi dintre Președinte și Guvern apar în urma *controlului exercitat asupra actelor Guvernului*. În cazul în care consideră că o hotărîre de Guvern este ilegală, Președintele poate dispune suspendarea efectelor acesteia și solicită Curții Constituționale să exercite un control de legalitate.

Raporturile Președintelui cu alte autorități administrative rezultă din atribuțiile acestuia de a numi persoane în anumite funcții publice, precum și din faptul că autoritățile

administrative prezintă șefului statului rapoarte prin care îl informează despre starea de lucruri etc.

3. Atribuțiile Președintelui în raporturile sale cu puterea judecătorească. Practica mondială privind raporturile șefului statului cu puterea judecătorească este diferită. Ea depinde de locul și rolul care îi revin șefului statului în sistemul puterii judecătorești. De exemplu, în Franța și Italia, Președintele Republicii este și președintele Consiliului Superior al Magistraturii. În România, Președintele țării este investit cu dreptul de a participa la lucrările Consiliului. Astfel, acesta este invitat de drept la lucrările Consiliului Superior al Magistraturii, el participând ori de câte ori consideră că prezența sa la dezbateri este necesară, se înțelege din proprie inițiativă fără a fi nevoie de o invitație. Față de rangul său, el va prezida lucrările acestui organ atunci când participă la ședințele lui, fără drept de vot, nefiind membru al Consiliului [6, p. 115].

Raporturile Președintelui Republicii cu autoritățile publice cu funcții jurisdicționale constau în *numirea și eliberarea din funcție* a judecătorilor din instanțele judecătorești și curțile de apel. Acest drept determină mecanismul de colaborare cu puterea judecătorească. Conform Constituției (art. 116), judecătorii instanțelor judecătorești sînt numiți în funcție de Președinte, la propunerea Consiliului Superior al Magistraturii. Fără a intra în detalii, credem că soluția dată de Constituție are menirea de a evidenția posibilitatea șefului statului de a influența procesul de investitură a magistraților. După cum este menționat în Constituție, decizia aparține, practic, Consiliului Superior al Magistraturii, Președintele Republicii, în acest caz, poate refuza numirea unei persoane, dar niciodată nu poate numi vreo persoană în funcția de magistrat, dacă aceasta nu figurează în lista candidaților înaintați de Consiliul Superior al Magistraturii. Acesta din urmă este conceput fără influențe politice sub aspectul procedurii de adoptare a deciziilor.

Polemica poate apărea în aspectul în care ne referim la dreptul Președintelui de a refuza numirea judecătorilor propuși de Consiliul Superior al Magistraturii, deoarece judecătorii, înainte de a fi numiți, sînt selectați în urma unui concurs, așa cum prevăd normele constituționale. Regula concursului presupune că persoana care a câștigat concursul urmează să fie investită în funcția de judecător fără alte condiții, prin urmare, numirea judecătorului în funcție este *un act formal* și nu poate fi condiționată de Președintele Republicii în virtutea respectării principiului separației puterilor în stat [7, p. 117]. Acestea rezultă și din prevederile art. 123 alin. (1) din Constituție, în care se menționează: „Consiliul Superior al Magistraturii asigură numirea, transferarea, detașarea, promovarea în funcție și aplicarea de măsuri disciplinare față de judecători”.

O altă categorie de atribuții ale Președintelui urmează a fi examinate *în raport cu unica autoritate de jurisdicție constituțională*. Sub acest aspect, Președintele poate sesiza Curtea Constituțională pentru a supune controlului constituționalității actele Parlamentului și ale Guvernului, pentru a solicita interpretarea Constituției, precum și pentru a constata circumstanțele care justifică dizolvarea Parlamentului. Sesizarea se face în condițiile Legii cu privire la Curtea Constituțională și a Codului jurisdicției constituționale.

Curtea Constituțională, la rîndul său, confirmă rezultatele alegerilor Președintelui și validează mandatul acestuia. De asemenea, Curtea constată circumstanțele care justifică demiterea Președintelui Republicii sau interimatul funcției de Președinte, precum și imposibilitatea acestuia de a-și exercita atribuțiile mai mult de 60 de zile.

4. Atribuțiile Președintelui în domeniul politicii externe a Republicii Moldova. Considerînd *politica externă la fel o dimensiune a administrației publice*, rezultă că reglementarea unor atribuții pentru șeful de stat, în acest domeniu, reprezintă semnificația implicării sale

în procesul decizional administrativ [20, p. 319].

Politica externă a Republicii Moldova fiind înțeleasă, în mod uzual, ca o exteriorizare a puterii statului moldovenesc față de alte state, dar mai ales față de alte organisme internaționale, atrage, în mod inevitabil, implicarea în procesul decizional politic nu doar a autorităților administrației publice situate la nivelul puterii executive superioare, ci și a tuturor autorităților publice, în general, inclusiv a Parlamentului și a șefului de stat pentru a asigura credibilitatea țării în exterior.

În planul *politicii externe*, Constituția Republicii Moldova conține o serie de prevederi care prescriu rolul și atribuțiile Parlamentului [5, art. 66 lit. d) și g)], Președintelui Republicii Moldova [5, art. 86] și Guvernului [5, art. 96 alin.(1)] în stabilirea și realizarea în concret a acesteia, atribuții care asigură, în mod necesar, și o colaborare în acest plan a acestor autorități publice ale statului [25, p. 45].

Potrivit art. 86 din Constituția Republicii Moldova, atribuțiile șefului de stat în domeniul politicii externe pot fi divizate în două grupe:

- Președintele țării poartă tratative și ia parte la negocieri, încheie tratate internaționale în numele Republicii Moldova și le prezintă, în modul și în termenul stabilit prin lege, spre ratificare Parlamentului.

- Președintele Republicii Moldova acreditează și recheamă reprezentanții diplomatici ai țării și aprobă înființarea, desființarea sau schimbarea rangului misiunilor diplomatice. El primește scrisorile de acreditare și de rechemare ale reprezentanților diplomatici ai altor state în Republica Moldova.

Aceste atribuții sînt realizate de către Președintele Republicii Moldova în strînsă colaborare cu toate autoritățile publice de toate verigile puterii. În orice societate nu se poate vorbi, logic, despre existența unei voințe de stat, a unei voințe politice a unui stat în afara voinței autorităților de stat, în primul rînd, a autorităților publice centrale ale statului:

Parlament, Președintele Republicii, Guvern.

Tocmai de aceea, politica externă nu poate fi o zonă de preocupări exclusive ale ministerului de resort sau ale șefului de stat, în anumite coordonate, și o problemă a Parlamentului, ca organ prin care poporul își exercită suveranitatea națională, precum și prin faptul că acesta este unica autoritate legiuitoare, cel puțin în sistemul nostru constituțional. De altfel, contactele cu străinătatea ale acestor autorități se realizează prin cooperare cu Ministerul Afacerilor Externe și Integrării Europene.

În ceea ce privește acreditarea și rechemarea reprezentanților diplomați, aprobarea înființării, desființării sau schimbării rangului misiunilor diplomatice, decretele respective ale Președintelui Republicii Moldova, potrivit prevederilor art. 94 alin. (2) din Constituție, se contrasemnează de către primul ministru. Ca atare, cei doi șefi ai executivului trebuie să negocieze personalul de stat și, respectiv, rangurile misiunilor diplomatice ale Republicii Moldova [7, p. 119].

5. Atribuțiile Președintelui Republicii Moldova în domeniul apărării. Exercitarea acestei atribuții este legitimată de calitatea de șef al statului și de funcția acestuia de garant al independenței naționale, al unității și integrității teritoriale a țării. Aceste atribuții sînt expres stipulate în Constituție (art. 87), unde se stipulează că:

- Președintele Republicii Moldova este comandant suprem al forțelor armate;

- Președintele poate declara, cu aprobarea prealabilă a Parlamentului, mobilizarea parțială sau generală;

- în caz de agresiune armată îndreptată împotriva țării, ia măsuri pentru respingerea agresiunii, declară stare de război și le aduce neîntîrziat la cunoștința Parlamentului.

Președintele țării recurge la exercitarea atribuției de a declara mobilizarea generală sau parțială a forțelor armate în cazul în care o asemenea măsură se impune în vir-

tutea unui pericol sigur pentru independența, unitatea și integritatea teritorială a țării. Pentru a se elimina orice posibilitate de voluntarism în exercitarea acestei atribuții, declararea mobilizării forțelor armate se poate face numai cu aprobarea Parlamentului, iar dacă acesta nu se află în sesiune, el se convoacă de drept în 24 de ore de la declanșarea agresiunii.

Luarea măsurilor necesare pentru respingerea unei agresiuni armate îndreptate împotriva țării este permisă Președintelui în temeiul art. 87 din Constituție. Spre deosebire de situația anterioară, referitoare la mobilizarea forțelor armate în care pericolul pentru țară era iminent, de această dată el s-a produs, agresiunea armată îndreptată împotriva țării fiind declanșată. În această situație, Președintele va lua măsuri pentru asigurarea securității naționale și a ordinii publice prin instituirea regimurilor juridice speciale de urgență, de asediu sau de război, în limitele și în condițiile legii.

Instituirea stării de asediu sau de război, în dreptul public reprezintă un regim de restrîngere a libertăților publice în caz de amenințare străină sau de tulburări interne, care se caracterizează prin extinderea sferei de competență a poliției, prin posibilitatea de substituire a autorităților civile în favoarea autorităților militare și prin extinderea competențelor tribunalelor militare.

Starea de urgență reprezintă, de asemenea, un regim de restrîngere a libertăților fundamentale ale cetățenilor. Ea se caracterizează prin extinderea atribuțiilor ordinare ale poliției și ale autorităților publice, care, în virtutea unor evenimente extraordinare, *instituie un regim special de administrare* [14, p. 384-388].

Starea de asediu intervine în situații excepționale, care presupun implicarea forțelor armate și se datorează factorilor din exterior, în timp ce starea de urgență este impusă de evenimente extraordinare interne, cum ar fi calamitățile naturale sau alte dezastre. În ambele situații, măsurile excepționale au în vedere fie întregul teritoriu al statului, fie

unele localități din țară [7, p. 120; 14, p. 388-391].

Restrîngerea drepturilor și libertăților cetățenilor în cazuri excepționale, potrivit art. 54 alin. (1) din Constituție, se poate face doar prin lege organică [5, art. 72], respectînd principiul proporționalității.

Exercițiul drepturilor și libertăților nu poate fi supus altor restrîngeri decît celor prevăzute de lege, care corespund normelor unanim recunoscute ale dreptului internațional și sînt necesare în interesele securității naționale, integrității teritoriale, bunăstării economice a țării, ordinii publice, în scopul prevenirii tulburărilor în masă și infracțiunilor, protejării drepturilor, libertăților și demnității altor persoane, împiedicării divulgării informațiilor confidențiale sau garantării autorității și imparțialității justiției. Orice restrîngere trebuie să fie proporțională cu situația care a determinat-o și nu poate atinge existența dreptului sau a libertății. În niciun caz nu pot fi restrînse: *accesul liber la justiție; prezumția nevinovăției; neretroactivitatea legii; dreptul de a-și cunoaște drepturile și îndatoririle sale; dreptul la viață și la integritatea fizică sau psihică* [5, art. 20-24].

6. Atribuțiile Președintelui în alte domenii. Președintele Republicii Moldova, ca șef de stat, garant al suveranității, independenței naționale, al unității și integrității teritoriale a țării, pe lângă atribuțiile deja examinate, este investit și cu alte atribuții, printre care:

- conferirea decorațiilor și titlurilor de onoare;

- acordarea gradelor militare superioare prevăzute de lege;

- soluționarea problemelor cetățeniei Republicii Moldova și acordarea azilului politic;

- numirea în funcții publice, în condițiile prevăzute de lege;

- acordarea de grațiere individuală;

- cererea poporului să-și exprime, prin referendum, voința asupra problemelor de interes național;

- acordarea rangurilor diplomatice;

- conferirea gradelor superioare

de clasificare a colaboratorilor din procuratură, judecătorie și a altor categorii de funcționari, în condițiile legii;

- suspendarea actelor Guvernului ce contravin legislației, pînă la adoptarea hotărîrii definitive a Curții Constituționale [5, art. 88].

Actele emise de Președintele Republicii Moldova. Șeful de stat, ca subiect al administrării publice, influențează persoanele (fizice și juridice) și procesele administrate (obiectul administrării) prin intermediul emiterii diverselor acte de administrare. Legea Supremă prevede că: „În exercitarea atribuțiilor sale, Președintele Republicii Moldova emite decrete, obligatorii pentru executare pe întreg teritoriul statului. Decretele sînt publicate în Monitorul Oficial al Republicii Moldova“ [5, art. 94 alin. (1)]. Dacă pornim de la aceste prevederi constituționale, reiese că șeful statului emite doar decrete, în pofida faptului că norma constituțională nominalizată este intitulată: „Actele Președintelui“. Din această prevedere reiese de asemenea că Președintele emite numai acte juridice cu un singur regim juridic și unica denumire – *decrete*.

Avem restanțe la această prevedere constituțională și considerăm că ea necesită o concretizare, deoarece, în viziunea noastră, activitatea creativ-normativă a aparatului Președintelui Republicii Moldova nu se limitează la elaborarea, emiterea și punerea în executare a decretelor. Președintele Republicii Moldova emite atît acte juridice (și nu o singură categorie), cît și acte politice.

În primul rînd, chiar norma juridică prevăzută în art. 94 alin. (1) din Constituție, în viziunea noastră, intră în contradicție cu conținutul normelor constituționale prevăzute de art. 84, 85, 86 și 93 din Constituție. De exemplu, potrivit normei constituționale (art. 84 alin. (2)), Președintele Republicii Moldova adresează Parlamentului *mesaje cu privire la principalele probleme ale națiunii*. De aici reiese întrebarea: Mesajul este act emis de către Președinte sau nu? Dacă da, atunci

el este act politic sau act juridic? Dacă presupunem că mesajul este act juridic, atunci pentru obținerea forței juridice el trebuie să fie publicat în „Monitorul Oficial“, însă norma constituțională nominalizată nu prevede o asemenea condiție. Dacă mesajul este act juridic, atunci el trebuie să producă efecte juridice, iar conținutul lui ar trebui să fie obligatoriu pentru Parlament, însă realitatea este alta. În baza celor menționate, considerăm că mesajul Președintelui adresat Parlamentului este un act politic [14, p. 142].

În al doilea rînd, în procesul realizării atribuțiilor sale, Președintele țării emite și acte referitoare la unele operațiuni administrative care produc efecte juridice, și anume: încheie tratate internaționale în numele Republicii Moldova; prezintă aceste tratate spre ratificare Parlamentului; consultă fracțiunile parlamentare în privința candidatului pentru funcția de prim-ministru; apelează la voința poporului asupra problemelor de interes național prin referendum; solicită încuviințarea de către Parlament a măsurilor adoptate în situații excepționale; se adresează cu o cerere prin care solicită Parlamentului reexaminarea legii neratificate; sesizează Curtea Constituțională cu privire la neconstituționalitatea unei legi; suspendă executarea actului Guvernului care contravine legislației și sesizează Curtea Constituțională cu privire la neconstituționalitatea lui etc.

Este indiscutabil că cele nominalizate sînt acte de administrare, majoritatea din ele fiind acte juridice, întrucît generează obligații constituționale procedurale pentru alte autorități [9, p. 744].

Această concluzie poate fi confirmată și prin una din Hotărîrile Curții Constituționale [16]. La solicitarea unuia dintre deputații Parlamentului, Curtea trebuie să explice prin care act (decret, demers, scrisoare etc.) Președintele Republicii Moldova, în cazul în care are obiecții asupra unei legi, o trimite spre reexaminare Parlamentului. Curtea Constituțională a relevat că, într-adevăr, textul art. 93 din Constitu-

ție nu prevede modalitatea prin care șeful statului trimite Parlamentului legea spre reexaminare, iar decretul emise de Președinte, potrivit art. 94 din Constituție, sînt obligatorii pentru executare pe întreg teritoriul statului și, de regulă, ele au caracter normativ. Obiecțiile șefului statului asupra unei legi, indiferent de natura lor, nu sînt obligatorii pentru Parlament. Aceasta rezultă din textul art. 93 alin. (2) din Constituție, care prevede dreptul Parlamentului de a-și menține în procesul reexaminării legii hotărîrea adoptată anterior. Reexaminarea legii este obligatorie pentru Parlament, iar obiecțiile invocate de Președinte înseamnă, de fapt, refuzul șefului statului de a promulga legea.

Prin urmare, art. 93 din Constituție îi dă posibilitate Președintelui să trimită legile cu obiecțiile sale spre reexaminare Parlamentului print-un demers scris [7, p. 122].

În concluzie, vom reține că:

- toate actele de administrare emise de către Președintele Republicii Moldova ca subiect al administrării publice sînt *acte administrative*, caracteristice pentru veriga organelor executive a statului;

- aceste acte se referă atît la categoria actelor juridice, cît și la categoria actelor exclusiv politice (mesaje, declarații, apeluri etc.);

- majoritatea actelor juridice preiau forma de *decret*. Decretul este un act administrativ juridic de bază pe care îl emite Președintele Republicii Moldova și care este utilizat de el ca instrument juridic de bază pentru realizarea atribuțiilor ce îi revin.

Unele decrete ale șefului de stat au statut de *act administrativ cu caracter normativ* (de exemplu, decretul Președintelui Republicii Moldova nr. 1501-11 din 05.06.2000 „Cu privire la unele măsuri de asigurare a legalității și ordinii publice“ [10]), altele au statut de acte administrative cu caracter individual (decrete cu privire la: conferirea decorațiilor și titlurilor de onoare, acordarea gradelor militare supreme, acordarea cetățeniei, acordarea rangurilor diplomatice, conferirea gradelor superioare de clasificare etc.).

De regulă, cele mai importante decrete ale Președintelui sînt contrasemnate de către prim-ministru. Acestea țin de domenii deosebit de importante și pentru realizarea cărora Guvernul este responsabil nemijlocit. Domeniile respective sînt determinate expres de Constituție, în art. 86 alin. (2), acreditarea și rechemarea reprezentanților diplomați și în art. 87 alin. (2), (3) și (4) (respingerea agresiunii armate), contrasemnarea în aceste cazuri intervine în virtutea prevederilor art. 94 alin. (2). Toate celelalte decrete nu se supun procedurii contrasemnării și intervin în diverse domenii a căror administrare este pusă în seama Președintelui.

Contrasemnarea este o instituție juridică prin care se produc efecte juridice asupra actului contrasemnat, adică determină legalitatea și valabilitatea acestuia, în cazul nostru a decretului Președintelui. Această instituție determină o interdependență a șefului statului de Guvern, generată de regula fundamentală a guvernării democratice, potrivit căreia executivul, prin contrasemnarea de către primul ministru a decretelor Președintelui, își asumă răspunderea politică pentru acestea [7, p. 123].

Contrasemnarea actelor emise de șeful statului are o dublă semnificație. O latură a ei rezidă în autentificarea decretului care îi conferă formă legală. Autentificarea se exprimă prin certificarea semnăturii șefului statului și constatarea că actul este emis conform regulilor stabilite pentru activitatea sa. Ea este o garanție că șeful statului nu își depășește competențele atribuite prin Constituție și lege. Cealaltă latură a contrasemnării este determinată de caracterul regimului politic al statului, cînd primul ministru, contrasemnînd decretul prezidențial, își asumă responsabilitatea politică pentru acest act, oferă o garanție a responsabilității politice a Guvernului față de Parlament.

Această procedură conferă prerogativelor șefului statului o valoare semnificativă, constituind o modalitate suplimentară de a influența prin puterea de reglementare activitatea

guvernamentală. În cazul necontrasemnării actului, *acesta devine nul*. În fapt, contrasemnarea este o condiție esențială a validității actului contrasemnat, iar prin contrasemnarea decretelor Președintelui de către primul ministru se înțelege angajarea responsabilității politice a Guvernului față de Parlament și a responsabilității juridice a primului ministru pentru aplicarea decretelor emise [17].

Decretele emise de către Președintele țării, ca acte administrative, produc efecte juridice numai după publicarea lor în "Monitorul Oficial al Republicii Moldova", dacă altă dată nu este indicată în decret.

Salutăm opinia existentă în literatura juridică [23, p. 68] referitor la insuficiența controlului legalității actelor juridice emise de către șeful de stat. Considerăm insuficient controlul constituționalității decretelor Președintelui Republicii din partea Curții Constituționale. Mai rămîne necesară verificarea de către instanțele judecătorești a conformității actelor juridice emise de către Președintele Republicii (în special, a decretelor cu caracter individual) cu legislația în vigoare. Decretele, fiind o categorie de actelor administrative, emise în baza și în scopul executării legii, urmează să fie supuse controlului de legalitate ca orice alt act administrativ, în afara celor exceptate prin lege de la controlul judecătoresc [14, p. 144].

Responsabilitatea și răspunderea Președintelui Republicii Moldova. Președintele Republicii Moldova, în procesul executării atribuțiilor care îi revin ca șef de stat, garantul suveranității, al independenței naționale, al unității și integrității teritoriale a țării, comandant suprem al forțelor armate, este responsabil și poartă răspunderea atît politică, cît și juridică pentru neonorarea acestor atribuții.

Responsabilitatea juridică și răspunderea juridică sînt elemente structurale de bază ale statutului administrativ-juridic al șefului de stat ca subiect al administrării. Responsabilitatea juridică și răspunderea juridică a Președintelui trebuie

examinată în raport cu *capacitatea de folosință* și *capacitatea de exercițiu* a lui ca subiect al administrării publice.

Capacitatea de folosință, în calitate de șef de stat, cetățeanul o poate obține din momentul alegerii lui, în modul stabilit de lege, în funcția de Președinte al Republicii Moldova și validării de către Curtea Constituțională a rezultatelor alegerii. Din acest moment, el obține statut de subiect al administrării în calitate de Președinte al Republicii Moldova, devine responsabil de onorarea atribuțiilor ce reies din funcția în care este investit, iar *din momentul obținerii capacității depline de exercițiu care corespunde cu depunerea jurămîntului, responsabilitatea juridică a Președintelui Republicii este asigurată și prin răspundere juridică, potrivit prevederilor Constituției*. Atîta timp cît șeful de stat este responsabil față de onorarea atribuțiilor constituționale, față de el nu poate fi aplicată nici constîngerea morală, nici cea politică, nici cea juridică.

Răspunderea juridică a Președintelui Republicii Moldova poate fi aplicată numai în cazul în care va fi depășită responsabilitatea juridică, *cu condiția că el dispune de capacitate administrativ-juridică deplină ca funcționar public cu statut special*.

Logic, apare întrebarea: În cazul interimatului funcției de Președinte al Republicii Moldova, cînd persoana care execută această funcție (în cazul țării noastre, deja două perioade, de fiecare dată cîte un an) n-a depus jurămîntul, față de ea poate fi aplicată răspunderea penală pentru încălcarea normelor constituționale sau nu? Actele juridice emise de către Președintele interimat (fără capacitate de exercițiu deplină) au valoare juridică sau nu?

La analiza răspunderii juridice a Președintelui țării trebuie să pornim de la analiza normei constituționale care prevede „incompatibilități și imunități” (art. 81 din Constituție). Primul alineat al acestei norme stipulează: „Calitatea de Președinte al Republicii Moldova este incom-

patibilă cu exercitarea oricărei alte funcții retribuite“.

Conținutul acestei norme juridice nu este clar și lasă loc pentru interpretări ambigue ale sintagmei ”funcție retribuită”. Orice neonorare a prevederilor normei, logic, trebuie sancționate. Totodată, abaterile pentru care se aplică sancțiunea trebuie să fie bine determinată și argumentată, fapt care, în mare măsură, depinde de calitatea redacției conținutului normei juridice respective. În această ordine de idei, avem restante la redacția art. 81 alin. (1) și ne punem întrebarea: Dar o altă funcție *neretribută*, de exemplu, de președinte al unui partid politic, Președintele Republicii Moldova poate să exercite sau nu? Pentru un asemenea fapt el poate fi tras la răspundere sau nu? Susținem opinia că formula constituțională „funcție retribuită” urmează a fi interpretată ca orice funcție publică ori privată, astfel, Președintele țării nu poate ocupa, nici pe baze obștești, orice altă funcție [7, p. 127].

Instituția răspunderii Președintelui este dezvoltată prin alin. (3) al art. 81 din Constituție, care prevede posibilitatea punerii sub acuzare a Președintelui pentru săvârșirea de infracțiuni. Acuzarea poate fi adusă șefului statului de către Parlament, cu votul a cel puțin două treimi din numărul deputaților aleși. De menționat că această normă constituțională, în viziunea noastră, nu este lipsită de unele lacune și conținutul ei necesită o claritate mai mare.

În primul rând, din conținutul art. 81 alin. (3) din Constituție reiese că Președintele Republicii poate fi pus sub acuzare „pentru săvârșirea de infracțiuni”. Nu credem că această prevedere este corectă, doar infracțiunile se divizează în cele *ușoare*, *mai puțin grave*, *deosebit de grave* și *excepțional de grave* [4, art. 16]; infracțiuni săvârșite *cu intenție* [4, art. 17] și săvârșite *din imprudență* [4, art. 18]. Nu ne imaginăm cum acțiunile sau inacțiunile Președintelui referitoare la onorarea atribuțiilor sau abuzul de împuterniciri ar putea întruni componența unei infracțiuni ușoare, mai puțin grave sau grave...

Pentru o analiză comparată, în acest sens ar putea servi, de exemplu, conținutul normei respective din Legea Supremă a României. Potrivit art. 96 din Constituția României – „Punerea sub acuzare“:

„(1) Camera Deputaților și Senatul, în ședință comună, cu votul a cel puțin două treimi din numărul deputaților și senatorilor, pot hotărî punerea sub acuzare a Președintelui României pentru **înalță trădare**.”

(2) Propunerea de punere sub acuzare poate fi inițiată de majoritatea deputaților și senatorilor și se aduce, neîntârziat, la cunoștință Președintelui României pentru a putea da explicații cu privire la faptele ce i se impută.

(3) De la data punerii sub acuzare și pînă la data demiterii, Președintele este suspendat de drept.

(4) Competența de judecată aparține Înaltei Curți de Casație și Justiție. Președintele este demis de drept la data rămîinerii definitive a hotărîrii de condamnare“.

Redacția acestei norme, în viziunea noastră, este mai reușită în comparație cu norma respectivă din Constituția Republicii Moldova, însă și ea poate fi supusă revizuirii, deoarece în Codul penal al României nu există o asemenea infracțiune, însă dispoziția normei menționate consacră o importantă excepție, constînd în posibilitatea înlăturării imunității Președintelui și a punerii sale sub acuzare pentru o faptă deosebit de gravă – *înalță trădare*. Aprecierea unei fapte a Președintelui ca fiind sau nu *înalță trădare*, se susține în doctrină, spre a se deduce punerea sub acuzare, este prin excelență o apreciere politică, dar, evident, în considerațiunea unor posibile calificări sub aspectul legislației penale speciale. Nici în Codul penal francez și nici în reglementarea similară din România și Republica Moldova nu este prevăzută *infracțiunea de înalță trădare*, dar în România există posibilitatea constituțională ca Președintele Republicii să fie acuzat de *înalță trădare* [20, p. 336].

Prin urmare, sintagma „înalță trădare” depășește sfera strictă a conceptelor juridice, avînd mai ales

o semnificație politică, puțin de definită ca cea mai gravă încălcare a jurămîntului și intereselor poporului și țării în exercițiul atribuțiilor prezidențiale [27, p. 193].

În aceeași ordine de idei, un alt autor român este de părerea că *fapta de înalță trădare* nu este o infracțiune care să țină, în exclusivitate, de ilicitul penal. Este și motivul pentru care ea nu este definită numai ca infracțiune, ci pur și simplu ca „faptă”, dar ca o *faptă care este apreciată pe planul consecințelor politice de către autoritatea legiuitoare*, iar *pe planul consecințelor juridice de către Parchetul General și Înalta Curte de Casație și Justiție a României*, ca autorități ale puterii judecătorești [25, p. 60].

Cu alte cuvinte, ea se situează, cum se exprimă un autor francez consacrat, la ”granița dintre politică și drept”, evocînd o *crimă politică* ce constă „în abuzul de funcție pentru o acțiune contrară Constituției și intereselor superioare ale țării” [1, p. 148].

Într-o opinie interesantă, exprimată în doctrina românească, se subliniază că în măsura în care se admite că „înalta trădare” prevăzută de Constituție este o *infracțiune*, art. 96 din Constituție devine inaplicabil, deoarece, neexistînd o asemenea infracțiune în Codul penal, Înalta Curte de Casație și Justiție, chiar dacă ar fi sesizată printr-o hotărîre adoptată de Parlament de trimitere în judecată pentru „înalta trădare” a Președintelui României, ar urma să constate că o asemenea infracțiune nu există, din punct de vedere legal, și să hotărască în consecință [11, p. 93].

Însă, din moment ce Constituția României a utilizat sintagma „înalta trădare”, este evident că ea a conceput-o ca o infracțiune foarte apropiată de cea definită și sancționată de Codul penal ca „trădare”. Dar trădarea, dacă este săvârșită de un organ de stat situat pe cea mai înaltă treaptă a ierarhiei statale cum este Președintele Republicii, va trebui considerată, în mod firesc, ca fiind de o gravitate mai mare decît dacă autorul ei ar fi un simplu cetățean.

Plecînd de la această constatare, se poate considera că, atunci cînd Constituția se referă la „înalta trădare“ comisă de Președintele Republicii, ar fi vorba de o agravantă a infracțiunii de „trădare” prevăzută de Codul penal, situație în care instanța supremă va trebui să constate că fapta Președintelui României întrunește elementele constitutive ale acestei infracțiuni și să aplice o pedeapsă apropiată de maximumul prevăzut pentru infracțiunea de „trădare“ din Codul penal [11, p. 95].

Concluzionăm că, indiferent de restanțele existente cu privire la redacția art. 96 din Constituția României, *temeiul juridic de punere sub acuzare a Președintelui Republicii*, în viziunea noastră, *în Legea Supremă a României este formulat mai reușit decît în Legea Supremă națională*.

În al doilea rînd, considerăm că Legea Supremă națională ar putea prelua prevederile art. 96 alin. (3) din Constituția României. Suspendarea de drept a mandatului Președintelui de la data punerii lui sub acuzare și pînă la data demiterii numai ar contribui la obiectivitatea anchetei, realizarea unui principiu de bază a procedurii penale, cum ar fi „Independența judecătorilor și supunerea lor numai legii“ [4, art. 26].

În al treilea rînd, pornind de la prevederile art. 81 alin. (3) din Constituția Republicii Moldova, în cazul comiterii unei infracțiuni de către Președintele Republicii, cu competența de judecare a cauzei este clar, dar cum rămîne cu competența urmării penale? Dacă presupunem că această procedură ține de competența Procuraturii Generale, atunci amintim că, potrivit prevederilor art. 125 alin. (1) din Constituție, „Procurorul General este numit în funcție de către Parlament, la propunerea Președintelui acestuia“. Atenționăm că, în toate cazurile de tragere la răspundere juridică a Președintelui țării, el evaluează în calitate de subiect special al răspunderii juridice. Abaterea pentru care el este tras la răspundere trebuie să fie indispensabilă de atribuțiile ce îi revin. Pentru faptele care nu au tangență cu pre-

rogativele funcției de Președinte al țării, acesta va răspunde ca orice cetățean, potrivit dreptului comun.

O altă modalitate a răspunderii Președintelui este *demiterea acestuia din funcție* (art. 89 din Constituție). Procedura de aplicare a acestei pedepse este absolut clară – demiterea poate fi acceptată *cu votul a două treimi din numărul deputaților aleși*. În ceea ce privește temeiul juridic de demitere – „în cazul săvîșirii unor fapte prin care încalcă prevederile Constituției“, apoi el, în viziunea noastră, este unul discutabil și poate genera multiple acțiuni subiective în acest sens. Dacă ne bazăm pe prevederile acestei norme, atunci pentru faptul că anumite decrete ale Președintelui vor fi declarate neconstituționale sau pentru neexecutarea anumitor obligațiuni, Președintelui i se va putea imputa încălcarea Constituției. De exemplu, în perioada 2009–2010 au fost recunoscute ca fiind neconstituționale două decrete emise de către Președintele interimar, iar în prima jumătate a anului 2013 – trei decrete ale Președintelui țării. Atunci, ei de fiecare dată trebuie să fie demși din funcție? Or, conform art. 77 alin. (2), Președintele Republicii Moldova este garantul integrității teritoriale a țării. Pe parcursul anilor niciunul dintre Președinții Republicii nu au realizat această atribuție. Acest fapt constituie încălcarea prevederilor Constituției sau nu [14, p. 148]?

De menționat că minimizarea subiectivismului la adoptarea hotărîrii de demitere a președintelui țării poate fi atinsă prin evaluarea nu numai de către Parlament a gravității faptelor prin care se încalcă Constituția. În toate cazurile de acest gen, circumstanțele care justifică demiterea președintelui trebuie să fie consultate de Curtea Constituțională, prin urmare, aprecierile organului legislativ, în acest sens, *pot fi infirmate*.

Constituția și Regulamentul Parlamentului prevăd mai multe condiții procedurale direcționate spre realizarea eficientă a acestei instituții de demitere a Președintelui, și anume:

- propunerea de demitere trebuie să parvină de la cel puțin o treime din numărul deputaților aleși;

- Parlamentul trebuie să comunice neîntîrziat Președintelui această propunere;

- organul legislativ, în caz de necesitate, trebuie să decidă formarea unei comisii de anchetă;

- Președintele trebuie să i se ofere posibilitatea să dea explicații cu privire la faptele care i se impută.

În cazul în care a fost instituită o comisie de anchetă, raportul ei este aprobat de Parlament, care va solicita Curții Constituționale constatarea circumstanțelor ce justifică demiterea. După primirea Avizului Curții, Parlamentul va dezbate problema demiterii Președintelui. Președintelui Republicii i se dă posibilitatea să ia cuvîntul ori de cîte ori îl solicită, de regulă, ceea ce nu poate fi interpretat în sensul obligativității prezenței lui la dezbateri. Hotărîrea de demitere se adoptă cu votul *a două treimi din deputații aleși*. După demitere, pînă la alegerea în termen de două luni a unui nou Președinte, funcțiile acestuia sînt exercitate de către președintele interimar în ordinea stabilită de Constituție.

Împărtășim opinia existentă în literatura de specialitate [7, p. 127] că, pe lîngă cele menționate, ca formă de sancționare a șefului de stat poate fi examinată exprimarea neîncrederii Parlamentului față de Președinte. Deși această pîrghie nu este prevăzută expres în Constituție, ea rezultă din dependența Președintelui față de Parlament prin faptul că este ales de acesta. Dacă Președintele va promova o politică incompatibilă cu politica Parlamentului, acesta din urmă poate intra într-o confruntare cu șeful statului și, ca urmare, *îl poate determina să demisioneze*.

Vacanța funcției de Președinte al Republicii Moldova intervine în caz de:

- expirare a mandatului;
- demisie;
- demitere;
- imposibilitate definitivă a exercitării atribuțiilor;
- deces [5, art. 90 alin. (1)].

Președintele Republicii Moldova, ca și orice cetățean, are dreptul său constituțional de demisie din funcția respectivă, la propria inițiativă (așa-numita „demisie de onoare”). Cererea de demisie a șefului de stat este prezentată în Parlament, care ulterior se va pronunța asupra ei.

Cît privește imposibilitatea exercitării atribuțiilor mai mult de 60 de zile de către Președintele Republicii, ea nu depinde de inițiativa și voința acestuia și este confirmat de Curtea Constituțională în termen de 30 de zile de la sesizare.

În caz de vacanță a funcției, în termen de două luni de la data la care a intervenit vacanța funcției de Președinte se vor organiza, în conformitate cu prevederile legale, alegeri pentru un nou Președinte. Dacă funcția de Președinte al Republicii Moldova devine vacantă, atunci interimatul ei este asigurat în următoarea ordine: *de Președintele Parlamentului sau de primul ministru*.

Concluzii. Studiarea problemei abordate în titlul publicației, conștientizarea rezultatelor acestui studiu ne-au permis să formulăm următoarele concluzii:

1. Președintele Republicii Moldova, în viziunea noastră, este *șeful executivului*, deci locul lui este în veriga executivă a puterii de stat. Această calitate a lui o deducem din analiza atribuțiilor constituționale ale Președintelui Republicii Moldova. Astfel, Președintele este plasat în vârful celorlalte autorități executive; are atribuții de propunere a candidaturii la funcția de prim-ministru și numește membrii Guvernului; poate emite acte obligatorii și pentru prim-ministru; prin promulgare dispune Guvernului de a executa legile. Prin faptul că personifică statul în relațiile de reprezentare externă și internă, face ca cel puțin formal să se considere că Președintele este șeful executivului, deși o analiză minuțioasă a acestei probleme, în lumina modificărilor aduse Constituției prin Legea nr. 1115-XIV din 7 iulie 2000, poate înclina spre concluzia că există doi șefi ai executivului: *prim-ministru* – potrivit prevede-

rilor Constituției (art. 96) și *Președintele Republicii* – ținând cont de caracterul atribuțiilor lui.

2. Pentru asigurarea legală a exercitării funcției de „garant al Constituției” și „garant al suveranității poporului”, Președintele Republicii Moldova trebuie să primească mandat direct de la popor, înseamnă că el trebuie să fie ales prin **vot universal, egal, direct și liber exprimat de către întreg poporul**.

Referințe bibliografice

1. Apostol Tofan D. Instituții administrative europene. București: C.H. Beck, 2008, 370 p.
2. Bantuș I., Secrieru S. Drept constituțional. Chișinău, 2000, 221 p.
3. Codul penal al Republicii Moldova nr. 985-XV din 18.04.2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 128-129/1012 din 13.09.2002.
4. Codul de procedură penală al Republicii Moldova nr. 122-XV din 14 martie 2003, art. 26. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 104-110 din 7 iunie 2003.
5. Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al RM nr. 1 din 12.08.1994.
6. Constantinescu M., Muraru I., Iorgovan A. Revizuirea Constituției. Explicații și comentarii. București: Editura Rosetti, 2003, 385 p.
7. Creangă I. Curs de drept administrativ: pentru studenții facult. de drept. Chișinău: Epigraf, 2003, 336 p.
8. Creangă I. Intrarea în vigoare a legii. În: Statul, societatea, omul: realizări și probleme ale tranziției. Chișinău, 1998, p. 38-41.
9. Deleanu I. Tratat de drept constituțional. București: C.H. Beck, 2006, 815 p.
10. Decretul Președintelui Republicii Moldova nr. 1501-11 din 05.06.2000 „Cu privire la unele măsuri de asigurare a legalității și ordinii publice. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 65-67/497 din 08.06.2000.
11. Drăganu T. O infracțiune controversată: înalta trădare. În: Curierul Judiciar, nr. 12, 2003.
12. Duculescu V., Călinoiu C., Duculescu G. Constituția României, comentată și adnotată. București: Lumina Lex, 1997, 525 p.
13. Guceac I. Curs elementar de drept constituțional. Vol. II. Chișinău: S. n., 2004, 494 p.
14. Guțuleac Victor (*coautori*: Comarițaia Elena, capitolul 24 și 25, Spînu Igor, capitolul 23). Drept administrativ. Chișinău: Tipografia Centrală, 2013, 600 p.
15. Hotărîrea Curții Constituționale nr. 23 din 9 iulie 1998 despre controlul constituționalității Hotărîrii Parlamentului nr. 1621-XIII din 2 aprilie 1998 „Privind intrarea în vigoare a unor acte legislative adoptate de Parlament”. În: Monitorul Oficial al RM din 25.07.1998, nr. 070. Promulgat la 09.07.1998.
16. Hotărîrea Curții Constituționale nr. 9 din 26.02.1998 privind interpretarea unor prevederi ale art. 93 alin. (2) din Constituție. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 26-27/15 din 26.03.1998.
17. Hotărîrea Curții Constituționale nr. 14 din 18.03.1999 cu privire la interpretarea unor dispoziții din art. 94 alin. (2) și art. 102 alin. (3) din Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova din 01.04.1999.
18. Hotărîrea Curții Constituționale nr. 15 din 23.03.1999 cu privire la interpretarea art. 82 alin. (1) din Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 39-41/25 din 22.04.1999.
19. Hotărîrea nr. 20 din 27.11.2009 pentru revizuirea Avizului Curții Constituționale nr. 4 din 26.12.2000 „Privind constatarea circumstanțelor care justifică dizolvarea Parlamentului”. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 174-176 din 04.12.2009, art. 23.
20. Iorgovan A. Tratat de drept administrativ. Vol. II. Ediția a IV-a. București: Editura ALL Beck, 2005, 699 p.
21. Legea privind procedura alegerii Președintelui Republicii Moldova nr. 1234 din 22.09.2000. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 139-140 din 02.11.2000.
22. Muraru I., Tănăsescu E. Drept constituțional și instituții politice. Vol. II. Ed. a 12-a. București: C.H. Beck, 2006, 320 p.
23. Orlov M., Belecciu Șt. Drept administrativ (pentru uzul studenților). Chișinău: „Elena-V.I.”, 2005, 270 p.
24. Popa Victor. Drept public. Chișinău: Academia de Administrare Publică, 1998, 460 p.
25. Preda M., Vasilescu B. Drept administrativ. Partea specială, ediție actualizată. București: Lumina Lex, 2007, 460 p.
26. Sesizarea dreptului în Parlament A. Dubrovski către Curtea Constituțională, dosarul nr. 77a din 16.11.2000.
27. Vasilescu F. ș.a. Constituția României – comentată și adnotată. București: Regia Autonomă „Monitorul Oficial al României”, 1992.
28. Конституционное право зарубежных стран: Учеб. для студентов вузов обуч. по спец. «Юриспруденция». Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 2000, 819 с.
29. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. Тома 1-2. Отв. ред. Б. А. Страшун. Москва: Изд. БЕК, 1996, 764 с.

PROPRIETATEA PUBLICĂ A UNITĂȚILOR ADMINISTRATIV-TERITORIALE CU STATUT SPECIAL DE GUVERNARE DIN REPUBLICA MOLDOVA

Denis BOAGHI,
doctorand, Universitatea Liberă Internațională din Moldova

SUMMARY

Public property is property right belonging to the state or an administrative-territorial unit of the goods which, by their nature or by the statement of the law, are domestic or public interest, provided that acquired through one of the modes provided by law.

Keywords: property, unit administrative-territorial, administrative-territorial, administrative-territorial unit with special status

REZUMAT

Proprietatea publică este dreptul de proprietate ce aparține statului sau unei unități administrativ-teritoriale asupra bunurilor care, prin natura lor sau prin declarația legii, sînt de uz ori de interes public, cu condiția să fie dobîndite prin unul dintre modurile prevăzute de lege.

Cuvinte-cheie: proprietate, unitate administrativ-teritorială, administrativ-teritorial, unitate administrativ-teritorială cu statut special

Introducere. Proprietatea reprezintă una dintre instituțiile fundamentale ale dreptului, reprezentînd în același timp unul din fundamentele construcției sociale. Conform Constituției Republicii Moldova, proprietatea este *publică* sau *privată*. Proprietatea publică este garantată și ocrotită prin lege și aparține statului sau unităților administrativ-teritoriale [1]. Aceste prevederi constituționale își găsesc dezvoltare în Legea cu privire la proprietatea unităților administrativ-teritoriale, în care este descrisă proprietatea publică și regimul juridic al acesteia [4].

Derivînd din proprietatea privată, proprietatea publică constituie, în mod similar, unul dintre drepturile fundamentale ale persoanelor juridice de drept public, prin care se realizează interesele cele mai largi ale societății în ansamblul ei. Deși Constituția R. Moldova nu oferă o definiție complexă a proprietății publice, Legea nr. 523-XIV cu privire la proprietatea unităților administrativ-teritoriale stabilește că bunurile statului și ale unităților administrativ-teritoriale care, prin natura lor sau prin declarația legii, sînt de uz sau de interes public, formează obiectul proprietății publice, însă numai dacă au fost le-

gal dobîndite de către acestea [4]. Dacă prin lege nu se prevede altfel, dispozițiile aplicabile dreptului de proprietate privată se aplică și dreptului de proprietate publică, însă numai în măsura în care sînt compatibile cu acesta din urmă.

Conform art. 2 din Legea cu privire la proprietatea unităților administrativ-teritoriale, proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale se constituie din patrimoniul ce aparține unităților administrativ-teritoriale respective: satului, comunei, orașului, municipiului, raionului, Unității Teritoriale Autonome Găgăuzia [4].

Reieșind din acest articol, proprietatea publică a **municipiului Chișinău** și a **Unității Teritoriale Autonome Găgăuzia** se constituie din tot patrimoniul acestor două unități administrativ-teritoriale.

Astfel, proprietatea publică este de două tipuri: proprietatea de stat și proprietatea unităților administrativ-teritoriale. Codul civil al României, în art. 858, definește dreptul de proprietate publică și stabilește că: „**Proprietatea publică este dreptul de proprietate ce aparține statului sau unei unități administrativ-teritoriale asupra bunurilor care, prin natura lor sau prin declarația legii, sînt de uz ori de interes**

public, cu condiția să fie dobîndite prin unul dintre modurile prevăzute de lege” [2].

Pornind de la definiția dată de Codul civil al României proprietății publice, precum și de la textul Legii nr. 523-XIV cu privire la proprietatea unităților administrativ-teritoriale și al Legii României nr. 213/1998 privind proprietatea publică și regimul juridic al acesteia, vom defini proprietatea publică ca fiind un drept subiectiv ce aparține statului sau unităților administrativ-teritoriale asupra bunurilor care, potrivit legii sau prin natura lor, sînt de uz sau de interes public.

Metode aplicate și materiale utilizate. Metodele aplicate sînt analiza, sinteza, comparația, investigația științifică. Materialele folosite sînt legislația în domeniu a Republicii Moldova, a României, a Federației Ruse, monografiile, tratatele etc.

Rezultate obținute și discuții. Problema proprietății publice este o problemă generală, constituie un element de bază al dreptului civil și este una dintre cele mai importante probleme în dreptul administrativ, deoarece are o conexiune directă cu domeniul public care este administrat de autoritățile publice centrale și cele locale [28, p. 91].

Prin faptul că în Constituție se utilizează noțiunea *publică*, și nu *de stat*, se confirmă încă o dată concepția conform căreia statul nu cuprinde și unitățile administrativ-teritoriale, care la rândul lor dispun de proprietate proprie. Astfel, proprietatea publică cuprinde și proprietatea de stat. Cu alte cuvinte, se poate spune că noțiunea de proprietate publică este mai largă și include atât proprietatea de stat, cât și proprietatea municipală [29, p. 193]. Curtea Constituțională a Republicii Moldova, în Hotărârea sa nr. 13 din 14.03.2002, menționează că autoritățile administrației publice locale nu sînt autorități ale statului, menirea lor este de a organiza și a rezolva treburile publice din sate și orașe, în interesul colectivităților care le-au ales și pe care le reprezintă [30].

Doctrina românească dă mai multe opinii asupra domeniului cercetat. Astfel, într-o opinie a profesorilor C. Hamangiu și I. Rossetti, trebuie avut în vedere criteriul naturii bunurilor. Fac parte din domeniul public al statului toate bunurile care, prin natura lor, nu sînt susceptibile de proprietate privată [32, p. 919].

Alți autori au susținut că în categoria bunurilor publice pot fi incluse numai acele bunuri care sînt afectate unui serviciu public [33, p. 321].

Într-o altă opinie s-a considerat că sînt obiecte ale dreptului de proprietate publică acele bunuri care sînt afectate "la uzul direct al întregului public" și "nu la realizarea unui serviciu public sau de utilitate publică" [32, p. 920].

Ca o completare la afirmațiile de mai sus, prof. Antonie Iorgovan, în urma efectuării unor analize asupra contractelor administrative din perioada interbelică, concluzionează că autoritatea administrației publice nu poate ceda interesele, drepturile sau obligațiile sale contractuale decât altei autorități a administrației publice, în condițiile legii, iar

particularul le poate ceda oricărei persoane, dar numai cu acordul autorității publice [34, p. 234].

Astfel, se constată că proprietatea publică este o proprietate administrativă, cu un regim de drept public, pe cînd proprietatea privată este în proprietate cu un regim de drept civil. În literatura de specialitate se vorbește de un drept de proprietate publică, acesta fiind dreptul real care aparține statului sau unităților administrativ-teritoriale asupra unor bunuri mobile și imobile de interes național sau local, asupra cărora se exercită atributele dreptului de proprietate [38, p. 111].

Proprietatea privată este împărțită, la rîndul său, în proprietate privată a cetățenilor, persoane fizice, luate individual, sau a persoanelor juridice, cînd acestea sînt organizate, pe baza legii, în colectivități și proprietate privată a unor colectivități publice, adică a persoanelor publice politico-teritoriale, statul, județul, comuna. Cît privește conceptul de proprietate privată, este de relevat faptul că dispozițiile Constituției Republicii Moldova, republicate, ca de altfel și alte reglementări, nu o definesc, ci se face numai referire la aceasta. De exemplu, în art. 127 alin. (1) din Constituție se subliniază că proprietatea privată este ocrotită și garantată în mod egal de lege, indiferent de titular. De reținut și caracteristica regimului juridic al bunurilor care constituie dreptul la proprietate privată, indiferent de titularul acesteia, și anume regimul de drept comun, caracterizat prin alienabilitate, prescriptibilitate și sesizabilitate [38, p. 111].

Din punct de vedere economic, proprietatea reprezintă o apropiere, iar din punct de vedere juridic – un drept de proprietate, cu atributele sale: posesia, folosința, dispoziția (materială și juridică). Regimul proprietății apare diversificat și nuanțat nu numai în funcție de natura bunurilor ca obiect al

aproprierii, ci și de scopul și modul utilizării bunurilor, precum și de calitatea titularilor lor [36, p. 110].

Pentru a dispune de atributele dreptului de proprietate publică (posesia, folosința și dispoziția), legiuitorul atribuie competențe regulamentare în acest sens autorităților publice centrale și locale. Astfel, modul de posesie, folosință și dispoziție asupra proprietății de stat se stabilește de Parlament și Guvern, iar modul de posesie, folosință și dispoziție asupra proprietății municipale se stabilește de organele respective ale administrației publice locale, în condițiile legii [29, p. 194]. Atributele dreptului de proprietate publică – posesiunea, folosința și, mai ales, dispoziția – se exercită în mod diferit, în funcție de titularii tipului respectiv de proprietate și în raport cu bunurile care fac obiectul proprietății publice. Esențial însă este faptul că, indiferent de titularul său, dreptul de proprietate publică trebuie să se exercite în interesul general al întregului popor – interesul național – sau al unui grup de locuitori dintr-o comunitate concretă – interesul local [29, p. 194].

Conform art. 859 din Codul civil al României [3], constituie obiect exclusiv al proprietății publice bogățiile de interes public ale subsolului, spațiul aerian, apele cu potențial energetic valorificabil, de interes național, plajele, marea teritorială, resursele naturale ale zonei economice și ale platoului continental, precum și alte bunuri stabilite prin lege organică. Celelalte bunuri care aparțin statului ori unităților administrativ-teritoriale fac parte, după caz, din domeniul public sau din domeniul privat al acestora, însă numai dacă au fost, la rîndul lor, dobîndite prin unul dintre modurile prevăzute de lege.

Astfel, comunele, orașele etc. apar într-o dublă ipostază: ca persoane juridice civile care au în proprietate bunuri din domeniul privat și ca persoane juridice de drept pu-

blic care au în proprietate bunuri aparținând domeniului public de interes local [39, p. 25].

Municipiul Chișinău. Noțiunea de *proprietate municipală* în Republica Moldova a fost introdusă în anul 1991 prin Legea cu privire la proprietate nr. 459-XII din 22.01.1991, care în art. 36 stipula că „dreptul de proprietate municipală apare ca urmare a transmiterii bunurilor statului către organele de autoadministrare locală în modul prevăzut de actele legislative ale Republicii Moldova, a procurării bunurilor pe seama mijloacelor financiare ale organelor menționate, precum și a fabricării producției de către întreprinderile și organizațiile din subordinea lor. Modul de posesare, de folosire și de administrare a proprietății municipale se stabilește de către organele respective de autoadministrare locală, în baza legilor privind autoadministrarea locală și a altor legi ale Republicii Moldova” [8].

Constituția Republicii Moldova, în art. 9 alin. (1), fixează dispoziția că proprietatea este publică și privată și se constituie din bunuri materiale și intelectuale, iar art. 127 alin. (3) stabilește că proprietatea publică aparține statului sau unității administrativ-teritoriale [1]. Dispozițiile constituționale sînt dezvoltate de Legea Republicii Moldova nr. 523-XIV din 16.07.1999 cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale [8], precum și de Legea Republicii Moldova nr. 436-XVI din 28.12.2006 privind administrația publică locală [18], care stabilește că unitățile administrativ-teritoriale au personalitate juridică, dispun de patrimoniu, beneficiază de autonomie financiară etc.

Unitatea Teritorială Autonomă Găgăuzia. În baza constituirii Găgăuziei ca „unitate teritorială autonomă cu un statut juridic special, ea este o formă de autodeterminare a găgăuzilor și este o parte componentă a Republicii Moldova”.

Dreptul la „autonomie teritorială” a fost acordat acelor teritorii din sudul țării în care, la referendumul din luna martie, populația a votat în majoritate pentru apartenența la Unitatea Teritorială Autonomă Găgăuzia (Gagauz Yeri). La 1 ianuarie 1996 această decizie a intrat în vigoare.

Conform art. 111 din Constituție, pămîntul, subsolul, apele, regnul vegetal și cel animal, alte resurse naturale aflate pe teritoriul UTA Găgăuzia sînt proprietate a poporului Republicii Moldova și constituie totodată baza economică a Găgăuziei [1].

Așadar, proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale constituie parte integrantă a proprietății publice și nu se confundă cu proprietatea de stat.

Patrimoniul, în general, este definit ca fiind totalitatea drepturilor și obligațiilor patrimoniale aparținînd unei persoane fizice sau juridice determinate, privită ca o sumă de valori active și pasive, strîns legate între ele. Așadar, conținutul concret al patrimoniului este alcătuit din drepturile și obligațiile patrimoniale care aparțin unei persoane determinate. Drepturile patrimoniale sînt acele drepturi subiective care au conținut economic, fiind evaluabile în bani [40, p. 9]. Astfel, opinează prof. Emil Bălan, conținutul concret al patrimoniului este alcătuit din drepturile și obligațiile patrimoniale care aparțin unei persoane determinate [40, p. 9, 10].

În art. 284 din Codul civil al Republicii Moldova, patrimoniul este definit ca fiind totalitatea drepturilor și obligațiilor patrimoniale aparținînd unei persoane fizice sau juridice determinate, privită ca o sumă de valori active și pasive, strîns legate între ele [24].

Conform art. 119 din Legea României nr. 215/2001 a administrației publice locale, constituie patrimoniu al unității administrativ-teritoriale bunurile mobile și imobile

care aparțin domeniului public al unității administrativ-teritoriale, domeniului privat al acesteia, precum și drepturile și obligațiile cu caracter patrimonial [27]. Astfel, pentru a-și îndeplini prerogativele de asigurare a funcționării regulate și continue a serviciilor publice, administrația publică are nevoie de o serie de bunuri mobile și imobile, care fac parte din patrimoniul statului sau al colectivităților locale, alcătuiind domeniul administrativ [5, p. 9].

Conform art. 74 din Legea Republicii Moldova nr. 436-XVI din 28.12.2006 privind administrația publică locală, constituie patrimoniu al unităților administrativ-teritoriale bunurile mobile și imobile proprietate a satului (comunei), orașului (municipiului), raionului și Unității Teritoriale Autonome Găgăuzia, precum și drepturile și obligațiile lor cu caracter patrimonial. Patrimoniul unităților administrativ-teritoriale de nivelurile întîi și al doilea se delimitează și se separă clar de patrimoniul statului potrivit legii sau în modul stabilit de lege. Bunurile proprietate a unităților administrativ-teritoriale de nivelurile întîi și al doilea se împart în bunuri ale domeniului public și ale celui privat. Autoritățile publice locale executive asigură, în condițiile legii, delimitarea și evidența separată a bunurilor din domeniul public și cel privat [4].

Pentru a face o distincție clară între bunurile domeniului public și cele ale domeniului privat ale unităților administrativ-teritoriale, precum și pentru a evita orice confuzii privind regimurile juridice care urmează a fi aplicate, în teoria și practica juridică a fost propusă utilizarea noțiunilor de *proprietate publică* și *proprietate privată a unităților administrativ-teritoriale* [16, p. 22], opinie la care ne raliem.

Proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale are drept obiect bunurile domeniului public

de interes local, care prezintă un interes public general; acestea nu pot fi înstrăinate (sînt inalienabile), nu pot fi urmărite de creditori pentru datoriile unităților administrativ-teritoriale (inesizabile) și totodată pot fi oricînd restituite din posesia nelegitimă (imprescriptibile).

Proprietatea privată a unităților administrativ-teritoriale are drept obiect bunurile domeniului privat local, care în principiu nu se deosebesc de bunurile persoanelor fizice și juridice, fiind, la rîndul lor, alienabile, prescriptibile și sesizabile.

Trebuie de subliniat că calitatea de subiecte ale dreptului de proprietate publică și proprietate privată le este recunoscută unităților administrativ-teritoriale **municipiul Chișinău și UTA Găgăuzia** nu în cadrul proprietății de stat, ci alături de stat, care de asemenea este titular al dreptului de proprietate publică și privată. Aceasta înseamnă că autoritățile locale, ca reprezentante ale unităților administrativ-teritoriale, posedă, folosesc și dispun de proprietate, statutul proprietății municipale în Republica Moldova rămîne incert, lipsind o delimitare clară a proprietății unităților administrativ-teritoriale și a competenței autorităților publice locale în privința gestionării bunurilor aflate în proprietate municipală. De asemenea, această incertitudine le permite autorităților centrale să adopte acte abuzive, prin care colectivitățile locale sînt lipsite de proprietăți și surse importante de venit la bugetul local, ceea ce afectează în mod direct autonomia patrimonială ale autorităților locale [42, p. 24].

În literatura juridică de specialitate, pentru a desemna cel mai important element al patrimoniului statului, comunei sau al județului, s-a folosit noțiunea de *domeniu*. Definind această noțiune, prof. Paul Negulescu arată că prin domeniu înțelegem totalitatea bunurilor mobile și imobile aparținînd statului, județului sau comunei, întrebunțate pentru satisfacerea interese-

lor generale, divizîndu-se în două categorii de domenii – domeniul public și domeniul privat, supuse la regimuri deosebite, deoarece domeniul privat este supus la reguli de drept privat, asemănătoare cu acelea la care este supusă proprietatea particulară; domeniul public este supus la reglementări și procedee de drept public [42, p. 110].

Prin domeniu public prof. Antonie Iorgovan înțelege acele bunuri, publice sau private, care prin natură ori dispoziția expresă a legii trebuie păstrate și transmise generațiilor viitoare, reprezentînd valori destinate a fi folosite în interes public, direct sau prin intermediul unui serviciu public, și supuse unui regim administrativ, respectiv unui regim mixt, în care regimul de putere este determinant, fiind în proprietatea sau, după caz, în paza persoanelor juridice de drept public [35, p. 324].

Legea României nr. 213/1998 privind proprietatea publică și regimul juridic al acesteia reprezintă reglementarea care definește domeniul public, arătînd la art. 3 alin. (1) că el este alcătuit din bunurile prevăzute la art. 135 alin. (4) din Constituție (în forma anterioară republicării), din cele stabilite în anexa care face parte integrantă din respectiva lege și din orice alte bunuri care, potrivit legii sau prin natura lor, sînt de uz sau de interes public și sînt dobîndite de stat sau de unitățile administrativ-teritoriale prin modurile prevăzute de lege [40, p. 66].

Domeniul privat al statului sau al unităților administrativ-teritoriale este alcătuit din bunuri care nu fac parte din domeniul public și asupra cărora statul sau unitățile administrativ-teritoriale au drept de proprietate privată. Specific bunurilor aparținînd domeniului privat este faptul că dreptul de proprietate asupra acestora este supus, de regulă, regimului juridic de drept comun, pe cînd dreptul de proprietate asupra bunurilor care

aparțin domeniului public este supus regulilor din Legea României nr. 213/1998 privind proprietatea publică și regimul juridic al acesteia [29].

Deci, prin termenul ”bun” trebuie să înțelegem un lucru care este susceptibil a satisface anumite nevoi ale omului, care este capabil de a fi apropiat de cetățeni și a cărui valoare poate fi exprimată în bani, iar prin domeniul public, care este constituit din bunuri, înțelegem acele bunuri, publice sau private, care prin natura ori dispoziția expresă a legii trebuie păstrate și transmise generațiilor viitoare, reprezentînd valori destinate a fi folosite în interes public, direct sau prin intermediul unui serviciu public.

Art. 296 din Codul civil al Republicii Moldova delimitează bunurile domeniului public și bunurile domeniului privat și regimul juridic aplicabil bunurilor domeniului public [3]. Astfel, bunurile care aparțin statului sau unităților administrativ-teritoriale fac parte din domeniul privat dacă, prin lege sau în modul stabilit de lege, nu sînt trecute în domeniul public.

Din domeniul public al statului sau al unităților administrativ-teritoriale fac parte bunurile determinate de lege, precum și bunurile care, prin natura lor, sînt de uz sau de interes public. Interesul public implică afectarea bunului la un serviciu public sau la orice activitate care satisface nevoile colectivității, fără a presupune accesul nemijlocit al acesteia la utilizarea bunului conform destinației menționate.

Bogățiile de orice natură ale subsolului, spațiul aerian, apele și pădurile folosite în interes public, resursele naturale ale zonei economice și ale platoului continental, căile de comunicație, precum și alte bunuri stabilite de lege fac obiectul exclusiv al proprietății publice [3, art. 296].

La categoria bunurilor domeniului public de interes local pot fi raportate terenurile pe care sînt

amplasate construcții de interes public local, porțiunile de subsol, drumurile, străzile, piețele, obiectivele acvatice separate, parcurile publice, clădirile, monumentele, muzeele, pădurile, zonele de protecție și zonele sanitare, precum și alte obiective care, conform legii, nu aparțin domeniului public al statului [25, art. 75].

Noțiunea *bunuri de uz public* se referă la acele bunuri care prin natura lor sînt destinate folosinței tuturor membrilor societății. Din această categorie de bunuri fac parte: căile de comunicație terestre, piețele, rețelele stradale, parcurile publice etc. [43, p. 47].

Prin *bunuri de interes public sau utilitate publică* se înțeleg acele bunuri care, deși nu sînt accesibile în mod direct tuturor persoanelor, sînt afectate spre a fi utilizate în cadrul unor activități sau servicii ce interesează pe toți membrii societății. În această categorie intră: terenurile pe care există sedii ale autorităților publice, școli, biblioteci, teatre, muzee, materialul rulant al căilor ferate, echipamente și instalații militare, cimitirele eroilor și alte bunuri de genul celor enunțate cu caracter nelimitativ de lege. Prin *utilitate publică* se înțelege calitatea unui bun de a fi util sau accesibil tuturor (gratuit sau cu plată). Bunurile afectate unei utilități publice – în opoziție cu noțiunea de privat – sînt acelea care au fost puse la dispoziția tuturor sau de care poate dispune oricine [43, p. 47].

Bunurile domeniului public sînt inalienabile, insesizabile și imprescriptibile. Dreptul de proprietate asupra acestor bunuri nu se stinge prin neuz și nu poate fi dobîndit de terți prin uzucapiune sau, după caz, prin posesia de bună-credință asupra bunurilor mobile. În condițiile legii, bunurile proprietate publică pot fi date în administrare sau în folosință și pot fi concesionate ori închiriate.

Pentru a putea organiza și asi-

gura buna funcționare a serviciilor publice, statul și colectivitățile locale utilizează bunuri materiale a căror diversitate a înregistrat, pe parcursul timpului, o continuă creștere. Bunurile respective se divid în două mase, supuse unor regimuri juridice diferite: *domeniul public* și *domeniul privat*. Ele constituie suportul material al serviciilor publice și una din principalele pîrghii prin intermediul căreia statul și unitățile administrativ-teritoriale își exercită atribuțiile conferite de lege [43, p. 5].

Regimul juridic al proprietății publice reprezintă un ansamblu de reguli generale privind modul de dobîndire a dreptului de proprietate publică, procedura de trecere a unui bun din domeniul privat în domeniul public, sau invers, modalitățile de încetare a dreptului de proprietate publică, modul de administrare și folosire a bunurilor din domeniul public.

Concluzii. Așadar, pentru a organiza și a asigura buna funcționare a serviciilor publice ale **municiplului Chișinău** și a **Unității Teritoriale Autonome Găgăuzia**, statul utilizează bunuri materiale a căror diversitate a cunoscut o continuă creștere pe parcursul timpului. Bunurile respective se împart în două categorii supuse unor regimuri juridice diferite: domeniul public și domeniul privat. Ele alcătuiesc suportul material al serviciilor publice și sînt o pîrghie importantă cu ajutorul căreia statul și unitățile administrativ-teritoriale își exercită atribuțiile acordate de lege.

Referințe bibliografice

1. Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29.07.1994. Publicată în: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 1 din 12.08.1994.
2. Codul civil al României nr. 287 din 17 iulie 2009 (republicat). Publicat în: Monitorul Oficial al României. Partea I, nr. 505 din 15 iulie 2011. În vigoare din 1 octombrie 2011.

3. Codul civil al Republicii Moldova nr. 1107-XV din 06.06.2002 În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 82-86/661 din 22.06.2002.

4. Legea Republicii Moldova cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale, nr. 523-XIV din 16.07.1999.

5. Legea Republicii Moldova cu privire la parteneriatul public–privat nr. 179-XVI din 10.07.2008. În: Monitorul Oficial nr.165-166/605 din 02.09.2008.

6. Legea Republicii Moldova pentru aprobarea Strategiei naționale de dezvoltare „Moldova 2020” nr. 166 din 11.07.2012. În: Monitorul Oficial nr. 245-247/791 din 30.11.2012.

7. Legea contenciosului administrativ a Republicii Moldova, nr. 793-XIV din 10.02.2000. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 57-58/375 din 18.05.2000. Republicat: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, ediție specială din 03.10.2006.

8. Legea Republicii Moldova cu privire la proprietate nr. 459-XII din 22.01.1991. În: Monitorul Național nr. 3-4-5-6/22 din 1991 (abrogată la 30.03.2007 prin Legea Republicii Moldova nr. 54-XVI din 02.03.2007).

9. Legea Republicii Moldova cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale, nr. 523-XIV din 16.07.1999. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 124-125/611 din 11.11.1999.

10. Legea Republicii Moldova pentru aprobarea Regulamentului-cadru privind constituirea și funcționarea consiliilor locale și raionale, nr. 457-XV din 14.11.2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 248-253/998 din 19.12.2003.

11. Legea Republicii Moldova pentru aprobarea Strategiei naționale de descentralizare și a Planului de acțiuni privind implementarea Strategiei naționale de descentralizare pentru anii 2012–2015 nr. 68 din 05.04.2012. În: Monitorul Oficial nr.143-148/465 din 13.07.2012.

12. Legea Republicii Moldova privind administrația publică locală, nr. 436-XVI din 28.12.2006. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 32-35/116 din 09.03.2007.

13. Legea Republicii Moldova privind descentralizarea administrativă, nr. 435-XVI din 28.12.2006. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 29-31/91 din 02.03.2007.

14. Legea Republicii Moldova privind dezvoltarea regională în Republica

Moldova, nr. 438-XVI din 28.12.2006. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 21-24/68 din 16.02.2007.

15. Legea Republicii Moldova privind finanțele publice locale, nr. 397-XV din 16.10.2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 248-253/996 din 16.10.2003.

16. Legea Republicii Moldova privind organizarea administrativ-teritorială a Republicii Moldova, nr. 764-XV din 27.12.2001. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 16/53 din 29.01.2002.

17. Legea Republicii Moldova privind Statutul-cadru al satului (comunei), orașului (municipiului), nr. 436-XV din 06.11.2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 244-247/972 din 12.12.2003.

18. Legea privind administrația publică locală nr. 436 din 28.12.2006. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 32-35 din 09.03.2007.

19. Legea nr. 344 din 23.12.1994 privind statutul juridic special al Găgăuziei (Gagauz-Yeri). În: Monitorul Oficial nr. 3-4 din 14.01.1995.

20. Legea nr. 431-XIII din 19.04.1995 privind statutul municipiului Chișinău. În: Monitorul Oficial din 09.06.1995.

21. Legea nr. 436 din 28 decembrie 2006 privind administrația publică locală. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 32-35 din 09 martie 2007, art. 116.

22. Legea Republicii Moldova a serviciilor publice de gospodărie comunală, nr. 1402-XV din 24.10.2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 14-17/49 din 07.02.2003.

23. Legea României nr. 101/2006 a serviciului de salubritate a localităților (actualizată). În: Monitorul Oficial al României. Partea I, nr. 393 din 8 mai 2006.

24. Legea României nr. 15/1990 privind reorganizarea unităților economice de stat ca regii autonome și societăți comerciale (actualizată). În: Monitorul Oficial al României. Partea I, nr. 98 din 8 august 1990.

25. Legea Republicii Moldova privind administrația publică locală, nr. 436-XVI din 28.12.2006. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 32-35/116 din 09.03.2007.

26. Legea administrației publice locale nr. 215 din 23 aprilie 2001. În: Monitorul Oficial al României. Partea I, nr. 204 din 23 aprilie 2001 și apoi republicată în Monitorul Oficial al Româ-

niei. Partea I, nr. 123 din 20 februarie 2007, cu modificările și completările ulterioare.

27. Legea României nr. 215/2001 a administrației publice locale (actualizată). În: Monitorul Oficial al României. Partea I, nr. 204 din 23 aprilie 2001; republicată în Monitorul Oficial. Partea I, nr. 123 din 20 februarie 2007.

28. Rotaru Marian. Drepturile colectivităților locale în administrarea domeniului public. Teza de doctor în drept, Chișinău, 2014.

29. Creangă I. Curs de drept administrativ. Administrația publică locală, vol. II, Chișinău: Epigraf, 2005. 336 p.

30. Hotărârea Curții Constituționale a Republicii Moldova cu privire la controlul constituționalității unor prevederi din Legea nr. 781-XV din 28 decembrie 2001 „Pentru modificarea și completarea Legii nr. 186-XIV din 6 noiembrie 1998 privind administrația publică locală” nr. 13 din 14 martie 2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 46-48/8 din 04.04.2002.

31. Cobăneanu S. Administrația publică locală în Republica Moldova. În: Reintegrarea Moldovei. Soluții și modele, Chișinău: Tish, 2005, p. 272-282.

32. C. Hamangiu, I. Rossetti-Bălănescu. Tratat de drept civil. București, 1928, p. 1230.

33. D. Alexandresco. Explicațiunea teoretică și practică a dreptului civil român, vol. III, partea I, București, p. 212.

34. Iorgovan A. Tratat de drept administrativ, vol. I, ediția 4. București: All Beck, 2005, 652 p.

35. Iorgovan A. Tratat de drept administrativ, vol. II, ediția 4. București: All Beck, 2005, 702 p.

36. Iovănaș I. Drept administrativ și elemente ale științei administrației. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1977, 356 p.

37. Întreprinderile publice și serviciile de interes general, http://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/ro/FTU_3.3.4.pdf (vizitat: 10.04.2013).

38. Manda C. Drept administrativ. Tratat elementar, ediția a 5-a. București: Universul juridic, 2008.

39. Popa E. Organizarea și funcționarea administrației publice locale în România. Texte comentate. Arad: Servo-Sat, 1997, 248 p.

40. Bălan E. Domeniul administrativ. București: Lumina Lex, 1998, 278 p.

41. Furdui V. Statutul actual al proprietății unităților administrativ-teritoriale în Republica Moldova. Chișinău: Tish, 2004, 60 p.

42. Negulescu P. Tratat de drept administrativ, volumul I. Principii generale. Ediția a IV-a, București: Institutul de Arte Grafice „E. Marvan”, 1934, 631 p.

43. Giurgiu L. Domeniul public. Seria: Repere Juridice. București: Editura Tehnică, 1997, 228 p.

GARANȚIILE AFERENTE RESTITUIRII CREDITULUI CA PARTE COMPONENTĂ A RAPORTULUI DE CREDIT BANCAR

Nicolae MARIAN,
magistru în drept, doctorand USM

SUMMARY

The purpose of this study is to identify the direct links between bank loan and credit guarantees provided by the debtor, relating to the repayment of the loan. Thereby, we bring a number of arguments that outline clear that a constructive relationship of a bank loan does not perform in the absence of primary or secondary collateral required by the lender which provides loan repayment. At the same time, arguments are described thoroughly enough so that to underline the statement that is titled in this article.

Keywords: bank loan, lending policy, collateral, direct link, bank deposits, lending funds, provisions

REZUMAT

Prezentul studiu cercetează legăturile directe dintre creditul bancar și garanțiile oferite de către debitor ce țin de rambursarea fondurilor creditate. Astfel, aducem o serie de argumente care demonstrează că o relație constructivă de credit bancar nu se realizează în lipsa garanțiilor primare sau secundare, solicitate de către creditor, prin care se asigură restituirea creditului acordat. Totodată, argumentele aduse sînt descrise suficient de minuțios, astfel încît să fie reliefată afirmația prin care se intitulează prezentul articol.

Cuvinte-cheie: credit bancar, politică de creditare, garanții, legătură directă, depozite bancare, fonduri de creditare, provizioane

Introducere. Potrivit *Dicționarului de drept civil*, alcătuit de către Dumitru Radescu, „creditul Bancar” înseamnă o sumă de bani pusă la dispoziția clienților de către bănci, fiind acordată pe bază de documente bancare, iar în cazul creditelor de mare valoare – cu solicitarea privind constituirea garanțiilor reale [12, p. 342].

În completarea acestei definiții am remarca că, din punct de vedere juridic, creditul bancar implică în sine un spectru larg de relații între creditor și debitor, îndreptate în final spre eliberarea banilor destinați necesităților debitorului, în măsura în care acesta din urmă va garanta restituirea fondurilor eliberate de către bancă prin garanțiile uzual acceptate de către creditor.

Ca o entitate economică, creditul bancar reprezintă o categorie de relații sociale legate și de condițiile lui de rambursare [1, p. 336], de altfel ca și în cazul examinării juridice a acestei instituții. În esență, examinarea posibilității de eliberare a unui credit se efectuează în funcție de certitudinea creditorului referită la sursa primară de rambursare a acestuia, dar nu în ultimul rînd

cumulată și cu careva garanții suplimentare, prin care este asigurată executarea obligațiilor debitorului conform contractului de credit.

Totodată, la capitolul administrării riscului de creditare al contrapărții expus prin art. 286 alin. (2) din Regulamentul nr. 575/2013 al Parlamentului European și al Consiliului din 26 iunie 2013 privind cerințele prudențiale pentru instituțiile de credit și societățile de investiții și de modificare a Regulamentului (UE) nr. 648/2012, se menționează că: „Cadrul de gestionare a riscului de credit al contrapărții ține seama de riscurile de piață, de lichiditate, juridic și operațional care sînt asociate riscului de credit al contrapărții. În special, acest cadru de gestionare a riscului de credit asigură faptul că *instituția nu derulează tranzacții cu o contraparte fără a evalua bonitatea acesteia*” [22]. De acest principiu ține cont și instituția creditării din Republica Moldova.

În sensul dat sînt expuse instrucțiunile Băncii Naționale a Republicii Moldova (BNM), care vorbesc despre faptul că politica de creditare a băncii trebuie să fie

orientată spre protejarea activelor sale. Instrucțiunile specifice detaliate despre politica numită pentru fiecare tip de credit includ și examinarea gajului sau a altui tip de asigurare necesar.

Cerințele față de modalitățile de asigurare a creditelor, precum și formele acestora se determină în funcție de tipul creditului de către fiecare bancă în parte. O bancă trebuie să aibă instrucțiuni detaliate la dispoziția sa cu descrierea întregului proces de administrare pentru fiecare tip de credit, astfel încît să aplice corespunzător aprecierea gajului și a altor forme de asigurare a creditelor [3].

În acest context, unii autori spun că cea mai adecvată formă de garantare a creditului o constituie garantarea financiară, fapt care este posibil prin asigurarea în viitor a unor fluxuri de venituri suficiente pentru acoperirea cheltuielilor legate de rambursarea creditului și dobînzii aferente. Totodată, se procedează la garantarea creditului și cu elemente patrimoniale ale debitorului (active fixe și circulante) [2].

Astfel, prezentul articol are

drept scop demonstrarea faptului că garanțiile aferente restituirii creditului sînt parte componentă a raportului de credit bancar și, în absența unor garanții acceptate de către bancă, proiectul de creditare al debitorului va suporta un impact care va avea în marea majoritate a cazurilor drept efect imposibilitatea eliberării creditului către solicitant.

Metode și materiale utilizate. În procesul cercetării efectuate, s-a făcut apel la *metoda logică*, prin care a fost evidențiată necesitatea garantării obligațiilor debitorului ce reies din contractul de credit; *metoda inductivă*, ca parte componentă a metodei logice care conturează în studiul nostru „cazul, rezultatul și regula” aferentă obligativității de constituire a garanțiilor debitorului în favoarea creditorului; *metoda comparativă*, prin care se redau riscurile aferente creditelor garantate în raport cu cele negarantate. Ca materiale aplicate au servit lucrările specialiștilor iluștri din domeniul jurisprudenței, ca V. Volcinski, A. Tarlapan, Oxana Robu, și specialiștilor din domeniul financiar-bancar: Nicolae Dardac, Teodora Vascu ș.a.

Rezultate obținute și discuții. În funcție de produsul emis, banca deci stabilește dacă condiționează sau nu eliberarea creditului cu constituirea unor garanții ce vor asigura suplimentar rambursarea lui. Prin art. 32 alin. (6) din Legea instituțiilor financiare nr. 550 din 21.07.1995 (în continuare – Legea RM 550/1995) [4], se explică: „Banca urmărește ca solicitantul de credit să dea dovadă de credibilitate în ceea ce privește rambursarea creditului. Rambursarea creditului poate fi garantată prin gaj al bunurilor mobile și imobile (ipotecă), prin garanție bancară, prin fidejusiune și prin alte modalități prevăzute de lege sau în contract. Banca are dreptul să acorde credit fără garanție (credit în alb) numai în cazul solvabilității și credibi-

lității înalte ale solicitantului de credit”.

Prin această normă, pe de o parte, băncilor expres nu li se indică obligativitatea asigurării executării obligațiilor ce reies din contractele de credit încheiate, dar pe de altă parte, creditele fără garanție se permit a fi acordate numai debitorilor a căror situație financiară asigură cu cea mai mare certitudine restituirea fondurilor creditare. În ceea ce privește infailibilitatea referită la restituirea unui credit neasigurat, am putea să o considerăm ca fiind una subiectivă în raport cu situațiile în care există un bun sau o altă garanție ce asigură restituirea creditului, ceea ce la rîndul său diminuează considerabil riscul nerambursării datoriei. Astfel, acordarea creditelor neasigurate se practică în mare parte în raport cu persoanele fizice, limitele creditului eliberat fiind echivalente cu doar cîteva salarii de funcție ale eventualului solicitant.

Pentru persoanele juridice, de asemenea există cîteva produse în baza cărora băncile pot oferi credite care nu vor fi asigurate cu gaj material, fiind în același timp în prezența unui grad de risc mai mare în ceea ce privește rambursarea banilor împrumutați și, de regulă, acest grad de risc se transpune în costul sporit al dobînzilor aplicate de către de creditor unui sau altui credit de așa natură. O legătură strînsă între relația de credit bancar și garanțiile aferente restituirii creditelor mai reiese și din cuantumul provizioanelor sau al reducerilor pentru pierderi la active/angajamente condiționale, care se calculează de la suma activelor/angajamentelor condiționale din fiecare categorie de clasificare aparte.

Astfel, potrivit Regulamentului cu privire la clasificarea activelor și angajamentelor condiționale, aprobat prin hotărîrea Consiliului de administrație a Băncii Naționale nr. 231 din 27.10.2011 [5], fondul de risc al unei sau altei bănci aferent creditelor eliberate constituie

de la 2% pînă la 100% din suma creditului eliberat. Modalitatea detaliată de calcul a acestui fond de risc este explicată prin pct. 13-17 și 22 ale Regulamentului numit. Creditelor asigurate cu gaj material li se creează un fond de risc mult mai mic decît pentru „creditul în alb”¹ în sensul prevederilor Legii RM 550/1995. În așa mod, băncile suportă cheltuieli mai mici în situația în care creditul eliberat este asigurat prin unul din mijloacele de garantare a executării obligațiilor acceptate de către banca creditoare, ceea ce constituie un temei suplimentar din care reiese necesitatea băncii referită la constituirea obligatorie a garanțiilor aferente rambursării creditului eliberat. Pînă la urmă, fiecare bancă în parte își creează o politică de creditare proprie, îndreptată spre asigurarea nemărginită a riscului nerestituirii creditelor eliberate, avînd preferințe distincte în ceea ce privește obiectul garanțiilor propuse, sarcina acestuia limitîndu-se doar la un nivel sporit de lichiditate. Astfel, pentru

¹ Potrivit art. 32 alin. (6) din Legea nr.550/1995, „credit în alb” este creditul acordat de către bancă debitorului fără careva garanție. În opinia noastră, această definiție ar trebui să fie completată cu sintagma „materiale sau secundare”, inclusă după cuvîntul „garanție”. Aceasta deoarece eliberarea unui sau altui credit în mod prioritar se garantează prin sursa primară de rambursare a creditului, care este formată fie din salariul debitorului, fie din alte venituri de care dispune acesta din urmă, cifra cărora ar reieși, ca exemplu, din rula-jele debitorului persoană juridică. Practica bancară implică pentru persoane juridice eliberarea creditelor fără gaj, dar fără gaj ele sînt doar la prima vedere. Fiecare credit de așa natură se garantează cel puțin prin constituirea gajului asupra dreptului de dispoziție a mijloacelor bănești din conturile curente ale întreprinderii deschise în banca creditoare, transformînd automat „creditul în alb” într-un credit garantat. Astfel, poate fi dedus că „credit în alb” se acordă numai persoanelor fizice în măsura în care debitorul nu garantează restituirea banilor altfel decît prin volumul viitoarelor venituri de care dispune și în funcție de care va fi capabil să-și onoreze corespunzător obligațiunile sale față de bancă.

creditor varianta ideală este atunci când obligația debitorului conform contractului de credit este asigurată prin garanțiile uzuale preferate de către acel creditor, perfecțiunea manifestându-se doar în situația în care nu apare necesitatea de a apela la acea garanție constituită. Conservarea dreptului de a apela la garanțiile constituite pînă la executarea deplină a obligațiilor debitorului pe contractul de credit oferă creditorului o punte sigură în ceea ce privește varianta alternativă de restituire a banilor din valoarea garanțiilor în urma apelului la acestea din urmă.

De altfel, drepturile la exercitarea garanțiilor în cea mai bună variantă trebuie să se stingă în acea fază suspensivă despre care vorbesc unii autori autohtoni în privința dreptului subiectiv de ipotecă. Ipoteca, la rîndul său, se naște, își produce efectul și poate să se stingă fără ca să fie tulburată prin apelul care eventual ar putea să fie făcut la ea [6]. Atunci cînd „obligație garantată” înseamnă o datorie pentru care dreptul creditorului la plată sau la altă formă de executare este asigurat printr-un privilegiu, un gaj sau drept de retenție, sau prin contracte de garanție reală, inclusiv datorii care rezultă din tranzacții de răscumpărare sau din alte contracte de garanție cu transfer de proprietate [7], iarăși poate fi desprinsă o legătură directă între relația de creditare și garanțiile aferente restituirii creditelor eliberate. Aceasta se datorează faptului că existența obligației de restituire a creditului, în cazul în care acesta a fost eliberat, este incontestabilă și necesită a fi garantată prompt, pentru ca să se facă abstracție de un eventual impact asupra patrimoniului creditorului. Certitudinea executării unei obligații prin apel la garanțiile care s-au constituit în acest sens este îndubitabilă, însă poate fi pusă la îndoială partea în care se va satisface creanța băncii. Aceasta se datorează faptului că valoarea garanțiilor

poate să-și schimbe gradul de acoperire a creanței bancare dintr-un motiv sau altul. Anume la această etapă creditorul vine cu solicitarea privind constituirea unor garanții suplimentare pe lîngă cele existente, astfel încît gradul de acoperire a creanței sale să atingă plafonul cerut de politica de creditare impusă de către banca creditoare.

Această manevră denotă caracterul providențial al creditorului, caracter care prezintă interes nu numai pentru creditorul propriu-zis, ci și pentru celelalte categorii de persoane acțiunile cărora sînt tangibile cu instituția financiară în cauză. Politica de creditare a băncilor mai cuprinde în sine toate informațiile ce țin de procedura eliberării creditelor și tehnicile de rambursare a acestora, formînd în cumul o descriere a procesului de creditare în ansamblul său. Totodată, politica de creditare nu în ultimul rînd prezintă mare interes și pentru deponenți, deoarece anume aceștia în mare parte formează fonduri pentru creditare. Această poziție o găsim și în literatura de specialitate.

Astfel, savantul rus **K. T. Trofimov** afirmă că băncile acționează cu titlu de intermediari financiari de bună credință datorită faptului că resursele pe care le oferă cu titlu de credit, în marea majoritate a cazurilor, nu le aparțin. Doctrinarul afirmă că partea resurselor proprii a băncii în procesul eliberării creditelor atît în practica internațională, cît și în Federația Rusă constituie nu mai mult de 10% din suma creditului eliberat. În așa mod, banca creditoare poate oferi credite din 3 surse distincte: 1) acționînd în calitate de agent al clienților care dispun de surplusuri financiare temporar libere (agent al deponenților); 2) efectuînd vînzări generate de procesul de multiplicare a depozitelor; 3) aplicînd acele maxim 10% din resursele proprii pentru creditarea unui sau altui solicitant. Are importanță deosebită afirmația

autorului citat referitor la obligativitatea debitorului ce ține de asigurarea executării obligațiilor aferente creditului bancar, indiferent de izvorul fondurilor creditare puse în aplicare, prin constituirea unei sau altei garanții uzuale raporturilor de credit bancar [9].

Dacă sursa fondurilor de credit indicată de către savantul K. T. Trofimov la punctele 1 și 3 este una relativ clară, atunci izvorul mijloacelor bănești consemnat de către autor la pct. 2 are nevoie de o explicație suplimentară. Astfel, întru completarea autorului citat mai sus am fi vrut să menționăm că multiplicarea depozitelor se realizează prin prisma circulației monetare continue, în măsura în care din quantumul unic încasat de la un subiect sau altul banca își formează fonduri de rezervă, diferența dintre suma total atrasă și această rată de rezervă fiind valorificată în procesul implementării fondurilor creditare, formîndu-se astfel o masă monetară artificială, generată de circulația faptică a unora și acelo-rași bani.

În economiile de azi, multiplicarea masei monetare se datorează în principal creșterii monedei scripturale, prin mecanismul acordării creditelor (*loans make deposits*) [10]. Moneda scripturală se definește ca fiind moneda de cont utilizată în decontările fără numerar, care este formată din disponibilități în conturi, cecuri, cambii etc. [11].

Pînă la urmă, susținem teza remarcată de către C. T. Trofimov în ceea ce privește procedura eliberării creditului și condițiile aferente acesteia. Totodată, această teză atestă o legătură certă între creditul bancar și garanțiile legate de rambursarea lui cel puțin datorită axiomei privind implicarea directă a resurselor atrase cu titlu de depozit în procedura de creditare.

O opinie similară este împărtășită și de doctrinarul autohton **Gheorghe Mîțu**, care afirmă că, din punct de vedere macroeconomic,

înseși băncile sînt intermediari pe piața de capital, deoarece, pe de o parte, prin activitatea lor ele atrag mijloace financiare disponibile de la persoane fizice sau juridice prin constituirea de depozite, iar pe de altă parte, plasează depozitele sub formă de credite celor care au nevoie de lichidități [8, p. 310].

În această ordine de idei, am putea afirma că atîta timp cît inițierea relațiilor de creditare se valorifică din contul resurselor atrase de către bancă de la deponenți, aceștia examinează calitatea precauțiilor aplicate de către bănci în procedura eliberării unui sau altui credit solicitat, interesele deponenților fiind îndreptate în special spre studiul modului de asigurare a obligațiilor debitorilor ce țin de creditele eliberate. Astfel deponenții pot da apreciere obiectivă riscurilor aferente fondurilor ce le-au depozitat în conturile băncii, examinînd ansamblul tehnicilor aplicate întregului flux de eliberare a creditelor de către o bancă sau alta.

Adevărat este că această regulă e utilizată în mare parte doar de către deponenții ale căror depozite sînt mari și depășesc zeci și sute de milioane în lei moldovenești. Deponenții care plasează sume mici, eventual manifestă mai puțin interes în această privință, iar unii nu sînt interesați în general de activitatea bancară în ansamblul său, deoarece banca servește pentru dînșii nu ca un agent comercial, ci ca o instituție în cadrul căreia banii vor fi într-o siguranță mai mare decît acasă. Totodată, deponenții sînt interesați și de modul în care se valorifică banii pe care i-au transmis băncii, limitîndu-se în mare parte doar la modul și mijloacele de asigurare a rambursării fondurilor de către clientul care le-a primit de la această bancă.

Pe același plan primar este pusă în discuție și posibilitatea restituirii imediate a depozitului constituit la scadența acestuia sau la prima necesitate a deponentului. În situația

în care deponentul vine cu solicitarea restituirii imediate a mijloacelor bănești depozitate, banca este obligată să restituie sumele bănești în strictă concordanță cu prevederile art. 1227 alin. (1) din Codul civil al Republicii Moldova (CC RM) [16], care vorbește despre faptul că, indiferent de tipul depozitului, deponentului trebuie să i se elibereze fondurile pe care acesta le-a transmis anterior băncii. Atunci cînd resursele atrase prin depozite bancare ating plafonul unor sume destul de mari și sînt puse în circulație de către instituția financiară în care sînt depuse, eventual pentru bancă ar fi dificilă restituirea acestor fonduri doar din sursele personale, în situația în care returnarea lor către bancă de la beneficiarul creditului nu a fost asigurată calitativ la momentul eliberării acestor bani în baza unui sau altui contract.

Chiar dacă eliberarea ulterioară a banilor de către banca intermediară a fost asigurată prin careva garanții, oricum ar putea apărea dificultăți cu privire la restituirea sumelor datorate, însă dificultățile în cauză se vor califica ca fiind temporare în raport cu situațiile în cadrul cărora creditele eliberate de către bancă din fondurile depozitate de către deponenți nu sînt asigurate.

Un exemplu proaspăt în această privință poate fi cauza civilă intentată la cererea BC „VICTORIABANK” SA versus Banca de Economii, prin care BC „VICTORIABANK” SA solicită restituirea forțată a depozitului bancar ajuns la scadență la data de 21.05.2014 în mărime de 93 milioane de lei din total 100 milioane predate cu titlu de depozit [13, 23].

Pînă la urmă, efectul garanțiilor constituite de către debitori sau terțe persoane în favoarea băncilor se rezumă la satisfacerea creanței bancare din realizarea drepturilor ce reies din acele garanții, realizarea bunurilor gajate, acestea din urmă fiind calificate drept sursă se-

cundară de rambursare a creditelor de care beneficiază acești debitori. Deci, dacă politica de creditare a băncii nu descrie clar obligativitatea asigurării obligațiilor debitorului ce reies din contractul de credit încheiat cu banca, deponenții care depun sume mari pe conturile de depozit ale băncilor vor avea un interes incert în ceea ce privește inițierea colaborării cu banca care nu redă claritate privind construcția unei relații de creditare asigurate pe deplin în partea obligațiilor debitorului, cu menționarea expresă a gradului de acoperire cu gaj material a sumei datorate.

Astfel, în baza materialelor examinate în prezentul studiu, este cert faptul că garanțiile aferente rambursării creditelor sînt parte componentă a raportului de creditare și datorită faptului că modul de abordare a constituirii acestora prezintă interes semnificativ pentru deponenții din sursele cărora în mare parte se formează fondurile creditare.

Totodată, atîta timp cît raportul de credit bancar este unul obligațional, el poate fi sistematizat cu raporturi de orice natură, care se pot califica ca fiind accesorii relației de creditare prin sporirea gradului de asigurare ce ține de executarea obligațiilor debitorului care reiese din contractul de credit bancar. Prin această afirmație de asemenea se elucidează considerabil faptul că garanțiile aferente restituirii creditului sînt parte componentă a raportului de credit bancar. Unii autori autohtoni definesc *creditul bancar* ca fiind ”relații economice dintre creditor și debitor care se oferă contra plată cu condiția **ca să fie asigurate**, rambursate la timp și utilizate în scopuri bine determinate” [14, p. 64]. Din această definiție putem observa că asigurarea creditului bancar este o condiție obligatorie, îndreptată spre construcția corespunzătoare a unei relații de creditare viabile.

Totodată, viabilitatea unei rela-

ții de creditare diferite de „creditul în alb” poate fi afectată considerabil în situația în care nu se constituie garanțiile solicitate de către bancă aferente rambursării banilor împrumutați, ceea ce denotă o dată în plus legătura strânsă dintre garanțiile aferente rambursării creditelor și raporturile de creditare propriu-zise. Acest lucru reiese atât din literatura de specialitate, cât și din legislația în vigoare. Astfel, cercetătoarea autohtonă **Oxana Robu** afirmă că una dintre trăsăturile caracteristice ale creditului este prezența unei garanții reale (materiale), atunci când un bun existent poate fi vândut în cazul nerambursării creditului, sau existența unei garanții personale, în cazul în care este suficient angajamentul personal al debitorului [15, p. 246].

Pe lângă aceasta, este de menționat faptul că, în cazul neconstituirii garanțiilor aferente rambursării creditului, raportul de creditare poate fi afectat de impactul manifestat prin refuzul creditorului de prestare a fondurilor creditare, ceea ce este fundamentat în prevederile legislației. Prin art. 1241 alin. (1) lit. „b” din CC RM se dispune că: „Creditorul este în drept să refuze executarea obligației de a pune la dispoziția debitorului creditul dacă, după încheierea contractului de credit, debitorul sau terțul încalcă obligația de a acorda *garanții de rambursare* a creditului pe care și-a asumat-o sau alte condiții înaintate de bancă pentru punerea la dispoziție a creditului.” Din conținutul acestei norme poate fi desprinsă o altă legătură dintre creditare și garanțiile aferente restituirii creditului, datorită faptului că nașterea unui raport de credit bancar este condiționată prin lege și de constituirea garanțiilor ce țin de rambursarea datoriei.

Un temei de bază în sensul studiilor precedente efectuate de către noi, care ar putea avea drept efect rezilierea contractului de credit, își are originea în situațiile în care:

debitorul nu oferă *garanțiile suplimentare* solicitate de către bancă, dacă acestea nu au fost constituite valabil sau ulterior constituirii acestora una sau mai multe garanții încetează din oricare alt motiv să producă efecte depline, inclusiv prin reducerea valorii acestora [17]. Deci este evident că și pe segmentul în cauză lipsa garanției aferente rambursării creditului poate servi drept impediment pentru o relație de creditare constructivă în interesul ambelor părți contractante. Acest fapt relevă o dată în plus o covalență între aceste două instituții strâns legate. Dacă din întreaga întindere a garanțiilor uzuale ce se aplică în procesul asigurării executării obligațiilor debitorilor, aferente contractelor de credit încheiate, nu reiese expres faptul că garanțiile sînt niște raporturi accesorii față de obligațiile garantate, atunci din legislația care reglementează gajul și ipoteca acest lucru poate fi desprins.

Astfel, la momentul asigurării facultative a riscurilor financiare ce țin de rambursarea unui sau altui credit eliberat de către o societate de asigurări, din prevederile Legii cu privire la asigurări nr. 407 din 21.12.2006 [20] nu se desprinde că asigurarea constituită este una accesorie raportului principal, deși din esența propriuzisă a lucrurilor ar decurge acest caracter accesoriu. Totodată, potrivit Directivei nr. 2002/47/CE a Parlamentului European și a Consiliului, adoptate la Bruxelles la 6 iunie 2002 privind contractele de garanție financiară, „obligațiile financiare garantate” se definesc ca fiind obligațiile ce sînt garantate printr-un contract de garanție financiară și care conferă dreptul la plata unei sume de bani și/sau la transmiterea (proprietății asupra) unor instrumente financiare [21]. Definiția instrumentului financiar, la rîndul său, este expusă relativ clar în Regulamentul nr. 575/2013 al Parlamentului European și al

Consiliului din 26 iunie 2013 privind cerințele prudențiale pentru instituțiile de credit și societățile de investiții și de modificare a Regulamentului (UE) nr. 648/2012 [22]. Astfel, potrivit Regulamentul nr. 575/2013, *instrument financiar* înseamnă un contract care generează simultan un activ financiar pentru una dintre părți și un pasiv financiar sau un titlu de capital pentru cealaltă dintre părți.

Din noțiunile expuse, nu poate fi desprins expres caracterul accesoriu al garanțiilor aferente obligațiilor financiare născute în patrimoniul unui sau altui subiect de drept civil, contractele de garanție financiară fiind calificate ca instituții autonome. Cu toate acestea, prin art. 4 alin. (1) din Legea cu privire la ipotecă nr. 142 din 26.06.2008 se explică: ipoteca se instituie în vederea garantării executării obligației și reprezintă un **raport de drept accesoriu față de obligația garantată**, fiind condiționată în timp de durata acesteia, dacă legea sau contractul de ipotecă nu prevede altfel [18]. Legea cu privire la gaj nr. 449 30.07.2001 [19] nu conturează același lucru ca și Legea cu privire la ipotecă, chiar dacă Legea cu privire la gaj a suferit recent o serie de modificări esențiale [24]. Aceasta se datorează faptului că Legea cu privire la gaj a intrat în vigoare mai devreme decît Codul civil al RM, care a dat o explicație suplimentară noțiunii de *gaj*, făcînd trimitere prin art. 454 alin. (2) la faptul că gajul se află în legătură cu obligația garantată prin gaj, reprezintă un **raport de drept accesoriu față de obligația principală** și este condiționat în timp de durata acesteia, dacă legea sau contractul de gaj nu prevede altfel. Prin Legea pentru modificarea și completarea unor acte legislative nr. 173 din 25.07.2014 [24], prin care a fost modificată Legea cu privire la gaj nr. 449 30.07.2001, oricum s-a omis accentuarea caracterului accesoriu al gajului în raport cu

obligația principală, însă accentuarea caracterului accesoriu al gajului față de obligația principală, în opinia noastră, este indispensabilă. Deci ipoteca și gajul nu pot exista autonom, în modul în care o obligație sau alta asumată de către debitor ar putea fi independentă de careva raporturi suplimentare.

Concluzii. Așadar, toate garanțiile uzual aplicate procesului de creditare au un caracter accesoriu, care este menționat expres în lege sau subzistă tacit. Acest caracter accesoriu nu are o altă menire decât sarcina de a da naștere afirmației că anvergura relațiilor de creditare nu se poate desfășura în absența unor asigurări certe, scopul cărora este limitat la garantarea executării obligațiilor asumate de către debitor ce reies din contractul de credit încheiat. Excepție de la regula dată eventual ar fi fost „creditul în alb”, dar și acesta, de fapt, este garantat prin sursa primară de rambursare ce reiese cel puțin din încasările de care se bucură debitorul parte a contractului de „credit în alb” în procesul activității și/sau existenței sale.

Referințe bibliografice

1. М.В. Романовский и др. Финансы, денежное обращение и кредит. Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской. Москва: Юрайт, 2006, 543 с.
2. Nicolae Dardac, Teodora Vascu. Moneda și creditul. Capitolul V. <http://www.biblioteca-digitala.ase.ro/biblioteca/carte2.asp?id=98&idb> (Vizitat la 28.08.2014).
3. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 8/24 din 30.01.1998.
4. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 1/2 din 01.01.1996.
5. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 216-221/2007 din 09.12.2011.
6. V. Volcinski, A. Tarlapan. Condițiile exercitării dreptului subiectiv de ipotecă. În: Revista Națională de Drept, nr. 8, 2011, p. 2.
7. Jurnalul Oficial al Uniunii Europene nr. 173/190 din 12.06.2014.
8. Mițu Gheorghe. Reprezentarea și intermedierea în dreptul privat. Chișinău: Tipografia “Notograf Prim”, 2014, 386 p.
9. Трофимов К.Т. Правовое регулирование банковского кредита и способов его обеспечения. В: Закон и право. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2005, № 4, с. 59-63.
10. <http://www.stiucum.com/finante/banci-si-burse/Sisteme-monetare-nationale15518.php> (Vizitat la 15.09.2014).
11. <http://www.comunicatedepresa.ro/moneda-scripturala/definitie/> (Vizitat la 15.09.2014).
12. Dumitru Radescu. Dicționar de drept civil. București: Editura MONDAN, 1994, 1079 p.
13. Încheierea nr. 2c1698/14 din 18.08.2014 emisă de către Judecătoria Centru, judecător Maria Negru, prin care s-a intentat cauza civilă.
14. Gheorghe Rusu. Bănci finanțe comerț internațional cu indexuri și termeni în limbă rusă și engleză. Chișinău: Editura Princeps, 2002, 233p.
15. Gheorghe Chibac, Sorin Brumă, Oxana Robu, Natalia Chibac. Drept civil. Contracte și succesiuni. Curs universitar. Ediția a doua, Chișinău: Tipografia Centrală, 2014, 392 p.
16. Monitorul Oficial al Republicii Moldova Nr. 82-86/661 din 22.06.2002.
17. Nicolae Marian. Libertatea decizională a părților contractante cu privire la rezilierea contractului de credit bancar. Aspecte comparative. În: Legea și Viața, nr. 10 din 2014, p. 34-40.
18. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 165-166/603 din 02.09.2008.
19. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 120/863 din 02.10.2001.
20. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 47-49/213 din 06.04.2007.
21. Jurnalul Oficial al Uniunii Europene, nr. L 168/43 din 27.06.2002.
22. Jurnalul Oficial al Uniunii Europene, nr. L 176/1 RO din 27.06.2013.
23. <http://unimedia.info/stiri/bem-vrea-sa-cumpere-unibank--dar-are-datorii-de-93-mln-lei-lavictoriabank-81910.html> (Vizitat la 19.09.2014).
24. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 231-237/531 din 08.08.2014.

ЭТАПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Роман АНДРУСИШИН,

соискатель кафедры теории та истории государства и права
Львовского государственного университета внутренних дел

SUMMARY

The article highlights the concept and nature of legal education, the implementation of legal norms in the real practice of public relations achieved by the development of legal consciousness of citizens, the authority of public opinion and forced by law through state law enforcement agencies. Characterized by practical problems and ways of improvement elements (lines) of system organization and management of education in modern society and the stages of the organization of legal education in modern society.

Keywords: legal, law, education, law, behavior, consciousness, citizens, public opinion, the police.

РЕЗЮМЕ

В статье освещены понятие и сущность правового воспитания, внедрение правовых норм в реальную практику общественных отношений, достигаемых развитием правового сознания, сознания граждан, авторитетом общественного мнения и принудительной силой закона с помощью государственных правоохранительных органов. Охарактеризовано практические проблемы и пути совершенствования элементов (направлений) системы организации и управления процессом воспитания в современном обществе и рассмотрено этапы организации правового воспитания в современном обществе.

Ключевые слова: правосознание, закон, воспитание, право, поведение, сознание, граждане, общественное мнение, милиция.

Постановка проблемы. Становление гражданского общества, изменения, происходящие в общественно-экономической и духовной жизни, в ценностных ориентациях украинского социума, интеграция Украины в европейские структуры определяют развитие гражданского воспитания личности. Формирование личностных черт гражданина Украины, воспитание демократического мировоззрения является главной целью гражданского воспитания, о чем говорится в Конституции Украины, Национальной доктрине развития образования, Законе Украины «Об образовании» и других нормативно-правовых документах [1, с. 36].

Цель данной публикации - охарактеризовать практические проблемы и пути совершенствования элементов (направлений) системы организации и управления процессом воспитания в современном обществе и рассмотреть этапы организации правового воспитания в современном обществе.

Изложение основного материала. В начале нового тысячелетия в условиях глобализации,

постоянного развития информационных технологий возрастает роль образования, призванного обеспечивать не только высокий уровень профессиональных знаний, но и способствовать духовному утверждению человека в динамичном и быстроменяющемся мире.

Развитие Украины должно определяться в общем контексте европейской интеграции с ориентацией на фундаментальные ценности общемировой культуры, что предусматривает внедрение современных технологий воспитания [2, с. 133]. Под организацией правового воспитания надо понимать возведение всех осуществляемых в обществе правовых мероприятий в определенную систему взаимосвязанных действий различных субъектов общества, объединенных общим замыслом и действующих по единой программе. А управление правовым воспитанием можно охарактеризовать как определенный вид социальной деятельности, направленный на практику правовоспитательной работы с целью ее рациональной организации,

оптимизации, обеспечения высокой эффективности.

Основной целью организации и управления правовым воспитанием является целенаправленное воздействие субъектов на сознание личностей, воспитываются, с целью формирования у них системы правовых ценностей, знаний, убеждений, а также умений и навыков законопослушного поведения [3, с. 45].

Организация эффективного правового воспитания в современном обществе предполагает теоретическое обоснование основных правовоспитательных мероприятий и последовательность их осуществления.

Основными этапами организации правового воспитания в современном обществе является:

- анализ состояния правовоспитательной работы в обществе и оценка ее эффективности;
- разработка на основе этого анализа текущих и перспективных планов (программ);
- организация практической реализации принятых планов (программ);
- социальный контроль за эффективностью правовоспитательной работы.

В процессе организации правовоспитательной работы важное место также занимают такие направления:

- координация деятельности государственных органов и общественных организаций в сфере правового воспитания;

- информационное обеспечение правовоспитательного процесса;

- методическое обеспечение правовоспитательной деятельности;

- обобщение и распространение положительного опыта работы по правовому воспитанию и др.

Рассмотрим указанные элементы (направления) системы организации и управления правовым воспитанием.

Организация и управление правовым воспитанием в конкретном обществе должны начинаться с анализа ее реального состояния и оценки эффективности осуществляемой правовоспитательной деятельности [3, с. 48].

Проблема анализа состояния и оценки эффективности правовоспитательной работы в современном обществе, несмотря на свою несомненную актуальность, является на сегодня недостаточно исследованной. Трудности анализа состояния правовоспитательной работы в обществе связаны прежде всего с тем, что эмпирические показатели, которые позволяют определить, достигли эффекта правовоспитательные учреждения в своей деятельности, являются не только сложными по природе, а требуют точной социальной информации. Действительно, на практике трудно установить, в какой степени усвоения правовой культуры, юридических знаний и их воплощение в реальном поведении личности могут быть связаны, например, с правовым воспитанием, правовым образованием, а в какой степени - с другими факторами. Или, наоборот, в какой степени может быть связано недостаточное правовое информирование населения с допущенными правонарушениями и, более того, - совершенными

преступлениями. Очевидно, что при оценке состояния правовоспитательной работы необходимы системный подход и целостное изучение проблемы, в частности, путем проведения конкретных социологических, социально-психологических и других исследований. В связи с этим возрастает необходимость научного исследования фактического уровня правовой культуры населения, оценки качества и эффективности правовоспитательных мероприятий, системы руководства правовым воспитанием и т.д.

Важно также разработать методику определения уровня реального состояния правосознания и правовой культуры, уровня требований, предъявляемых обществом к правовому регулированию социальных отношений, деятельности по распространению юридической информации, организации правового образования. Наконец, необходимы четкие критерии, позволяющие определять эффективность правового воспитания в целом, его составляющие и пути реализации нормативной модели правового воспитания политико-правовой деятельности на всех уровнях: общество - коллектив - личность [3, с. 49].

Наиболее информативным, на наш взгляд, методикой оценки эффективности правовоспитательной деятельности в стране является сравнительный анализ состояния правосознания и правовой культуры населения на момент совершения правовоспитательных мероприятий с их состоянием на момент их завершения. В свою очередь, реальное состояние правосознания и правовой культуры в определенный период жизни страны дает возможность оценить данные о преступности, ее качественную и динамическую характеристики, количество граждан, осужденных за серьезные правонарушения, а также уровень коррупции в стране. В процессе оценки состояния правосознания и правовой культуры в обществе нужно широко использовать данные правоохра-

нительных органов государства (прокуратуры, министерства внутренних дел, департамента по вопросам исполнения наказаний и т.п.), результаты статистических исследований и выводы международных и отечественных общественных организаций, результаты опросов общественности по этой проблематике и т.д.

На основании полученных результатов об уровне правовой культуры населения, состоянии организации правового воспитания в стране и оценка ее эффективности государственные органы должны своевременно разрабатывать текущие и перспективные планы (программы), а также осуществлять законодательное обеспечение правового воспитания в стране [3, с. 50].

Планирование правовоспитательной работы - один из самых ответственных этапов в осуществлении системного подхода относительно формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры населения.

В современном обществе ведущая роль в планировании правового воспитания принадлежит государству, которая должна:

- обосновывать стратегические цели, принципы и задачи правовоспитательного процесса;

- составлять программы правовоспитательных мероприятий;

- определять субъектов, ответственных за выполнение этих программ и сроки достижения намеченных целей;

- а также указывать источники финансирования правовоспитательных мероприятий.

В зависимости от масштаба правовоспитательных целей и задач различают перспективное и текущее планирование. Перспективное планирование правового воспитания осуществляется государственными институтами на достаточно длительный период развития общества, как правило, от трех до десяти лет. Текущее же планирование правового воспитания должно осуществляться всеми государственными и общественными организациями, которые вы-

полняют правовоспитательные функции, на короткий срок, обычно на один год [4, с. 22].

В 2001 году Указом Президента Украины была утверждена Национальная программа правового образования населения. В этой программе поставлена цель дальнейшего развития правосознания населения, преодоление правового нигилизма, удовлетворение потребностей граждан в получении знаний о праве и совершенствования правового образования населения. Национальная программа правового образования населения не только определяет цель, но и указывает направления деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления для ее достижения [5]. Среди них:

- проведение конференций, семинаров, симпозиумов по вопросам повышения уровня правовой культуры граждан;

- решение вопросов о предоставлении поддержки в издании учебников и пособий по правоведению для общеобразовательных, профессионально-технических и высших учебных заведений, популярных юридических учебников, сборников актов законодательства, а также в комплектовании правовой литературой библиотечных фондов;

- обеспечение освещения в теле- и радиопередачах актуальных правовых вопросов, особенно разъяснения соответствующих законодательных актов и практики их применения;

- проведение недель и декад показа кинофильмов с морально-правовой тематикой;

- обеспечение разработки методик и издание методических пособий по преподаванию основ правоведения в 9-х классах общеобразовательных учебных заведений, а также издание учебных пособий по основам правоведения и др [5].

Важным направлением деятельности государства по формированию необходимого уровня правосознания и правовой культуры населения является законодательное обеспечение правового

воспитания. Это направление включает два основных аспекта. Первый из них заключается в принятии государственных законов, правовых актов, регламентирующих порядок организации и осуществления правовоспитательной работы в обществе. Второй аспект законодательного обеспечения правового воспитания предполагает создание современной, непротиворечивой правовой системы и обеспечение ее реализации на практике, что само по себе имеет существенное правовоспитательное потенциал. Если роль первого аспекта в правовоспитательной деятельности государства не вызывает сомнений, то второй аспект требует определенного теоретического обоснования.

Известно, что правовые нормы и законы, которые разрабатываются и принимаются в государстве, тесно связанные с категорией «правосознание», одновременно составляя и результат ее действия, и фактор, что определяет ее качественную характеристику.

Поэтому не случайно, что одним из основных механизмов правового воспитания индивида выступает отражение в его сознании существующих законов, правовых норм и особенности их реализации в социальной практике. Таким образом, именно законодательство и правоприменение, которые воспринимаются и оцениваются личностью, играют решающую роль в формировании правосознания. В этом контексте под правоприменением понимается практика реализации правовых норм, законов, существующих в конкретном государстве, а также соблюдения их иерархии [3, 51]. Однако законодательство и ее реализация в социальной практике могут оказывать на формирование правосознания личности как положительный, так и негативное влияние. К сожалению, правообразование и правоприменение в Украине, как и в других переходных государствах, далеки от совершенства, что во многом и определяет сложность организа-

ции правового воспитания в этих странах.

Анализ законодательной базы, регулирующей организацию правовоспитательной работы в Украине, показывает, что сегодня в нашей стране отсутствует единая государственная политика в этой сфере, а правовые нормы, на основе которых должна осуществляться эта деятельность, рассредоточены в различных нормативно-правовых актах, что приводит к их дублированию и правовых коллизий. Например, проблемы организации правового воспитания и образования населения Украины в той или иной мере затрагивает ряд законов, программ, концепций, среди которых можно назвать следующие: Концепция национального воспитания (1994 г.), Концепция гуманитарного образования (1997 г.), Национальная программа патриотического воспитания граждан, формирования здорового образа жизни, развития духовности и укрепления моральных основ общества (1999 г.), Концепция гражданского воспитания личности в условиях развития украинской государственности (2000 г.), Национальная программа правового образования населения (2001 г.), Закон «О высшем образовании» (2014 г.), Концепция национально-патриотического воспитания молодежи (2009 г.), Концепция национального воспитания студенческой молодежи (2009 г.) и др [3, 52; 6, с. 36].

Важнейшим этапом правовоспитательного процесса являются непосредственные организация и управления государственными и общественными органами деятельностью по формированию правового сознания и правовой культуры населения.

Непосредственное руководство по организации и управления правовым воспитанием в развитых странах осуществляет система государственных институтов в лице исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, уполномоченных Конституцией и другими законодательными актами страны на осу-

ществование функций правового воспитания и образования [3, 52]. Самостоятельными субъектами управления правовым воспитанием есть общественные организации, профсоюзы, администрация предприятий различных форм собственности, трудовые коллективы и др. Важно отметить, что каждый из названных субъектов воспитания осуществляет правовую деятельность присущими ему методами и средствами, обусловленными общим содержанием его деятельности.

Все названные субъекты воспитания, кроме реализации собственно правовоспитательных мероприятий, должны также распространять все осуществляемые мероприятия на себя. Своим примером соблюдения законов Украины, правовой воспитанности, развитой правовым сознанием и правовой культурой государственные чиновники (субъекты воспитания) должны демонстрировать населению (объекта воспитания) меру должного поведения.

Другим важным направлением организации правовоспитательной работы в современном обществе является информационное обеспечение правовоспитательного процесса [3, 54]. Информационный подход к правовому воспитанию в последнее время становится все более распространенным как среди отечественных, так и среди зарубежных исследователей.

Информационный подход к правовому воспитанию основывается на следующих положениях:

- изначальной целью правового воспитания является повышение уровня правовой информированности граждан;
- формирование правового государства в обществе с низкой правовой информированностью граждан является невозможным;
- процесс воспитания должен начинаться с усвоения элементарных правовых норм, постепенно же количество правовой информации должно увеличиваться;
- цель правового информирования граждан заключается в том,

чтобы ценности и нормы, одобряемые обществом, целенаправленно усваивались индивидом [3, 52; 6, с. 36].

Значение организации правового информирования граждан заключается не только в ознакомлении их с содержанием законов Украины и других нормативно-правовых актов, а прежде всего в их воспитании в духе уважения к праву, законам, сознательного и добровольного их соблюдения. Ведь уважение к праву, закону невозможно без этического оценивания, без их восприятия и одобрения обществом. Поэтому воспитание гражданских чувств, и прежде всего уважение к нормам права, имеет составлять основу формирования социально-ценностной ориентации личности.

Основными источниками правового информирования граждан в современном обществе являются средства массовой информации (СМИ): телевидение, Интернет, радиовещание и печатные издания. К сожалению, СМИ в Украине пока не выполняют должным образом роль источников правового информирования населения. Наоборот, многие СМИ негативно влияют на формирование правосознания и правовой культуры в нашей стране.

Завершающим направлением организации правовоспитательной работы в современном обществе является методическое руководство правовым воспитанием, а также обобщение и распространение опыта государственных учреждений и общественных организаций, которые достигли высокой эффективности в указанной сфере деятельности. Целью этого направления является обеспечение высокого уровня профессионально-юридического содержания правовоспитательного процесса, который осуществляется всеми государственными и общественными организациями.

Выводы. 1. Организация и управление правовым воспитанием в обществе является определенным видом социальной деятельности, которая направлена на практику правовоспитательной

работы с населением с целью ее рациональной организации и обеспечения высокой эффективности. 2. К системе организации и управления процессом воспитания в современном обществе входят практически все субъекты общества: государственные органы, общественные организации, общественные группы, коллективы и т.д. 3. Основными этапами организации правового воспитания в современном обществе является: анализ состояния правовоспитательной работы в обществе и его оценивания; разработка текущих и перспективных планов (программ); организация практической реализации принятых планов (программ); социальный контроль за эффективностью правовоспитательной работы.

Литература:

1. Бондаревский В.Г. Правовое сознание и правовая культура в Украине: проблемы их формирования. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: // <http://www.info-library.com.ua/books-text-11939.html>.
2. Витвицкая С.С. Организация воспитательного процесса в высшем учебном заведении) / С.С. Витвицкая // Основы педагогики высшей школы: учебник / С.С. Витвицкая. - К.: ЦУЛ. - 2011. - С. 133-160.
3. Философия правового воспитания : учеб. пособие. / А. П. Гетман, О. Г. Данильян, О. П. Дзьобань и др. ; за ред. А. П. Гетмана, О. Г. Данильяна. - Х. : Право, 2012. - 248 с.
4. Царенко В.И. Организация правового воспитания личного состава в государственной пограничной службе Украины / В.И. Царенко // Университетские научные записки. - 2005. - №4. - С. 22-25.
5. Национальная программа правового образования населения [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Украины от 18 окт. 2001 г. - Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=992%2F2001>.
6. Ермоленко Д.А. Практические проблемы и пути совершенствования правового воспитания молодежи в современной Украине / Д.А. Сомоленко // Власть. Человек. Закон. - № 1 (112). - 2013. - С. 19-24.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вадим БАБАКИН,

кандидат юридических наук, доцент, докторант
Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

Article is devoted to relevant issues of combating cybercrimes committed by young persons. The essence of this negative phenomenon is considered and the ways of counteraction youth crime in the area of information technologies are also improved.

Keywords: operational units of law enforcement bodies, operational information, crime offence, youth, information technologies.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена актуальным вопросам противодействия киберпреступлениям, совершаемым лицами молодого возраста. Рассматривается сущность этого негативного явления, а также предложены действия по усовершенствованию противодействия молодежной преступности в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: оперативные подразделения органов внутренних дел, оперативная информация, уголовное правонарушение, молодежь, информационные технологии.

Постановка проблемы. Современное общество характеризуется постоянным совершенствованием информационных технологий, и повседневным использованием компьютерной техники, сетей связи, мобильных средств коммуникации и других технических средств. Ежедневная работа правительственных структур, банковской, энергетической, транспортной и других систем жизнеобеспечения человека не возможна без надежного функционирования компьютерной техники и средств коммуникации. Информационные технологии стали постоянным спутником человека не только на рабочем месте – они вошли практически во все сферы человеческой жизни и быта. Быстрое распространение новых информационных технологий, в основе которых лежит широкое использование компьютерной техники и средств коммуникации, оптимизация и автоматизация процессов всех без исключения сфер жизнедеятельности, привело к тому, что информационное пространство стало использоваться маргинальными лицами как непосредственного инструмента совершения преступления. Теперь для совершения отдельных видов преступлений не нужна предварительная «об-

работка клиента» и не всегда личный контакт с потенциальной жертвой. Главным инструментом преступника становится компьютер, с помощью которого он получает доступ к информационно-коммуникационным системам, а также к системам получения денежных и иных средств, применения компьютерных вирусов, использования других противозаконных технических средств, обеспечивая себе доступ к базам данных, банковским счетам, автоматизированным системам управления [1]. В совершении таких преступлений принимает непосредственное участие наиболее развитая в техническом отношении молодежь. В связи с излояженным, необходимо исследовать использование новых достижений науки и техники в целях предупреждения этих видов преступлений.

Актуальность темы. Согласно результатам нашего научного исследования, современные тенденции развития теории и практики досудебного расследования и оперативно-розыскной деятельности в сфере использования информационных технологий опираются на использование технических средств в выявлении, раскрытии, предупреждении и предотвращении киберпресту-

плений, большая часть из которых совершается лицами молодого возраста до 35 лет. Многолетний анализ практической деятельности следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) свидетельствует о том, что на современном этапе подразделения ОВД недостаточно оснащены техническими средствами. Вышеуказанное ухудшает процессы организации и снижает эффективность проведения мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению уголовных правонарушений в сфере киберпреступности. Анализ статистических данных правоохранительных органов свидетельствует о том, что ежегодно около 35–40 % преступлений совершаются с использованием современных телекоммуникационных, компьютерных и иных технологий, а в будущем по криминологическим и другим прогнозам данные показатели могут резко увеличиться. По нашему мнению, одним из стратегических направлений в противодействии киберпреступности среди молодежи является совершенствование поиска, сбора, фиксации и мониторинга оперативной информации по ее сбору и анализу для планирования и реализации соответствующих

мероприятий упределительного и пресекающего характера.

Состояние исследования. Проблемы противодействия преступности в сфере информационных технологий исследовали такие ученые, как А. М. Бандурка, В. Н. Бутузов, М. Г. Вербенский, А. Н. Джужа, Г. А. Зорин, Б. И. Калачов, Л. Л. Каневский, М. В. Корниенко, Н. Н. Перепелица, Е. Д. Скулиш, В. В. Шендрик, А. А. Юхно и другие. Несмотря на вышеуказанные исследования решение проблемы противодействия киберпреступлений среди молодежи и особенно после принятия действующего УПК Украины остается не исследованным и приобретает все большую актуальность.

Цель данной статьи – определить пути противодействия молодежной преступности в сфере информационных технологий.

Изложение основного материала. Массовая компьютеризация в условиях стремительного развития информационных технологий в Украине сопровождается увеличением количества интернет-пользователей, особенно среди людей молодого возраста, что связано с доступностью подключения к глобальной сети и получения информации по любому интересующему вопросу как молодых, так и людей любого возраста. Согласно результатам исследования GfK Ukraine, количество регулярных интернет-пользователей старше 16-ти лет в Украине возросла в I квартале 2013 г. по сравнению с IV кварталом 2012 г. на 15,1 % (что на 21 % больше по сравнению с I кварталом 2012 г.) и составила 17,34 млн. человек. По итогам 2012 г. количество регулярных интернет-пользователей старше 16-ти лет в Украине составляла 15,41 млн. человек, что на 27 % больше, чем в 2011 г. [2]. Несовершеннолетние и молодежь все активнее осваивают компьютерные технологии, а некоторые из них с преступным умыслом. Мотивация этой группы правонарушителей это

желание завладеть денежными средствами. Отдельные молодые преступники специализируются на уголовном посягательстве относительно денежных средств путем несанкционированного проникновения в компьютерные системы банковских учреждений, некоторые на совершение фактов мошенничества по завладению денежными средствами с использованием пластиковых документов [3].

Анкетирование, проведенное Г. М. Шороховой, показало, что возраст компьютерных правонарушителей колеблется в пределах от 14-ти до 35-ти лет, то есть людей молодого возраста. Возраст 33 % преступников на момент совершения правонарушения не превышал 20-ти лет, 54 % преступников находились в возрасте 20–40 лет и только 13 % были старше 40 лет. Таким образом 87% лиц совершивших такие виды преступлений были совершены в молодом возрасте, то есть до 35 лет. Как показало исследование правонарушений в сфере использования компьютерных технологий в пять раз чаще совершаются мужчинами. Большинство преступников имели высшее или незаконченное высшее образование (53,7 %), либо среднее профессиональное образование (19,2 %). Интересно, что в последнее время среди лиц, совершивших подобные преступления, постоянно увеличивается и доля женщин [4, с. 127].

Исследуя это направление, В. Б. Вехов указывает, что лицо молодого возраста, совершившее киберпреступление, в криминалистике рассматривается как личность со свойственными ей социальными, психологическими, психофизическими, этическими качествами. Именно личные качества молодого человека и окружающая среда во взаимодействии последовательно определяют мотивацию принятия решения об объединении с другими лицами для совместной преступной деятельности в сфере информаци-

онных технологий и выполнение принятого решения. Мотивация включает процесс возникновения и формирования мотива преступного поведения и его цель. Мотив преступного поведения, по мнению криминологов, нужно рассматривать как внутреннее побуждение к действию; желание, определенное потребностями, интересами, чувствами, которые возникают и обостряются под влиянием внешней среды, конкретной ситуации. В то же время, как считает большинство исследователей, при корыстных преступлениях личность «преобладает» над ситуацией, а мотив формирует цель. Мотив преступного поведения формируется под влиянием социального окружения, жизненного опыта личности; побуждения являются внутренней, непосредственной причиной преступной деятельности и выражают личное отношение к тому, на что направлена преступная деятельность [5, с. 66]. Указанное дает основания говорить о том, что при организации и проведении комплексных и целевых оперативно-профилактических мероприятий и противодействия уголовных правонарушений в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи психологические и психофизические свойства, присущие молодежи, должны учитываться оперативными работниками ОВД. Рассматривая особенности личности злоумышленников, совершающих киберпреступления, В. Б. Вехов выделяет три группы лиц: 1) лица, особенностью которых является устойчивое сочетание профессионализма в сфере компьютерной техники и программирования с элементами своеобразного фанатизма и избретательности; 2) лица, страдающие психическими заболеваниями (компьютерной фобией); 3) профессиональные компьютерные преступники, имеющие ярко выраженную корыстную

цель [5, с. 38–39]. Такое деление представляется целесообразным и в контексте нашего исследования, что мы поддерживаем.

Некоторые авторы, в частности А. В. Соколов и А. Н. Степанюк классифицируют правонарушителей на искателей приключений, идейных хакеров и компьютерных профессионалов. Результаты изучения материалов уголовных производств свидетельствуют о том, что чаще всего к уголовной ответственности за совершение правонарушений в сфере информационных технологий привлекалась молодежь в возрасте от 18-ти до 35-ти лет. Согласно данным исследования, за пять последних лет количество киберпреступников в возрасте 16–35 лет выросло почти в четыре раза [6].

По мнению С. С. Малыгина, решение проблем информационного обеспечения деятельности подразделений ОВД, занимающихся предупреждением, пресечением и расследованием преступлений и розыском преступников, в современных условиях непосредственно связано с их технической образованностью и оснащенностью, компьютеризацией, внедрением новых информационных технологий, а также с ростом профессионального мастерства всех сотрудников подразделений, участвующих как в сборе необходимой информации, так и в наполнении информационных систем и в результате использования этих сведений для решения задач оперативно-розыскной деятельности [7, с. 164], что мы поддерживаем. По нашему мнению, это относится и к получению оперативной информации оперативными подразделениями ОВД относительно несовершеннолетних лиц и лиц молодого возраста, которые готовятся, совершают или уже совершили уголовные правонарушения в сфере информационных технологий.

По мнению А. А. Юхно, для осуществления предупреждения преступлений, как и любой другой процедурной деятельно-

сти, необходимо несколько блоков информационных ресурсов, в частности: 1) блок основной (структурной) информации, которая отражает системные параметры; 2) блок дополнительной (функциональной) информации, которая отражает налаженные системные связи между различными компонентами; 3) блок прогнозируемой информации, которая отражает количественно-качественные параметры равновесия системы предупреждения преступлений [8, с. 13], что мы поддерживаем и считаем дополнить блоком запланированных мероприятий для упреждения или пресечения такого вида преступлений.

В связи с тем, что в банковской сфере постоянно возрастают объемы безналичных расчетов, лица молодого возраста очень часто готовят и совершают уголовные преступления через систему интернет-банкинга. По данным Национального банка Украины, в 2011 г. количество противоправных операций по платежным картам украинских банков выросло до 7,6 тысяч по сравнению с 2,9 тысячами в 2010 году. Объем неправомерно списанных средств увеличился почти в полтора раза – с 6,3 млн. до 9,1 млн. грн [9]. Так, кражи данных платежных карт (банковских счетов) или данных доступа к системе интернет-банкинга с целью завладения денежными и иными средствами клиентов банка, кража персональных данных и коммерческой информации из частных компьютеров или серверов, умышленное нарушение работы информационных систем или средств коммуникаций с целью создания убытков компаниям это далеко не полный перечень угроз, которые несет с собой бурное развитие современных информационных технологий. При этом киберпреступность приобретает по-настоящему мировые масштабы, новейшие технологии превращают реальных преступников в анонимных, трудно доказуемых

лиц, а легкость и быстрота подобного обогащения становятся соблазном для все большего количества молодых людей. Популярность сети Интернет вполне закономерна, поскольку пользователь имеет возможность круглосуточного доступа к значительному объему информации, а также может быстро обмениваться информацией с другими пользователями. Банковская система Украины является одной из сфер, где очень широко и активно используются современные возможности информационных технологий и сети Интернет. Учитывая то, что указанные технологии используются для совершения денежных переводов, указанная сфера привлекает все большее внимание молодых преступников. [10] Подготовка и совершение киберпреступления осуществляется практически не отходя от «рабочего места», то есть такое уголовное правонарушение можно совершить из какой-либо даже с удаленной точки доступа, и любого населенного пункта, а сами объекты преступных посягательств могут находиться за тысячи километров от преступника. Кроме того, достаточно сложно выявить, зафиксировать и изъять криминалистически значимую и доказательственную информацию при выполнении следственных действий [11]. На основании этого можно утверждать, что без конспиративного обеспечения оперативно-розыскной деятельности невозможно получить оперативную информацию относительно исследуемой категории правонарушителей в законном порядке и задокументировать преступную деятельность.

Согласно оценкам экспертов, преступность в сети Интернет способна нанести убытки, сравнимые с убытками от краж произведений искусства во всем мире, а по данным ООН, ущерб, который причиняет такая преступность, можно сравнить с ущербом, причиняемым противозаконным оборотом наркотиков и оружия.

Кроме того, существование данной категории преступлений выступает сдерживающим фактором развития конкурентоспособности экономики стран мира, в том числе и Украины, поскольку покупатель, предприятия и банки с опаской используют новые интернет-услуги [12]. По данным управления по борьбе с киберпреступностью МВД Украины, только в г. Киев фиксируется до двадцати случаев кражи денег через систему «клиент-банк» в месяц, а суммы похищенного составляют от 20 тысяч до 40 млн грн. Однако, подобные факты замалчиваются, сообщений в СМИ о них практически нет. Ни потерпевшим, ни банкам, ни милиции не выгоден шум вокруг происходящего. В ряде случаев такие мошеннические схемы реализуются организованными группами, в которые входят представители банков и силовых структур [13], поэтому уголовные правонарушения, совершенные в интернете, имеют латентный характер и им можно противопоставить только мероприятия на основе использования тех же новейших достижений науки и техники.

Согласно отдельных исследований В. Б. Вехова, компьютерная преступность характеризуется огромной латентностью. Это означает, что подавляющее большинство незаконных действий в сфере информационных технологий остаются не только не раскрытыми, но и не учтенными. Для этого есть две причины. Во-первых, многие люди могут даже не заметить, что кто-то получил доступ к их конфиденциальной информации. Вторая причина латентности компьютерной преступности заключается в нежелании компаний или частных лиц признаться в том, что они стали жертвами злоумышленников. В первом случае большую роль играют страх перед потерей имиджа фирмы и боязнь, что правоохранительные органы могут выявить информацию, которую потерпевшие скрывали от них. По

результатам исследований, частные лица считают, что действия хакеров не причиняют им большого ущерба. Поэтому потеря времени, связанная с обращением в правоохранительные органы, кажется им как ложно более значимой, чем убытки, нанесенные преступлением. Наверное, даже не нужно объяснять, почему эта точка зрения ошибочна. До тех пор пока мы не будем помогать правоохранительным органам, уровень компьютерной преступности в нашей стране будет расти [5, с. 103–105]. Оперативные подразделения ОВД должны заблаговременно получать информацию, чтобы адекватно реагировать на правонарушения, которые готовятся или совершаются, в том числе и относительно правонарушений совершаемых в сфере информационных технологий.

Одним из самых эффективных способов противодействия киберпреступлениям, особенно тем, которые совершаются несовершеннолетними и молодежью, является использование оперативными подразделениями ОВД различных методов и средств и методов предупредительного характера. Таким методом является информирование населения, в том числе несовершеннолетних и лиц молодого возраста о привлечении к уголовной ответственности за совершение правонарушений в сфере информационных технологий. Анализ практической деятельности оперативных подразделений свидетельствует о том, что большинство несовершеннолетних и лиц молодого возраста во время совершения киберпреступлений сохраняют иллюзию собственной безнаказанности. Особенно важно это учитывать оперативным подразделениям ОВД при организации и проведении мероприятий по предупреждению данных правонарушений.

Учитывая стремительные процессы развития информационных технологий, особенно важно, чтобы меры, принимаемые правоо-

хранительными органами в целях противодействия киберпреступности, были своевременными и эффективными. Это зависит, прежде всего, от следующих условий: 1) от обеспечения надежного хранения информационной базы данных, которая используется сотрудниками правоохранительных органов; 2) от обеспечения сбора и изъятия доказательств по электронному документообороту у лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений; 3) от быстрого получения оперативной информации относительно фактов и обстоятельств совершения преступления в сети интернет лицами молодого и иного возраста; 4) от установления местонахождения лиц, подозреваемых в совершении преступлений, посредством использования информационных технологий [14], что мы поддерживаем, но по нашему мнению к указанному следует добавить также эффективное использование оперативных учетов; 5) от регулярного обмена оперативно-розыскной информацией при организации и осуществлению мероприятий по противодействию киберпреступности.

Выводы. Таким образом, комплексное и эффективное использование правовых, технических, организационных и современных технологий, а также научно-технических средств, дает возможность следователям и сотрудникам оперативных подразделений ОВД эффективно и результативно осуществлять предупреждение и противодействие уголовным правонарушениям в сфере киберпреступлений, которые готовятся или совершаются лицами молодого возраста.

Впрочем, поставленные вопросы не являются окончательно изученными и подлежат дальнейшему научному исследованию.

Литература:

1. Гуржий Г. С. Кіберзлочинність та відмивання коштів [Електронний ресурс] / Г. С. Гуржий. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.ua/file/link/396800/file/tipolog2013.pdf>.

2. Информационное агентство УНИАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economics.unian.net>.

3. Лук'яненко С. О. Аспекты систематизации злочинів в кредитно-фінансовій сфері / С. О. Лук'яненко // Проблеми кодифікації законодавства України : матеріали наук.-практ. конф. – К. : Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2003. – С. 214–216.

4. Шорохова Г. М. Детермінація вчинення кіберзлочинів неповнолітніми сучасні напрями профілактики та актуальні проблеми розслідування злочинів, що вчиняються неповнолітніми : матеріали наук.-практ. семінару (м. Харків, 16 квіт. 2010 р.) / Г. М. Шорохова. – Х. : Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2010. – С. 127.

5. Вехов В. Б. Компьютерные преступления. Способы совершения, методики расследования / В. Б. Вехов. – М. : Право и закон, 1996. – 182 с.

6. Соколов А. В. Защита от компьютерного терроризма : справ. пособие / А. В. Соколов, О. М. Степанюк. – СПб. : Арлит, 2002. – 496 с.

7. Малыгин С. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / С. С. Малыгин, А. Е. Чететин. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. юрид. ин-та МВД России, 2001. – 306 с.

8. Юхно О. О. Діяльність транспортної міліції щодо попередження крадіжок приватного майна громадян на пасажирському залізничному транспорті : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Олександр Олександрович Юхно. – Х., 2005. – 20 с.

9. Банкиры предлагают создать единую базу киберпреступлений для кибербезопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://iee.org.ua/ua/prog_info/23068/

10. Гуржій С. Г. Кіберзлочинність та відмивання коштів [Электронный ресурс]. / С. Г. Гуржій. – Режим доступа: http://cct.com.ua/2014/25.12.2013_157.htm

11. Кіберзлочинність [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://itb.uscoz.ru/publ/kiberzlochinnist/9-1-0-208>

12. Савчук Н. В. Кіберзлочинність: зміст і методи боротьби [Электронный ресурс] / Н. В. Савчук. – Режим доступа: http://tpe.econom.univ.kiev.ua/data/2009_19/zb19_48.pdf.

13. Кіберзлочинність набирає обертів [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ua.golos.ua/social_problem/12_11_30_kiberprestupnost_v_ukraine_nabiraet_oboroty

14. Шепетько С. А. Форми вчинення транснаціональними злочинними організаціями окремих злочинів за допомогою використання мережі Інтернет [Электронный ресурс] / С. А. Шепетько. – Режим доступа: http://journal-bzozik.com.ua/menus/view/1_322014#1.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОГРАМИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ОСНОВЕ ЗНАНИЙ ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Андрей БАБЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
Одесского государственного университета внутренних дел, подполковник милиции

SUMMARY

The article investigates the problem of forecasting, planning and programming based on the knowledge of regional peculiarities crime. Systematized knowledge of the regional patterns of crime.

Allocated space and the importance of forecasting, planning and programming the system to of combating crime. Identified gaps in the current legislation to combat crime.

Proposed some ways to promoted more effective of combating crime in region based on new knowledge about the crime in the region.

Key words: forecasting, planning, programming, regional peculiarities crime, combating crime.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию проблем прогнозирования, планирования и программирования на основе знаний региональных особенностей преступности. Систематизированы знания о региональных закономерностях преступности. Выделено место и значение прогнозирования, планирования и программирования в системе противодействия преступности. Выявлены пробелы в действующем законодательстве по противодействию преступности. Предложены пути повышения эффективности противодействия преступности в регионах на основе полученных новых знаний о преступности в регионах.

Ключевые слова: прогнозирование, планирование, программирование, региональные особенности преступности, противодействие преступности.

Постановка проблемы.

Следует признать, что традиционные способы изучения преступности, ее особенностей и закономерностей перестали удовлетворять потребности современного законодательства, теории и практики, о чем свидетельствует современное состояние преступности. Такой ситуации во многом способствует отставание действующего законодательства от количественно-качественных преобразований преступности. Особенно остро это находит свое проявление на региональном уровне, что в свою очередь существенно снижает контроль за происходящими социальными процессами, негативно влияет на эффективность прогнозирования, планирования

и программирование последних, и как следствие, сказывается на противодействии преступности в стране и ее регионах. Представляется, что одним из перспективных направлений получения новых знаний о закономерностях преступности и повышения роли законодательного обеспечения правоохранительной деятельности является изучение преступности через призму ее региональных особенностей.

Актуальность темы исследования подтверждается результатами анализа статистических данных о преступности в Украине и данными криминологических исследований, которые свидетельствует о том, что доминирующей криминологической тенденцией на ближайшие годы

остаётся продолжающийся рост преступности в мире, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализацией общественных отношений [1,с.5]. В этой связи криминогенная ситуация, зафиксированная на основе статистических данных [2, с.116-123;3; 4] Украины является отображением общей тенденции преступности в мире – роста ее абсолютных и относительных показателей, как на уровне всего государства, так и на уровне отдельно взятых регионов. Таким образом, получение объективной информации о региональных особенностях преступности открывает новые возможности для выявления ее закономерностей, что в свою очередь позволяет более точно осуществлять прогнозирование, планирование, программирование и организацию противодействия преступности на уровне самостоятельных территориально-пространственных систем.

Состояние исследования. Проблемам изучения региональных особенностей преступности и получение на этой основе знаний о ее закономерностях с целью прогнозирования и планирования мер противодействия преступности в разное время уделяли внимание такие ученые как К.Р. Абызов, Е.М. Блажевский, А.И. Долгова, Ч.Ломброзо, К.Т. Ростов, Д.В. Федоренко, В.П. Филонов, В.И. Шакун, Г.И.Шнайдер и др., ученые, труды которых составили для нас теоретическую основу для дальнейшего изучения данной проблемы. Вместе с тем, обозначенная проблема остаётся не решенной на примере функционирования преступности на региональном уровне в Украине.

Целью и задачей статьи является систематизация знаний о

региональных закономерностях преступности; выделение места и значения прогнозирования, планирования и программирования в системе противодействия преступности; выявление пробелов в законодательстве, поиск возможностей для повышения эффективности противодействия преступности в регионах на основе полученных новых знаний.

Изложение основного материала. Необходимость изучения преступности в регионах и выявление ее особенностей обусловлена тем, что традиционное изучение преступности на основе общегосударственных показателей не дает возможности выявить достоверные, полные данные о ее закономерностях. Это обусловлено тем, что ее общегосударственные средние показатели формируются за счет высоких показателей преступности в одних регионах и низких показателей в других. Точно также общегосударственные тенденции преступности обуславливаются высоким ростом преступности в одних регионах, и, например, снижением в других. Таким образом, наиболее полную и объективную криминологическую информацию о показателях преступности можно получить лишь за счет выявления ее региональных особенностей, а также путем выявления специфики региональной детерминации преступности. Это в свою очередь дает возможность правоохранительным органам получить не только познавательную более глубокую, полную, объективную и научно обоснованную информацию о преступности, но и играет важную роль в борьбе с преступностью, поскольку здесь региональный анализ преступности выполняет функцию разведки, аналогичную по значимости проведению боевых действий,

где от достоверности информации зависит исход битвы, а следовательно, и результативность правоохранительной деятельности.

Статистическая совокупность преступлений, ежегодно совершаемая в пределах определенной территориально-пространственной системы нами рассматривается в качестве проявления единичных волевых актов объединенных в статистическую совокупность преступлений. Это явление есть следствием влияния комплекса сложного влияния на лиц экономических, социальных, политических, исторических, религиозных, культурологических особенностей окружающей среды. Именно в этих особенностях региональной среды и следует искать главные причины преступности, обуславливающие ее закономерности.

В ходе своих исследований мы исходим из базовых криминологических понятий о преступности как относительно массовом, исторически изменчивом, самодетерминирующемся, негативном, социально-правовом явлении, включающем в себя совокупность всех преступлений, зарегистрированных на определенной территории в определенный промежуток времени[5,с.70]. Измерение преступности, по мнению немецкого ученого Г.Й. Шнайдера, сводится к тому, что все индивидуальные факты криминогенного поведения, совершающиеся в определенном географическом пространстве и в определенный промежуток времени, делят на отрезки, в рамках которых подсчитывают случаи преступлений или лиц, подозреваемых в преступлении[6,с.102]. В свое время американский ученый Р. Мертон верно заметил, что какую бы роль ни играли биологические импульсы, остаётся от-

крытым вопрос, отчего же все-таки частота отклоняющегося поведения различается в разных социальных структурах и как так получается, что в разных социальных структурах отклонения приобретают разные формы и образцы [7, с.243]. Р.Мертон, например, справедливо указывает на преступление, как на производную нарушения «социального кодекса», указывает на него как на «нормальную, ожидаемую реакцию нормальных людей на ненормальные условия» [7, с.243].

Не оправдывая преступность, последняя нами рассматривается в качестве, своего рода, лакмусовой бумажкой, сигнализирующей о состоянии общественной системы. В этой связи, состояние преступности может сигнализировать о восприятии социальными группами тех или иных общественных изменений, отображать их реакцию на возникающие противоречия. Иными словами преступность в стране и ее регионах дает возможность получить информацию о глубинных качественных и количественных преобразованиях общественной системы и вовремя реагировать на нее. В этом тезисе заложена важная криминологическая информация, постольку, поскольку своевременная реакция государства на атипичные (резкие) изменения в состоянии преступности, и особенности ее регионального проявления позволяет принять правильные управленческие решения с целью недопущения более глобальных негативных общественных преобразований.

Говоря о преступности, как о криминологическом явлении, обладающим территориальным признаком, термин **регион** мы применяем в широком и в узком значении. В широком, - когда говорим о государстве Украина, как части

общемировой территориально-пространственной системе, а в узком, - когда ведем речь о составных частях административно-территориального устройства государства – областях, городах Киев, Севастополь и АР Крым. Именно такое понимание региона закреплено в ст.131-132 Конституции Украины [8] и в действующих нормативно-правовых актах [9]. Следовательно, региональная преступность – это совокупность преступлений и лиц их совершивших, зарегистрированных за определенный промежуток времени в административно-территориальных единицах Украины – в областях, городах Киев, Севастополь и АР Крым.

Исходя из результатов исследования феномена преступности, приведенных Э.Дюркгеймом, с некоторой оговоркой можно признать, что преступность не считается формой социальной патологии, так-так она, согласно высказыванию ученого, выполняет определенную социальную функцию и связана с основными условиями социальной жизни. Однако преступность, как верно заметил исследователь, может принимать ненормальные, патологические формы, иметь, например, высокий ее уровень. Поэтому, согласимся с Дюркгеймом, что преступность нельзя полностью изжить [10, с.151], но ее нужно изучать (особенно в региональном разрезе) с целью надлежащего контроля, своевременного ограничения роста и противодействия качественным преобразованиям. Практика показывает, что отсутствие адекватных мер на изменения преступности способно привести к такому явлению, как криминологический коллапс и к более существенным негативным преобразованиям.

Достаточно вспомнить, что существенные количественные

и качественные преобразования в состоянии преступности ранее неоднократно сигнализировали о грядущих более сложных социальных, экономических и политических процессах. На это указывал в свое время еще Э. Ферри, проанализировав за длительный период статистику преступности в России, Франции, Америки, Англии и других стран [11, с.239-242]. Более поздняя история также подтверждает выдвинутую идею. Например, накануне революционных преобразований 1917, 1991 и др. годов наблюдался существенный рост не только общей, но и тяжелой и особо тяжелой преступности [12, с.121]. И наоборот, резкие преобразования в экономической, политической и др. сферах, вызывали еще более негативные криминогенные процессы. Ярким тому подтверждением являются статистические данные негативной динамики преступности накануне разных, ранее описанных в юридической литературе социальных преобразований. Поэтому своевременная, научно обоснованная реакция государства на указанные изменения могла бы предотвратить не только эскалацию насилия, обнищание масс, но и не допустить тысячи жертв [13, с.253-258].

Достаточно вспомнить несколько исторических примеров, когда не своевременная и неадекватная реакция государства на изменения в состоянии преступности приводила к негативным последствиям, а порою к необратимым, зачастую трагическим общественным преобразованиям. Например, накануне революции в России 1905 года наблюдался существенный рост преступлений до 66% в год [12, с.121]. Революционным событиям 1917 года предшествовала криминальная «раскачка» общества изнутри.

С самых первых лет капиталистической перестройки и вплоть до социального взрыва 1917 года устойчиво и стремительно растет количество преступлений против собственности и преступлений, связанных с неуправляемой агрессией. К указанному времени, по данным А.А. Иконникова-Галицкого, по сравнению с 1909 годом стало совершаться в три раза больше убийств, преступлений, связанных с сексуальной агрессией и агрессией против личности – в десять раз, связанных с захватом чужой собственности с применением насилия – в пятнадцать раз [14, с.4-6]. Событиям, связанным с повышенной агрессивной активностью населения и последующим распадом СССР предшествовал также существенный рост преступности. Например, по данным А.Г. Кулика и В.И. Бобьря [15] только в Украине в 1989 году, по сравнению с 80-ми годами преступность выросла в два раза, а темпы прироста преступности в 1988 году составили - +12%, а уже в 1989 - +50% в год, что являлось существенным сигналом неблагоприятных общественных процессов внутри государства. Осмысление уголовно-правовой и процессуальной реакции государства на всплески преступности описанных периодов позволяет выделить ряд общих, по нашему мнению, - ошибочных закономерностей в борьбе с преступностью - неоправданно гуманное отношение государства к преступникам; прямое и косвенное чрезмерное расширение не соответствующих криминогенной ситуации привилегий для преступников; заведомая постанова в явно невыгодное (по сравнению с преступниками) процессуальное положение законопослушных граждан и, как следствие, лишение их права на справедливую закон-

ную защиту от криминальных угроз; стремление к получению краткосрочных политических дивидендов за счет искусственного снижения правопорядка как в отдельных регионах, так и в целом по стране. И наоборот, усиление мер по борьбе с преступностью, планирование этих мер с учетом планов социально-экономического и культурного развития государства приводило к позитивным результатам в борьбе с преступностью.

В этой связи хотелось бы заметить, что современные взгляды на преступность и меры борьбы с нею требуют существенной ревизии. Во-первых, относительно адекватности мер уголовно-правового воздействия и во-вторых, цели наказания. Целью наказания следует признать не только кару, исправление преступников и предупреждение преступлений, но и защиту законопослушных граждан от негативного влияния и последствий преступности. Здесь по нашему мнению, своевременным может оказаться реформирование и упрощение система наказания за преступление, а именно, устранение наказаний, доказавших свою неэффективность и расширение сферы действия, проверенных практикой; возобновление института особо опасного рецидивиста, увеличение сроков наказания и реставрацию института смертной казни за действия, посягающие на исключительные ценности правового бытия.

Необходимость таких реформ обусловлена существенным ухудшением криминогенной ситуации в Украине за последние несколько десятков лет и неэффективностью применяемых мер по противодействию преступности. Таким образом, современная криминологическая действительность требует нового научного осмысления и поиска новых подходов в из-

учении преступности, причин ее обуславливающих, закономерностей и тенденций. Ибо именно объективная информация об указанных процессах может быть положена в основу объективного прогнозирования и эффективной организации предупреждения преступности в стране и ее составляющих – в регионах. В связи с этим, снова обратим внимание на **крайнюю важность развития регионального направления в криминологии**, ибо это может оказаться наиболее полным и практически значимым с точки зрения получения объективных знаний на основе изучения преступности и факторов ее обуславливающих в региональном разрезе. Более того, практика показывает, что на современном этапе реализация указанных задач невозможна лишь на основе применения знаний одной лишь криминологии. Представляется, что ясное понимание феномена преступности, и ее региональных особенностей не возможно без использование обобщенных знаний многих наук – криминологии, философии, социологии, экономики, психологии, истории, регионоведения, социально-экономической географии, демографии, политологии, биологии и т.д. Это в свою очередь требует от современного криминолога освоения знаний многих наук. Как следствие, обобщений знания и методологического инструментария указанных наук позволяет провести наиболее качественный региональный анализ преступности и получить максимально объективные знания о ее закономерностях. В этой связи еще раз укажем на чрезвычайную необходимость выделения в качестве стратегического направления традиционной криминологии самостоятельного научного направления – **регио-**

нальной криминологии, которое аккумулировало бы в себе не только знания традиционной криминологии, но и явилось результатом обобщения знаний вышеуказанных наук. Данное направление должно развиваться в рамках традиционной криминологии и преследовать цель не раздробление последней на самостоятельные дисциплины, а усилить ее научный и методологический аппарат.

В рамках региональной криминологии изучение региональных особенностей представляет собою сложный, многогранный, но вместе с тем и более полный, точный и системный анализ преступности ее причин и условий. Он позволяет выявить не только территориальную специфику преступности в относительно однородных территориально-пространственных системах, но и показать ее индивидуальные особенности по сравнению с другими регионами, показать её закономерности, видовые особенности отдельных групп преступлений, факторы, обуславливающие сходства и различия преступности. То есть, такое исследование носит комплексный и системный характер – с учетом географических, исторических, социально – демографических экономических и иных особенностей регионов. Это, в свою очередь, дает возможность избежать шаблонности в деятельности правоохранительных органов, подойти более дифференцированно к программированию, планированию и организации мер борьбы с преступностью, – т.е. с учетом криминологических условий конкретных территорий.

В ходе наших предыдущих исследований нами выявлены определенные закономерности региональной преступности. К их числу можно отнести следующие, полученные нами результа-

ты: региональная преступность является системным явлением; ей присущи все закономерные признаки функционирования самостоятельной системы; эти закономерности находят свое проявление в неравномерности распределения преступности по территории Украины, ее деференцированности, устойчивости в интенсивности и структуре территориального распределения преступности, в стабильности групп регионов по уровню криминальной пораженности, синхронности поведения динамических рядов преступности в регионах Украины [16]. Вполне очевидным является тот факт, что эти закономерности должны учитываться во время прогнозирования, планирования и программирования мер по противодействию преступности.

Исходя из выше изложенного, приходим к выводу о том, что деятельность по противодействию преступности в регионах должна осуществляться системно. Во-первых, за счет повышения эффективности действующей законодательной системы (как основы для борьбы с преступностью); во-вторых, на основе знаний о закономерностях преступности; в-третьих, на основе прогнозирования, планирования и программирования мер борьбы с преступностью.

Технологически такая деятельность должна включать весь набор криминологических мер, а именно: 1) комплексный анализ преступности в регионах и факторов, которые оказывают на нее криминогенное и антикриминогенное воздействие; 2) изучение и совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечивающей противодействие преступности; 3) прогнозирование преступности не только на государственном, но и на региональном уровне; 4) программирование и планирование

мер по противодействию преступности; 5) непосредственное осуществление профилактики и противодействия преступности в регионах; 6) осуществление оценки результативности действующего законодательства (его адекватность современным вызовам преступности) по противодействию преступности. Как видно из вышеизложенного, прогнозирование, планирование и программирование являются обязательными элементами процесса противодействия преступности в регионах.

Выводы. Подводя итог сказанному, подчеркнем:

1. Знание региональных особенностей преступности является важным условием для усовершенствования прогнозирования, планирования и программирования противодействия преступности в стране. С этой целью представляется крайне важным развитие регионального направления в криминологии.

2. Ясное понимание феномена преступности, и ее региональных особенностей не возможно без использования обобщенных знаний многих наук – криминологии, философии, социологии, экономики, психологии, истории, регионоведения, социально-экономической географии, демографии, политологии, биологии и т.д. Это в свою очередь требует от современного криминолога освоения знаний многих наук.

3. Современные взгляды на преступность и меры борьбы с нею требуют существенной ревизии. Во-первых, относительно адекватности мер уголовно-правового воздействия и во-вторых, цели наказания. Целью наказания следует признать не только кару, исправление преступников и предупреждение преступлений, но и защиту законопослушных граждан от негативного влияния и послед-

ствий преступности. Здесь по нашему мнению, своевременным может оказаться реформирование и упрощение системы наказания за преступление, а именно, устранение наказаний, доказавших свою неэффективность и расширение сферы действия, проверенных практикой; возобновление института особо опасного рецидивиста, увеличение сроков наказания и реставрацию института смертной казни за действия, посягающие на исключительные ценности правового бытия.

4. Деятельность по противодействию преступности в регионах должна осуществляться системно: во-первых, за счет повышения эффективности действующей законодательной системы (как основы для борьбы с преступностью); во-вторых, на основе знаний о региональных закономерностях преступности; в третьих, на основе прогнозирования, планирования и программирования мер борьбы с преступностью.

5. Система противодействия преступности должна включать, кроме действующих, еще и такой набор криминологических мер: 1) комплексный анализ преступности в регионах и факторов, которые оказывают на нее криминогенное и антикриминогенное воздействие; 2) изучение и совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечивающей противодействие преступности; 3) прогнозирование преступности не только на государственном, но и на региональном уровне; 4) программирование и планирование мер по противодействию преступности; 5) непосредственное осуществление профилактики и противодействия преступности в регионах; 6) осуществление оценки результативности действующего законодательства (его адекватность современным

вызовам преступности) по противодействию преступности. Как видно из вышеизложенного, прогнозирование, планирование и программирование являются обязательными элементами процесса противодействия преступности в регионах.

Литература:

1. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: [монография]/Э.Г. Юзиханова. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. – 275 с.
2. Бабенко А.М. Кримінологічна класифікація регіонів України та її значення для протидії злочинності/ А.М.Бабенко//Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2013. – №3 (137). – С.116-123.
3. Злочинність в Україні. Основні показники стану та структури злочинності за 2001 – 2005 роки: [статистичний збірник]. – К., ВПЦ МВС України, 2006. – 201 с.
4. Стан та структура злочинності в Україні (2006-2011 р.р.). [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/doccatalog/list?currDir=67108>. – Назва з екрану.
5. Криминология: [учебник для вузов]/ [Под общей ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 848 с.
6. Шнайдер Г.Й. Криминология/ Г.Й.Шнайдер, пер. с нем.; под общ. ред. и с предисл. Л.О.Иванова. – М.: Изд. группа «Прогресс» - «Универс», 1994. – 504 с.
7. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Перевод В.Г. Николаева. – Источник: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 243-281.
8. Конституція України [зі змінами, внесеними відповідно до Закону № 2952-VI от 01.02.2011, ВВР України, 2011, № 10, ст.68] [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України: Законодавство України. – Режим доступу: [documents/27396.pdf](http://rada.gov.ua/uploads/

</div>
<div data-bbox=)

9. Закон України „Про стимулювання розвитку регіонів” від 08 вересня 2005 р. № 2850-IV [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України: Законодавство України. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua>.

10. Комлев Ю.Ю. Социология девиантного поведения: [учебное пособие] / Ю.Ю. Комлев, Н.Х. Сафиуллин; под общ. ред. Ю.Ю. Комлева. – 2-е изд., перераб. и доп.]. – Казань: КЮИ МВД России, 2006. – 222 с.

11. Ферри Э. Уголовная социология/Э.Ферри; сост. И предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2005. – VIII, 658 с.

12. Дубинин Н.П. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения/ Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – 2 изд. перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1989. – 351 с.

13. Бабенко А.Н. Криминогенная ситуация в регионах и ее значение для борьбы с преступностью (украинский взгляд)/ А.Н.Бабенко// Криминологическая ситуация и реагирование на нее: [под редакцией проф. А.И.Долговой]. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. – С.253-258.

14. Иконников-Галицкий А.А. Хроники петербургских преступлений: черные тени красного города. 1917-1922/ А.А. Иконников-Галицкий. – СПб.: Издательский Дом «Азбука классика», 2008. – 352 с.

15. Кулик О.Г. Общая тенденция преступности в Украине в 1972-1993 гг. и прогноз в ближайшие годы/ А.Г. Кулик, В.И. Бобырь// Преступность в Украине. Бюллетень законодательства и юридической практики Украины. – 1994. - №2. – С.5-37; 134-185.

16. Бабенко А. М. Регіональна система злочинності: її місце у загальній системі злочинності та деякі закономірності функціонування/ А. М. Бабенко// Форум права. – 2014. – № 2. – С. 29–36 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/jpdf/FP_index.htm_2014_2_7.pdf. – Назва з екрану.

ОБЩАЯ СОВМЕСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ НА КВАРТИРУ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УКРАИНЕ

Юлия БАЛЮК,

соискатель института частого права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины

SUMMARY

The article explores the complex at the legislative level base occurrence and termination of the right to joint matrimonial property for housing in order to develop a unified system of regulation of the right implementation of the joint property of the spouses to the apartment as the property. It is concluded that housing as real estate - is a special category of things, the nature of which requires a unified approach. The legal regime of property located in the common property of the spouses is complicated by the lack of a unified approach to the special relationship of origin and termination of joint ownership, the uncertainty in the definition of certain types of property. In addition, the focus is that the co-owners of the apartment there is a choice: either to implement allocated share in kind - to fix the ownership of the individual heating, concluding with the other owners of apartments on a voluntary basis of the relevant agreement or a court order to establish use of this dwelling.

Key words: housing, total joint property, the total share ownership, notarization, the occurrence of common property rights, termination of the right of common ownership.

РЕЗЮМЕ

В статье комплексно исследуются на законодательном уровне основания возникновения и прекращения права общей совместной собственности супругов на жилье с целью разработки единой системы регламентации права осуществления совместной собственности супругов на квартиру, как объекта недвижимости. Делается вывод, что жилье как недвижимое имущество – это особая категория вещей, природа которого требует единых подходов. Правовой режим жилья находящегося в общей совместной собственности супругов осложняется отсутствием единого специального подхода к отношениям возникновения и прекращения права совместной собственности, неопределенностью в определениях отдельных видов жилья. Кроме того, акцентируется внимание, что у собственников квартиры имеется выбор: либо осуществить выдел доли в натуре - зафиксировать право собственности на отдельные изолированные комнаты, заключением с остальными собственниками квартиры в добровольном порядке соответствующего соглашения, либо в судебном порядке установить порядок пользования этим жилым помещением.

Ключевые слова: жилье, общая совместная собственность, общая долевая собственность, нотариальное удостоверение, возникновение права общей собственности, прекращение права общей собственности.

Постановка проблемы. Процесс изменения традиционных, устоявшихся правовых институтов охватил почти все отрасли права, в том числе и институт общей собственности. Эта объективная потребность возникла в связи с появлением новых объектов права собственности супругов, как жилые дома, квартиры, предоставлением супругам права самим определять свои имущественные права и обязанности. Следует отметить, что особенностью общей совместной собственности супругов является то, что она, в большинстве, не имеет частей. Жилье является единым неделимым комплексом прав и обязанностей, пока супруги совместно проживают одной семьей. Это соответствует специфике отношений супругов имеющих лично-доверительный характер.

В законодательстве Украины разработаны определенные подходы к регулированию осуществления лицом права на жилье с целью охраны прав всех совладельцев. Однако Гражданский кодекс Украины (далее – ГК) содержит лишь отдельные положения по определению парадигмы и ее проявлений в отношении правомочий совладельцев жилья. Кроме того, нормы других законодательных актов не всегда однозначны в определении границ прав владельца, не вносит понимание в имущественные отношения между совладельцами жилья. Как отмечалось в юридической литературе проблема осуществления права общей совместной собственности супругов на жилье требует специального исследования с учетом норм Гражданского, Жилищного, Семейного кодексов Украины и других актов дей-

ствующего законодательства [1, с. 47].

Целью и задачей статьи является анализ норм гражданского и семейного законодательства Украины, регулирующих право совместной собственности супругов на жилье.

Изложение основного материала. Осмысление процессов, которые формируются сегодня в имущественной сфере семьи, невозможно без анализа правового регулирования имущественных отношений супругов. Следует отметить, что Семейным кодексом Украины (далее – СК) определены основания приобретения права общей совместной собственности супругов. В частности, в ст. 60 СК говорится, что имущество, приобретенное супругами за время брака, принадлежит жене и мужу на праве общей совместной собственности независимо от

того, если один из них ее не имел по уважительной причине (обучение, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, болезнь и т.д.) самостоятельного заработка (дохода). Устанавливая такую норму, законодатель исходит из необходимости предоставления супругами взаимной моральной и материальной поддержки, обеспечение соблюдения интересов того из супругов, кто занимается воспитанием ребенка и ведет домашнее хозяйство. Итак, любое имущество (в том числе жилье), приобретенное супругами за время брака, кроме вещей индивидуального пользования, является объектом права общей совместной собственности супругов. Общей долевой собственностью супругов на жилье, приобретенное во время брака, может быть реализована по соглашению супругов, согласно брачному договору. Заключая брачный договор, супруги могут: установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов; определить долю каждого из супругов в принадлежащем им имуществе; определить имущество, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения брака; установить способ участия в доходах друг друга; определить порядок несения семейных расходов, а также любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супругов, но не противоречащие закону и не ущемляющие интересы другого супруга [2, с. 109].

Таким образом, супруги могут определить отдельные части на приобретенное ими во время брака жилье, которые будут принадлежать им на праве не совместимой, а общей долевой собственности (реальной или идеальной). Жильем, принадлежащим на праве частной собственности одному из супругов, во время совместного проживания часто пользуются оба супруга, хотя раздельное про-

живание супругов допускается законом. Устоявшимся является то, что совместная собственность на дом (квартиру) может существовать при наличии таких признаков, как множественность собственников и единство объекта которое принадлежит им на праве собственности - дома, квартиры состоящей из комнат [3, с. 189–190], но в однокомнатной квартире в многоквартирном доме раздельное владение имуществом не всегда осуществимо.

На практике возникает вопрос наличия имущественных прав на жилье у того из супругов, кто не является его собственником [4, с. 463–499]. Закрепление имущественных прав супругов возможно в случае возникновения спора и разделения имущества, во время которого он, она может просить учесть сделанные им денежные или трудовые вклады в содержание и ремонт жилья, которое принадлежит одному из супругов, и признать это имущество совместным. Такая позиция согласовывается со ст. 62 СК в случае, когда имущество жены, мужа за время брака существенно увеличилось в своей стоимости вследствие общих трудовых или денежных затрат или затрат второго из супругов, оно при разрешении спора может быть признано по решению суда объектом права общей совместной собственности супругов. Для признания раздельного имущества общим необходимо, чтобы ценность раздельного имущества, к которому относится и жилье, в период брака существенно увеличилось. В случае возникновения спора в суде следует сравнить стоимость имущества до и после создания супругами соответствующих улучшений. В частности, если возникает спор по жилому дому, то принимают во внимание такие обстоятельства, как капитальный ремонт, достройка или перестройка дома, приобретенного до брака. Если же во время семейной жизни супругов осуществляло только текущий ремонт

жилого дома, квартиры, то это не дает оснований для признания имущества общим. В этом случае второй из супругов может требовать только возмещения расходов, которые он понес. Итак, вопрос о том, насколько существенно увеличилась стоимость спорного имущества в период брака, при вынесении судом решения имеет оценочный, и преимущественно субъективный характер. С одной стороны, правило ст. 62 СК о признании раздельного имущества общим имуществом супругов, на первый взгляд, не вызывает возражений. Для вынесения решения суду необходимо установить, что раздельное жилье супругов существенно увеличилось в своей ценности вследствие вложенных трудовых или общих расходов второго из супругов или их обоих, и признать его совместным имуществом супругов. Однако в действующем законодательстве Украины не определено в каких частях оно делится между супругами. Считаем необходимым, чтобы суд при установлении режима раздельности в подобных случаях устанавливал правило, по которому квартира принадлежит обоим, но в определенных долях - например, одному из супругов будет принадлежать большая доля в жилье, чем супругу (2/3, 4/5 в праве собственности).

Следует отметить, что по действующему семейному законодательству имущество принадлежит на праве общей совместной собственности не только лицам, которые находились в зарегистрированном браке. Согласно ст. 74 СК в случае если жена и муж проживают одной семьей, но не находятся в зарегистрированном браке между собой, имущество, приобретенное ими за время совместного проживания, принадлежит им на праве общей совместной собственности, если иное не предусмотрено письменным договором между ними. Семью составляют лица, которые совместно проживают, связаны общим бытом, имеют взаимные

права и обязанности. Предложенный в СК правовой подход может вызвать непредсказуемые правовые последствия.

Общая совместная собственность на жилье может возникать не только в семье и у супругов, на основании других гражданско-правовых действий: в результате совместной деятельности; в результате приватизации; выкупа жилья, которое находится в общей собственности граждан и юридических лиц; путем членства в жилищном, жилищно-строительном кооперативе; строительстве индивидуального жилого дома. Фактически право общей собственности на жилье возникает тогда, когда имущество становится объектом права собственности, то есть с момента введения его в эксплуатацию. Но юридически владельцу необходимо получить свидетельство о праве собственности на дом, потому что без него застройщик не сможет практически реализовать свои полномочия собственника. Как указывает И. В. Жилинкова: «Для возникновения права общей собственности по совокупности вещей или имущественных прав и обязанностей требуется их определенное единство, образование из них единого объекта. В противном случае будет существовать не общая собственность на один объект, а собственность нескольких лиц по отдельным объектам» [5, с. 337].

При этом В. С. Гопанчук обращает внимание на нетрадиционность некоторых принятых законодателем понятий в той части, где речь идет о «членах семьи, постоянно проживающих в данной квартире (доме)». В действующем законодательстве Украины применены разные определения членов семьи, зависит от правовой природы урегулированных отношений (семейно-правовых, жилищных, наследственных и др.). Как известно, в Жилищном кодексе Украины (далее – ЖК) четко определен круг членов семьи нанимателя, которые нарав-

не с ним имеют самостоятельное право на жилье. В соответствии со ст. 64 ЖК к членам семьи нанимателя относятся супруг нанимателя, их дети и родители, проживающие совместно с ним. Членами семьи нанимателя могут быть признаны и другие лица, если они постоянно проживают вместе с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство. Лица, постоянно имеют статус членов семьи, независимо от указанных критериев в ст. 64 ЖК не называются. Аналогичная непоследовательность оказывается и в других нормативных актах, поскольку законодатель допускает определенные противоречия, применяя в одном случае понятия «члены семьи нанимателя», в другом – «лица» [6, с. 117–118]. Осуществление супругами права общей совместной собственности. СК дает определенный (но не исчерпывающий) перечень имущественных объектов, принадлежащих жене, мужу на праве личной собственности: - имущество, приобретенное ею, им до брака; имущество, приобретенное ею, им за время брака, но на основании договора дарения или в порядке наследования; имущество, приобретенное ею, им за время брака, но за средства, которые принадлежали ей, ему лично. Закон предоставляет супругам равные права на общее жилье. Распоряжаются они им по общему согласию. Члены семьи, как совладельцы имеют право осуществлять различные гражданско-правовые сделки в отношении общего имущества. При этом участникам таких соглашений следует придерживаться, кроме норм гражданского законодательства о правилах заключения сделок, также специальных требований, предусмотренных семейным законодательством [7, с. 319]. В соответствии со ст. 65 СК при заключении договоров одним из супругов считается, что он действует с согласия другого супруга. Жена, муж имеет право на обращение в суд с иском о признании договора недействи-

тельным как такого, что заключенный вторым из супругов без ее, его согласия. Для заключения одним из супругов договоров, требующих нотариального удостоверения или государственной регистрации, а также договоров, касающихся ценного имущества (квартиры, дома, земельного участка и т.п.), согласие второго из супругов должно быть подано в письменном виде и нотариально удостоверено.

Правоудостоверяющими документами о праве собственности на жилье может быть документ о праве собственности на жилой дом и размер долей совладельцев (о предоставлении земельного участка для постройки дома и о его строительстве, о купле-продаже, мены, дарения, наследование, о праве на долю в общем имуществе супругов, решение суда, вступившее в законную силу, о признании права собственности на дом или его часть) [8, с. 215]. В юридической литературе высказывается мнение о нецелесообразности существования перечня правоудостоверяющих документов. В частности, В. А. Алексеев указывает, что «не удалось обнаружить в законе конкретного и исчерпывающего перечня документов, необходимых для регистрации прав на новые объекты, вряд ли будет продуктивным. Более правильным представляется не определение перечня документов, необходимых для регистрации, а указание на обстоятельства, подлежащие выяснению из этих документов» [9, с. 40].

Нарушение супругами этих правил о заключении соглашений может привести к признанию таких сделок недействительными. Статья 64 СК предоставляет супругам право на заключение между собой всех гражданско-правовых договоров, не противоречащие закону, как относительно имущества, являющегося их личной частной собственностью, так и в отношении имущества, которое является объектом права

общей совместной собственности супругов.

Однако супруг вправе подарить или любым другим путем передать приобретенную конкретную часть своего общего или раздельного имущества. Он или она имеют право вообще отказаться от всего принадлежащего ему, ей имущества в пользу другого супруга, оформив это должным образом. Поскольку семейное законодательство Украины не содержит норм о порядке и форме заключения таких соглашений, поэтому в этом случае должны применяться нормы гражданского законодательства. При расторжении брака право общей совместной собственности на жилье, приобретенное во время брака, не прекращается. Распоряжение этим жильем осуществляется совладельцами исключительно по взаимному согласию, в соответствии со ст. 369 ГК Украины. При разводе супруги не всегда решается вопрос о разделе общего имущества, если они продолжают совместно пользоваться жильем. Действующее законодательство не обязывает супругов делить имущество добровольно или в судебном порядке. Вместе с тем ст. 72 СК предусматривает в частности, к требованиям о разделе имущества, заявленных после расторжения брака, применяется исковая давность в три года. Но это не значит, что супруги должны делить имущество в пределах трех лет с момента расторжения брака. Исковая давность начинает течь со дня, когда один из совладельцев узнал или мог узнать о нарушении своего права собственности. О нарушении своих прав супругов узнает чаще всего в момент расторжения брака или после, когда супруги оказывают друг другу препятствия по осуществлению права собственности.

Важное значение имеет прекращение общей совместной собственности супругов на жилье. Оно может осуществляться по различным основаниям, но наи-

более типичными являются: разделение жилья по взаимному согласию супругов или по решению суда; определение доли одного из супругов в общей квартире, доме в связи с его смертью и открытием наследства; определение доли одного из супругов в связи с обращением взыскания на его долю в имуществе.

Раздел общего жилья супругов означает прекращение права общей совместной собственности супругов на это имущество и возникновение на ее основе личной частной собственности жены и мужа или общей долевой собственности супругов. В юридической литературе выделяют: добровольное разделение имущества супругов и принудительное разделение имущества в судебном порядке. Добровольном разделе имущества предусматривает наличие взаимного волеизъявления супругов на прекращение режима общей совместной собственности в отношении принадлежащего им жилья. Разделение осуществляется только в отношении имеющегося жилья, а не жилья, которое будет приобретено супругами в будущем. Исходя из ст. 71 СК супруги могут добровольно решать вопрос о разделении их общего жилья, определив размеры долей каждого из них, а также порядок и способ разделения. Законодательство не содержит специальных указаний относительно формы договора раздела общего жилья супругов. Несоблюдение надлежащей формы соглашения между супругами не способствует защите их прав. Кроме того, это не обеспечивает защиту прав супругов при исполнении судебных решений по делам об обращении взыскания на имущество и возмещения убытков, причиненных одним из супругов. Поскольку тот из супругов, кто является должником, или один из супругов, который совершил правонарушение, может утверждать, что принадлежащее им имущество ранее уже было подарено другому из них, а на самом деле

могло бы и дальше принадлежать им на праве общей или раздельной собственности [10, с. 82]. Например, во время совместного проживания супругов человек на имя приобрел квартиру. Жена обращается в суд с иском о передаче прав собственности на квартиру, потому что квартиру ей подарил муж. Однако, если это соглашение не было должным образом оформлено, суд должен признать квартиру общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделению. Разделение жилья сопровождается значительными трудностями, поскольку каждый из супругов хочет получить определенную долю жилого дома в натуре. Удовлетворения их притязаний зависит от размера жилого дома, количества комнат, взаимоотношений между супругами, наличия детей и других обстоятельств. Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Украины «О практике применения судами законодательства, регулирующего право частной собственности граждан на жилой дом» от 04.10.1991 г. № 7 [11] при невозможности разделения дома, являющегося общей совместной собственностью супругов в натуре и если нет согласия супругов о способе раздела общего имущества, суд с учетом интересов несовершеннолетних детей и заслуживающих внимания интересов одного из супругов, может оставить дом одному из супругов и возложить на него обязанность компенсировать право на часть дома другому за счет другого общего имущества или деньгами. В частности, как отмечает С.Н. Романович это может иметь место, если доля в общей собственности на дом (квартиру) является незначительной и не может быть выделена в натуре или по особым обстоятельствам совместное пользование им невозможно, а владелец в доме не проживает и обеспечен другой жилой площадью [12, с. 5].

Принудительное разделение жилья между супругами (по ре-

шению суда) может осуществляться в случаях: если между супругами возникает спор и они не могут прийти к согласию о необходимости такого разделения или его условий; если вопрос о принудительном разделе имущества супругов ставят другие лица (кредиторы одного или обоих супругов); если один из супругов умер, а между вторым из супругов и другими наследниками возник спор об имуществе. В соответствии со ст. 371 ГК кредитор совладельца имущества, находящегося в общей совместной собственности, в случае недостаточности у него другого имущества, на которое может быть обращено взыскание, может предъявить иск о выделении доли из общего имущества в натуре для обращения на нее взыскания (выделение такой доли осуществляется в порядке, установленном ст. 366 ГК).

Выводы. Исходя из вышесказанного, следует прийти к выводу, что жилье как недвижимое имущество - это особая категория вещей, природа которого требует единых подходов. Правовой режим жилья находящегося в общей совместной собственности супругов осложняется отсутствием единого специального подхода к отношениям возникновения и прекращения права совместной собственности, неопределенностью в определениях отдельных видов жилья. Получается, что выдел доли в натуре в принудительном порядке возможен только в отдельно стоящих жилых домах - сельских домах, коттеджах, в которых можно сделать отдельный вход или перегородку и превратить этот жилой дом, фактически, в многоквартирный дом, с отдельными и изолированными квартирами.

У собственников квартир имеется выбор: либо осуществить выдел доли в натуре - зафиксировать право собственности на отдельные изолированные комнаты, заключением с остальными собственниками квартиры в добровольном порядке соответ-

ствующего соглашения, либо в судебном порядке установить порядок пользования этим жилым помещением.

Поскольку прекращение общей совместной собственности супругов на жилье нарушает имущественное равновесие в семье, то и осуществление этого права должно происходить таким образом, чтобы и после прекращения этого права, были соблюдены имущественные интересы каждого из супругов. В судебном порядке при определении размера долей супругов в праве собственности, суд должен исходить из: 1) соблюдения гражданско-правовых принципов справедливости, добросовестности, разумности; 2) принадлежности или отсутствия оснований для отступления от принципа равенства долей каждого из супругов; 3) возможности или невозможности разделения жилья в натуре; 4) удовлетворения желания супругов относительно способа раздела имущества; 5) с учетом претензий членов семьи на совместное жилье.

Суд может отступить от принципа равенства долей супругов только при обстоятельствах, имеющих существенное значение, например, если один из супругов не заботился о материальном обеспечении семьи, скрыл, уничтожил или повредил общее имущество, расходовал его во вред интересам семьи. В свою очередь, доля в имуществе может быть увеличена в пользу одного из супругов, если с ним проживают несовершеннолетние или нетрудоспособные совершеннолетние члены семьи, однако в судебном решении обязательно должно быть указано, какие именно интересы одного из супругов или несовершеннолетних детей были для этого основанием.

Литература:

1. Гузь Л. Е. Разрешение судами споров о разделе домов и домовладений (квартир) в натуре: Определение

порядка пользования домом (квартирой) и земельным участком. - Х.: Харьков юридический, 2002. - 127 с.

2. Жилинкова И. В. Брачный контракт: действующее законодательство и перспектива его развития / И.В. Жилинкова // Право Украины. - 2009. - № 6. - С. 109.

3. Галантич М. К. Житлове право України: Навч. посіб. - К.: Юрінком Інтер, 2008. - С. 189-190

4. Судові рішення Верховного суду України в цивільних справах .2012 / Верхов. Суд України; за заг. ред А. Г. Яреми / Бюлетень законодавства і юридичної практики України, - № 5-6. - 2014. - К.: Юрінком Інтер. - 2012. - С. 463-499.

5. Жилинкова І. В. Право спільної власності / Цивільне право України. Підручник. У 2 т. / За заг. ред. В. І. Борисової, І. В. Спасиво-Фатєєвої, В. Л. Яроцького. - К.: Юрінком Інтер, 2004. - Т. 1. - С. 337.

6. Сімейне право України: Підручник / За ред. В. С. Гопанчука. - К.: Істина, 2002. - С. 117-118.

7. Право власності в Україні: Навч. посібник / За ред. О. В. Дзери, Н. С. Кузнєцової. - К.: Юрінком Інтер, 2000. - С. 319.

8. Галантич Н. К. Нотаріальний порядок удостоверення договорів куплі продажу жилья (проблеми державної реєстрації) / Цивільно-процесуальна думка. Міжнародний збірник наукових статей. Вип. 2 «Нотаріальний процес» / под. ред. д.ю.н. С. Я. Фурси. - К.: ЦУЛ, 2013. - С. 215.

9. Алексєєв В. А. Сделка с недвижимостью. Практик. посіб. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. - С. 40.

10. Сімейне право України: Навч. посібник / За ред. О. В. Дзери. - К.: Вентурі, 1997. - С. 82.

11. Постанова Пленуму Верховного Суду України «Про практику застосування судами законодавства, що регулює право приватної власності громадян на жилий будинок» від 04.10.1991 р. № 7. - [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua>.

12. Романович С. М. Юридичні підстави виникнення права спільної часткової власності фізичних осіб: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Романович. - К., 2012. - 20 с.

РАЗВИТИЕ ДОГОВОРА ОХРАНЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В УКРАИНЕ

Анна БАСОВА,

соискатель кафедры охраны интеллектуальной собственности, гражданско-правовых дисциплин
Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

The article is devoted to the theoretical research of the development of the security contract of natural persons in Ukraine in the historical retrospective and taking into account the international practice. The analysis of legal literature on study of the concepts "security contract of object" and "security contract of person (natural persons)" is conducted. The activity of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, practice of the activity of State Security Service of Ukraine and the private security companies is analyzed for the drawing up the proposals concerning the legal structure of liability legal relationship which is carried out within the security contract of natural persons.

Key words: MIA, SSS, safety, security, security contract, security contract of natural persons.

РЕЗЮМЕ

В статье проводится теоретическое исследование развития договора охраны физических лиц в Украине в исторической ретроспективе и с учетом международной практики. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию понятий «договор охраны объекта» и «договор охраны личности (физических лиц)». Анализируется деятельность Министерства внутренних дел Украины, практика деятельности Государственной службы охраны Украины и частных охранных предприятий для выработки рекомендаций относительно юридической конструкции обязательственного правоотношения, которое осуществляется в пределах договора охраны физических лиц.

Ключевые слова: МВД, ГСО, безопасность, охрана, договор охраны, договор охраны физических лиц.

Постановка проблемы заключается в том, что современный правовой режим регулирования отношений по охране физических лиц, закрепленный Гражданским кодексом Украины (далее по тексту – ГК Украины), и ЗУ «Об охранных деятельности» [1] не отвечают современным нуждам правоприменительной практики в этой сфере предоставления услуг по охране физических лиц. Современный этап развития независимой Украины как демократического государства характеризуется процессами развития рыночной экономики и отношений, которые с ней связаны. Это в свою очередь приводит к улучшению жизненного уровня населения и увеличение благосостояния граждан. В связи с этим особого внимания и актуальности приобрели охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, закрепленных во втором разделе Конституции Украины. Однако задекларированные принципы неприкосновенности личности не всегда соблюдаются, поскольку развитие охранных деятельности невозможно без четкого

законодательного регулирования в связи с особым объектом охраны. Кроме того, на примере развитых стран мира можно сказать, что одним из наиболее эффективных мер реализации этих принципов выступает договор охраны физических лиц. Но при реализации этих договорных обязательств, в практической деятельности охранных предприятий в Украине возникает много проблем, связанных с отсутствием научного и законодательного регулирования этих отношений. Но по-другому и быть не может, поскольку на сегодня не разработаны четкие критерии качества охранных услуги, не определенным остается правовой статус сторон данного договора и, что самое главное, нет никаких четких критериев относительно размежевания ответственности сторон по договору охраны физических лиц.

Что касается научного исследования указанного вопроса, то нужно отметить, что договорными отношениями, связанных с предоставлением охранных услуг, занимались такие авторы как Батожская А.В., «Договір зберігання

автотранспортних засобів» С.П. Довбий, «Договір охорони майна», Литвинова М.А. «Договор на охрану имущества», Мильков А.В., «Договор охраны по российскому гражданскому праву», Сухоруков В.А., «Договор охраны имущества как средство минимизации предпринимательских рисков», Шаронов С.О. «Договор на оказание услуг частной охранный деятельности» и другие.

Целью данной работы является исследование и теоретический анализ юридической литературы, положений ГК Украины, нормативно-правовых актов Министерства внутренних дел Украины (далее по тексту – МВД), практики деятельности Государственной службы охраны (далее по тексту – ГСО) Украины и частных охранных предприятий для выработки рекомендаций относительно юридической конструкции обязательственного правоотношения, которое осуществляется в пределах договора охраны физических лиц.

Для достижения указанной цели в исследовании основное внимание уделено решению сле-

дующих **задач**: анализ развития договора охраны физических лиц, сравнение договора охраны физических лиц в Украине с другими государствами.

Изложение основного материала исследования. Конституция Украины, закрепив во втором разделе основные положения прав и свобод гражданина, возложила на государство обязанность по обеспечению безопасности и неприкосновенности человека, ее жизни и здоровья, чести и достоинства. Эта обязанность осуществляется с помощью всех возможных правовых средств. Последние образуют механизм охраны личных неимущественных прав, который закреплен в законе.

К элементам этого механизма относятся средства криминально-правового, административно-правового и гражданско-правового характера. В свою очередь среди последних наиболее эффективными являются средства предупредительного характера, которые направлены на недопущения правонарушений. Среди них важное место занимает охранное правоотношение, которое направлено на непосредственное обеспечение неприкосновенности и личной безопасности физических лиц.

В правоотношениях по охране в Украине задействованы сотни тысяч лиц. Они сформировались во многом благодаря реорганизациям спецслужб и МВД. Это служит экономической предпосылкой возникновения правоотношения по охране физических лиц [2].

Итак, исследуя процесс становления договора охраны физических лиц, нужно отметить, что он имеет свои особенности, которые, прежде всего, связанные с самым процессом развития охранной деятельности. Развитие последней тесно связано с функцией охраны общественных отношений, которая

возложена на государство и прежде всего на органы внутренних дел. Поэтому, мы присоединяемся к позиции М.П. Волошина, согласно которой, функция охраны присущи всем государственным органам, а для органов внутренних дел – это специальная функция в борьбе по охране собственности, общественного порядка, прав и законных интересов организации и граждан [3, с. 10]. Развитие общественных отношений приводит к необходимости обособления функции охраны. Предприятиям, учреждениям, организациям экономически нецелесообразно самим осуществлять охрану произведенной продукции и материальных ценностей, то есть охранять свое имущество. Возникает необходимость в специальном органе, который бы освободил предпринимателей от охранных функций, предоставивши им возможность сосредоточить все силы на хозяйственной деятельности [4, с.14]. Таким специальным органом стала ГСО, которая предоставляет охранные услуги предприятиям и организациям (а после перехода Украины на рыночные отношения и физическим лицам) согласно заключенным гражданско-правовым договорам охраны физических лиц.

В свою очередь такое бурное развитие охранной деятельности невозможно без соответствующего нормативно-правового обеспечения последней со стороны государства. Но развивая собственные институты права, мы не можем игнорировать опыт зарубежных стран, в частности, Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Закон «Об охране предприятий и о фирмах по обеспечению безопасности» в Швеции был принят еще в 1944 г. Аналогичные законы были приняты в Испании (1981 г.), Финляндии (1983г.), Португалии (1986 г.), Дании (1987 г.), Норвегии (1988 г.). Во Франции

еще в 1942 году был принятый и вступил в силу Закон «О регулировании в сфере частной охранной деятельности, транспортировке ценностей и обеспечения безопасности личности», в Бельгии – Закон «Об охранных предприятиях и обеспечении безопасности во внутренних службах охраны» (1990 г.) [5, с.26].

В странах англо-американской системы охранная деятельность детально не урегулирована. Право на занятие такой деятельностью основывается на общих принципах свободы предпринимательской деятельности. Существенной особенностью охранной деятельности выступает то, что она осуществляется исключительно на договорной основе при относительно незначительном вмешательстве со стороны государства.

В США нет единого федерального закона о частной охранной и детективной деятельности. Каждый штат принимает свои законы и пользуется ими. Все классы лицензий выдаются специальной государственной комиссией, которая оценивает в рамках установленной процедуры соответствие личных качеств и профессиональной подготовки претендентов квалификационным требованиям локального законодательства.

В Германии, кроме традиционных форм охранных и детективных структур, правительство отдельных земель активно использует свои спецслужбы для решения приоритетных экономических проблем и предоставления помощи компаниям, частным предпринимателям, контрразведывательным структурам. В этих компаниях они помогают создать структуры, которые занимаются обеспечением безопасности, как на территории Германии, так и работающим за границей предствительствам. Естественно, что охранные фирмы, службы

частного розыска, безопасности работают в тесном взаимодействии, помогая друг другу.

Во Франции деятельность частных охранных и сыскных бюро, как уже отмечалось, регулируется законом еще с 1942 года, но с последующими поправками и дополнениями. Согласно этому закону владельцами таких бюро могут быть лица, которые имеют только французское гражданство или гражданство стран Европейского сообщества. Бывшие сотрудники полиции Франции могут стать владельцами частных детективных и охранных бюро, но с письменного разрешения министра внутренних дел страны. Любое нарушение довольно жестко наказывается – заключением до трех лет и штрафом.

В Финляндии органы законодательной власти довольно четко определили правовые границы охранной деятельности. По закону Финляндии частные охранительные бюро получают лицензию на свою деятельность в том регионе, где они работают. То есть если их деятельность распространяется на губернию, то лицензии выдает губернатор, если на всю Финляндию – тогда правительство Финляндии.

В Дании и Швеции нет отдельного закона об охранной и детективной деятельности, об оружии, всем подчиняется общему закону о предпринимательстве.

Что касается постсоветских стран, то, как уже отмечалось, охранная деятельность здесь начала активно развиваться после перехода этих стран на путь рыночной экономики в 1991 году. Исходя из этого, особое значение для Украины имеет опыт таких стран как Латвия, Молдова, Казахстан и, конечно, РФ.

Так как Украина определила свой путь – интеграцию в ЕС, то в связи с этим наиболее значимым выступает опыт развития охранной деятельности в Латвии. Комиссия ЕС, которая

в целом рассматривала вопрос о соответствии всего латвийского законодательства нормам Евросоюза, признала, что Закон «Об охранной деятельности» [6] на 95% отвечает нормам Евросоюза. Этим Законом определенные основные направления, перечислены субъекты и определены границы охранной деятельности в стране. На сегодняшний день в обороте задействованы 10 тыс. охранников, которые официально заявлены в департаменте полиции как сотрудники охранных фирм. У них находится около полутора тысячи единиц личного оружия и одна тысяча единиц служебного оружия, которое находится в спец помещениях охранных фирм [7].

Еще одна европейски ориентированная страна – Молдова. На сегодняшний день в Молдове зарегистрировано приблизительно 150 фирм, которые занимаются частной охранной и детективной деятельностью и приблизительно 2300 объектов обслуживаются негосударственными охранными структурами. Из них 1950 объектов охраняются при помощи установок охранно-пожарной сигнализации (тревожные кнопки), 350 объектов охраняются физическим способом. Таким образом, из общего количества объектов, взятых под охрану, 85% приходится на техническую охрану и 15% – на физическую [8].

Первым государством из стран СНГ, в котором был принят закон об охранной деятельности, выступила РФ. Так, Законом РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [9] были закреплены основные условия договора охраны, его содержание, гарантии выполнения сторонами своих обязательств по договору и порядок разрешения споров. В РФ на сегодня существует 5 субъектов охранной деятельности – 3 госу-

дарственных и 2 частных. К государственным охранительным структурам РФ относятся: Вневедомственная охрана при ОВД, которая осуществляет согласно Закону РФ от 1 марта 2011 года «О полиции» [10] и положению «О главном управлении вневедомственной охраны МВД» [11]. Внутренние войска МВД России, которые осуществляют охрану объектов на основании специальных постановлений Правительства РФ. Ведомственная охрана. Перечни объектов, которые подлежат ведомственной охране, утверждаются по согласованию с МВД РФ.

К негосударственным (частным) охранным организациям в РФ относятся частные охранные предприятия и службы безопасности. Правовую основу их деятельности определяют Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и одноименное постановление Правительства РФ от 14 августа 1992г № 587. Охранительная деятельность этих структур не распространяется на объекты, которые включены в Перечень объектов, которые подлежат государственной охране.

Таким образом, исследовав развитие и становления договора охраны, следующим этапом исследования становится детальный анализ всего комплекса охранных отношений, связанных с заключением договора охраны физического лица, а также критериев их размежевание от других договоров охраны.

Однако, несмотря на трудности, некоторыми авторами была сделанная попытка ввода классификации договоров охраны. Так, например, Р.Б. Шишка по критерию объекта, на который направлена охрана, предлагает следующую классификацию договоров по предоставлению охранных услуг. При этом для обозначения всей системы данных договоров предлагается ис-

пользовать словосочетание «договор охраны». В соответствии с указанной классификацией договор охраны по объекту подразделяется на охрану объекта, охрану личности и комплексную охрану [12, с.289].

Конечно, данная позиция имеет право на существование, однако, по нашему мнению, она является спорной с точки зрения на следующие обстоятельства:

Во-первых, следует отметить, что употребление словосочетания «договор охраны» как обобщенного понятия для всех разновидностей договоров по предоставлению охранных услуг, является проблематичным. Ведь, если дается название правоотношению «договор охраны», то логически возникает вопрос: охраны чего? Например, договор охраны имущества [13] или договор охраны физического лица [14]. Каждый из указанных договоров является одним из видов договоров на предоставление охранных услуг и их нельзя объединять, а тем более называть одним понятием. Поэтому более правильным, по нашему мнению, представляется употребление словосочетания «договор по предоставлению охранных услуг», для обозначения всех видов договоров, связанных с предоставлением охранных услуг, а не словосочетание «договор охраны физического лица».

Во-вторых, что касается видов договоров по предоставлению охранных услуг, то здесь также нельзя согласиться с делением договора на такие виды как договор охраны объекта и договор охраны личности (физических лиц). На наш взгляд, договор охраны объекта является подвидом договора охраны имущества, поскольку, понятие «имущество» [15] шире, чем понятие «объект» [16], а использование понятия «личность» [17], с точки зрения юриспруденции будет некорректным, поскольку за-

конодательство оперирует более удачным и четким понятием – «физическое лицо». Что касается комплексного договора охраны, то если под комплексным договором охраны понимается охрана имущества и физических лиц одновременно, но это приводит к смешению двух самостоятельных объектов договора, которые в свою очередь не дают четко определиться с предметом договора, а отсюда – с правами, обязанностями и ответственностью сторон. Хотя теоретически можно допустить заключение такого договора, анализ практической деятельности как государственных, так и негосударственных охранных предприятий не дал возможности выделить подобные договоры.

В-третьих, такая классификация не решает вопрос о других охранных услугах, как уже существующих (сопровождение кассиров с денежными средствами, централизованное наблюдение за состоянием средств охранно-пожарной сигнализации на объекте и реагирование группы задержания на извещение средств сигнализации и др.), так и тех, что могут возникать в связи с развитием научно-технического прогресса в сфере охранных услуг.

Выводы. Таким образом, принимая во внимание вышеперечисленное, мы предлагаем следующую классификацию отношений по охране, которая по нашему мнению, решит поставленные проблемы дифференциации предмета и объекта договора охраны.

Для обобщенного названия всех договоров охраны предлагается употреблять словосочетание «договор по предоставлению охранных услуг». Классификацию данного договора на виды предлагается провести по критерию цели, согласно с которой заключается тот или другой вид договора. Главной целью заклю-

чения конкретного вида договора о предоставлении охранных услуг согласно второму разделу Конституции Украины выступает обеспечение неприкосновенности имущественных и личных неимущественных интересов физических и юридических лиц. Согласно этому договор по предоставлению охранных услуг предлагается разделить на три вида: договор охраны физического лица, договор охраны имущества и договор на предоставление других охранных услуг (сюда входит обслуживание сигнализации, контроль за несением службы ведомственной охраной и прочее). Поскольку договор охраны имущества и договор по предоставлению других охранных услуг выходят за пределы темы, которые рассматриваться, то автор позволит себе остановиться лишь на выделении их как разновидностей договора по предоставлению охранных услуг. Главная цель - сконцентрировать внимание на дальнейшем исследовании, а именно на договоре охраны физических лиц как разновидности договора по предоставлению охранных услуг.

Известно, что гражданское право регулирует имущественные отношения, которые обуславливаются использованием товарно-денежной формы. Так как договор охраны физических лиц относится к обязательствам по предоставлению услуг, то отсюда вытекает, что органы ГСО предоставляют платные услуги по этим договорам другим юридическим и физическим лицам по обеспечению охраны физических лиц от противоправных посягательств третьих лиц. Такого рода услуги, которые связанные с имущественными отношениями и протекают в товарно-денежной форме, которые, как мы знаем, регулируются нормами гражданского права.

То есть, как правильно отмечал еще в советские времена

Ю.П. Косьмин, в основе договора охраны лежат имущественные, эквивалентно – платные отношения между самостоятельными субъектами гражданского права, а значит, такие договора могут относиться только к сфере гражданско-правовых договоров [18, с.13].

Отношения, которые возникают по договору охраны физических лиц носят имущественный характер еще и потому, что одна сторона предоставляет услугу по охране физического лица, а другая оплачивает предоставленную услугу. ГСО в данном договоре выступает не как орган управления, а как юридическое лицо [19, с.53], то есть субъект гражданского права. Обе стороны являются равноправными, каждая из них приобретает по договору, как права, так и обязанности. Все спорные вопросы, которые возникают из договора разрешаются не в административном, а в гражданско-правовом порядке. Гражданско-правовую природу договора охраны физических лиц подтверждает и то, что правоотношение, которое возникло по этому договору имеют все признаки гражданско-правовым обязательством черты. Таким образом, определяем, что текущие отношения, которые возникают по договору охраны физических лиц, нужно регулировать гражданским правом. Надеемся, что и дальнейшее развитие договора охраны физических лиц в Украине будет опираться на нормы гражданского права.

Литература:

- ЗУ «Про охоронну діяльність» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/4616-17>
- Найкращі у сфері охорони і безпеки нашої держави! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nats-bezpeka.com.ua/>
- Волошин Н.П. Правовые и организационные основы деятельности вневедомственной охраны при органах внутренних дел. Автореферат на соискание степени к.ю.н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа - <http://www.disserscat.com/content/pravovye-i-organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-vnevedomstvenno-okhrany-pri-organakh-vnutre>.
- Волошин Н.П., Мальцев В.И. «Договор об охране объектов подразделениями вневедомственной охраны», М.1970г. 136 с.
- Угровецкий О.П. Организационно-правовые засады охоронної діяльності державної служби охорони при МВС України. Дисертація на здобуття ступеня к.ю.н. Харків 2004 с 207.
- Закон Латвии об охранной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rada.gov.ua/LibRada/static/LIBRARY/catalog/law/latv_ohran.html
- Офіційний сайт «Латвийская Ассоциация бизнеса безопасности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldba.lv/public/?id=3&ln=ru>
- Обзор проблемы ЛСО в Молдове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (1-11-2007) https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&uact=8&ved=0CCoQFjAC&url=http%3A%2F%2Fwww.saferworld.org.uk%2Fdownload%2Fpubdocs%2FMoldova_survey_Russian_sec3.pdf&ei=DR-AVO6LIoTTygOjs4BQ&usg=AFQjCNHwIVX4W8x4yF3M_Ufbm0a2_cjvTQ&sig2=aAO1_Z3_f9sDxtsA4UqfRA&bvm=bv.80642063,d.bGQ
- Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в российской федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_148841/
- Закон РФ «О полиции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-opolicii/>
- Положение «О Главном управлении вневедомственной охраны Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&cad=rja&ved=0CDUQFjAB&url=http%3A%2F%2Fmvd.ru%2Fupload%2Fsite1%2Fdocument_file%2FuOvAxjOC9.rtf&ei=fBLRUsiaMqTj4wTjmYCABA&usg=AFQjCNFJaudTxDbGXJM_GnB0qBNj8iDuA&sig2=Z7qLdkMZSJX9HxRjGLCpVQ&bvm=bv.59026428,d.bGE
- Шишка Р.Б. - Підприємницьке право України: Підручник/ За загальною редакцією доц. Р.Б. Шишки. - Харків: Видавництво Університету внутрішніх справ, «Еспада» 2000. - 480 с.
- Довбій С.П. Договір охорони майна: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.П.Довбій; Нац. ун-т внутр. справ. – Х., 2005. – 19 с.
- Басова А. В. Поняття договору з охорони фізичних осіб / А. В. Басова // Форум права . - 2013. - № 2. - С. 25–29.
- Манжос Я. Ю. Функціонування юридичних термінів на позначення майнових злочинів у юридичному дискурсі / Я. Ю. Манжос // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Філологія . - 2013. - № 74. - С. 100-105.
- Шаркова Г. Ю. Науково-теоретичні підходи до встановлення ознак послуги як об'єкта цивільних прав / Г. Ю. Шаркова // Держава та регіони. Сер. : Право . - 2013. - № 1. - С. 123-128
- Братасюк В. М. Людина-особистість як суб'єкт права: методологічні засади дослідження / В. М. Братасюк // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ . - 2011. - № 1(1). - С. 64-70.
- Косьмин Ю.П. Договор об охране объектов подразделениями вневедомственной охраны .К.: Высшая школа МВД СССР им. Дзержинского. - 1982. – 80.
- Петренко В. С. Юридична особа як суб'єкт цивільних правовідносин / В. С. Петренко // Актуальні проблеми держави і права . - 2011. - Вип. 57. - С. 455-464.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Людмила БУРЯК,

адъюнкт кафедры гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел

SUMMARY

The article is devoted to the definition of «specialized knowledge» in the civil procedure of Ukraine. This is definitely that special knowledge is the totality of scientific knowledge in the field of science, technology, arts and crafts particular person (expert) within any profession, which are in accordance with the norms of the civil procedure law are necessary to conduct the study (assessment) of material objects, phenomena and processes, containing information about the circumstances of the case, on the basis of which gives an opinion on issues arising during the review of the civil dispute.

Key words: special knowledge, special learning, civil litigation, expert.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена определению понятия «специальные знания» в гражданском процессе Украины. При этом установлено, что специальные знания – это совокупность научно обоснованных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла определенного лица (эксперта) в рамках любой профессии, которые в соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства являются необходимыми для проведения исследования (экспертизы) материальных объектов, явлений и процессов, содержащих информацию об обстоятельствах дела, на основе которых дается заключение по вопросам, возникающим во время рассмотрения гражданского дела.

Ключевые слова: специальные знания, специальные познания, гражданский процесс, эксперт.

Постановка проблемы. Начиная анализ вопросов, связанных с определением юридического значения специальных знаний эксперта, можем отметить, что понятие «специальные знания эксперта» предполагает их использование для юридических целей в определенной процессуальной форме. Это довольно существенный момент, который обусловлен природой процессуальной формы как сущностным элементом правосудия. Фактически использование специальных знаний вне процессуальных правил не может иметь никаких юридических последствий, потому как любые общественные отношения в процессе существуют в правовой форме.

Также следует отметить, что для разъяснения и установления некоторых обстоятельств дела нужны знания не только теоретических основ, выработанных наукой, но и определенных положений, выработанных в той или иной сфере практики. Но даже в этом случае объективность в проведении экспертизы и выводах эксперта является характерным моментом, отличающим

заключение эксперта от других средств доказывания. Стоит заметить, что экспертные исследования осуществляются на основе и с точки зрения специальных знаний эксперта, которыми, как правило, не обладают судьи, осуществляющие правосудие по гражданскому делу.

Наряду с вышеизложенным обращает на себя внимание тот факт, что в действующем законодательстве Украины до теперешнего времени не определено понятия «специальные знания», а отсюда – неоднозначные подходы к его определению в научных кругах и среди практиков, что негативно влияет на определение сути экспертизы.

Анализ степени исследования данной проблемы. Вопросы, связанные с исследованием понятия и сущности специальных знаний эксперта в гражданском процессе, были предметом исследования многих ученых, среди которых: С. С. Бычкова, А. Г. Давтян, Ж. В. Васильева-Шаламова, В. В. Комаров, М. В. Костицкий, С. Я. Фурса, М. И. Штефан и другие. Однако сущность категории «специ-

альные знания» в гражданском процессуальном праве до теперешнего времени учеными не определена, что и обозначило цель этой статьи. Все иные вопросы, связанные с назначением и проведением экспертизы в гражданском процессе, выходят за пределы этого исследования и составляют перспективные направления дальнейших научных разработок.

Изложение основного материала. Сегодня бесспорно мнение, согласно которому главной отличительной чертой познавательной деятельности эксперта в гражданском судопроизводстве от других видов человеческой деятельности, в том числе деятельности других субъектов гражданского процесса, является использование специальных знаний экспертом для дачи заключения как самостоятельного средства доказывания. Такими знаниями, кроме эксперта, ни один из участников гражданского процесса не владеет. Однако их использование экспертом в процессе осуществления профессиональной деятельности имеет свои особенности. Во-

первых, специальные знания используются для исследования материальных объектов, явлений и процессов, содержащих информацию об обстоятельствах гражданского дела. Во-вторых, специальные знания используются в строгих рамках правовой процедуры.

Поскольку владение специальными знаниями является первостепенной предпосылкой привлечения эксперта для проведения экспертизы в гражданском процессе, важно тщательно раскрыть их особенности.

Действующее гражданское процессуальное законодательство Украины не содержит определения понятия «специальные знания». Традиционно в юридической литературе под этим термином понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства и ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства [15, с. 32]. Причем к специальным не относят общеизвестные, а также юридические знания, за исключением знаний в области криминалистики, которые могут использоваться при проведении криминалистической экспертизы [11, с. 76].

В законодательстве более-менее развернутые и систематические формулировки относительно регламентации специальных знаний появились лишь в XIX веке в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. В данном правовом акте была закреплена ст. 325, в которой отмечалось, что знающие (сведущие) лица приглашаются в тех случаях, когда для точного выяснения обстоятельств, которые встречаются по делу, необходимы специ-

альные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. Похожие формулировки ранее приводилось и в ст. 943 Свода законов Российской империи. В конце XIX – начале XX веков в России разрабатывались проекты совершенствования процессуального законодательства, среди прочего, в части, касающейся использования специальных знаний, в том числе и тех, которые применяются при проведении судебной экспертизы. Однако они не были реализованы. В связи с чем формулировка ст. 325 указанного Устава просуществовала фактически до октября 1917 г. В дальнейшем начались интенсивные работы по разработке нового законодательства, в том числе и процессуального. В частности, в ГПК Украинской ССР экспертизе предоставлялся статус самостоятельного доказательства, более современной и точной стала терминология. В кодексе отказались от формулировок «знающий человек», «специальные сведения в науке» и некоторых других, недостаточно корректных с точки зрения стилистики [12, с. 53].

На следующем этапе развития советского законодательства, его кодификации в 1958–1963 гг. были предприняты шаги в направлении совершенствования законодательной регламентации относительно применения специальных знаний с целью доказывания в судопроизводстве. Однако это продолжалось недолго: уже с конца 60-х, и в особенности в 80–90-х гг., под влиянием научно-технического прогресса и тенденций, таких, как интеграция и дифференциация научных знаний, развитие новых технологий в экспертной практике, определило проблемы использования специальных знаний при осуществлении правосудия, которые требовали немедленного решения.

В указанный период законодатель продолжал понимать под специальными знаниями те из них, которые относятся к науке, технике, искусству, ремеслу. При этом в структуре специальных знаний были выделены составляющие – знания, умения и навыки.

Что касается науки, техники, искусства и ремесла, то учеными критиковалась фактически каждая из этих сфер с точки зрения проведения судебной экспертизы. М. С. Строгович указывал на научное содержание судебной экспертизы и негативно относился к противопоставлению научной отрасли другим сферам знаний [16, с. 322–323]. В свою очередь А. В. Дулов отмечал, что более правильным будет предусмотреть в законодательстве право участвовать в проведении экспертиз только тех лиц, которые обладают знаниями в области науки и исключить из закона норму права, которая указывает на специальные знания эксперта в области искусства и ремесла [6, с. 5–12]. Однако А.Р. Шляхов возражал против такой позиции, считая, что в таком случае умения и навыки противопоставляются знаниям [17, с. 136–137]. Становилось очевидным, что дискуссия переходит в другое направление: на самом деле обсуждались не сферы, а структурные составляющие специальных знаний. Наличие указанных разногласий само по себе свидетельствует о трудностях, с которыми встретился законодатель, пытаясь хотя бы косвенно разъяснить значение выражения «специальные знания».

Большинство авторов связывает трактовку понятия «специальные знания» с термином «специальность». Несмотря на различие значений в каждом из определений, в основном они отражают суть этого термина.

Так, по мнению В. М. Галки-

на, «специальными познаниями следует считать такие, которые приобретены в результате специального образования или профессионального опыта» [4, с.8]. З. М. Соколовский указывает, что специальные знания – это совокупность сведений, полученных в результате специальной процессуальной подготовки, которые дадут возможность их обладателю аргументированно решать те или иные вопросы, возникающие в конкретной сфере. Бычкова С.С. считает, что специальные знания – это знания, не являющиеся общедоступными, распространенными и которыми владеет ограниченный круг лиц. Они добываются в результате профессиональной подготовки и содержат в себе как собственное знание, так и практические навыки по их использованию [2, с. 22].

Проанализировав юридические словари, можно утверждать, что в них подтверждаются приведенные выше соображения относительно определения специальных знаний как знаний, приобретенных в результате получения специального образования или профессионального опыта [18, с. 517].

В свою очередь А. Я. Палиашвили под специальными знаниями понимал не только общее образование лица, но и специальную экспертную подготовку, опыт практической работы, согласно данной специальности, умение пользоваться средствами и методами исследования [14, с. 5]. А. Г. Давтян, Т. В. Каткова и Г. К. Кожевников считают, что это знания, приобретенные в результате получения специального образования или в процессе практической работы по конкретной специальности [5, с. 16; 10, с. 7]. Ю.К. Орлов отмечал, что в содержание специальных знаний входят знания в любой сфере деятельности, которыми

обладает ограниченный круг лиц, имеющих профессиональную подготовку и навыки, кроме правовых и криминалистических знаний [13, с. 7].

А. М. Зинин, Г. Г. Омелянюк и А. В. Пахомов уточняют, что специальные знания – это знания, которые представляют собой выходящие за рамки общеобразовательной подготовки, приобретаются в процессе профессиональной деятельности в той или иной области науки, техники, искусства, ремесла, построены на базовых теоретических положениях соответствующей области знаний и подкреплены полученными в процессе специального обучения навыками [7, с. 60].

Особый взгляд на понятие специальных знаний высказал П. П. Ищенко, который под ними понимал любые профессиональные знания, которые могут оказать помощь в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств [8, с. 8]. Однако такое определение имеет существенный недостаток. Как известно, одной из основных задач судебной экспертизы является оценка и анализ уже имеющихся в деле доказательств, что не указано в данной дефиниции.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можем констатировать, что специальные знания включают в себя «собственно знания» (структурную часть, которая соответствует теоретическому уровню знаний, научные знания, полученные в специальном учебном заведении), умения (знания в их практическом применении) и навыки (автоматизированные компоненты мышления, поведения).

Однако при решении проблемы, связанной с определением понятия «специальные знания», необходимо обратить внимание еще на такой существенный момент, как наличие некоторых терминологических

неточностей, требующих уточнения. Так, в гражданском процессуальном законодательстве используется словосочетание «специальные знания», в юридической литературе оперируют понятием «специальные познания» [15, с. 32–43]. С философской и филологической точки зрения данные понятия не являются синонимическими, хотя их содержание частично совпадает. Термин «знания» означает совокупность сведений из какой-либо отрасли, приобретенных в процессе обучения или исследования. Познание трактуется как отражение в сознании человека явлений реальной действительности, их сущности [3, с. 787]. В философии знания рассматриваются как продукт общественной и духовной деятельности людей, идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств мира – природного и человеческого. Познание – это процесс творческой деятельности, формирующий знания [18, с. 285].

Следовательно, совокупность знаний более конкретнее отражается термином «знания», тогда как познанием охватывается сам процесс достижения знания. Попытка сопоставить понятия «специальные знания» и «специальные познания» была сделана В. Д. Арсеньевым и В. Г. Заболоцким, которые под специальными знаниями понимали систему сведений, полученных в результате научной и практической деятельности, а под специальным познанием – знания, полученные соответствующими лицами в результате теоретического и практического изучения [1, с. 4]. Мы поддерживаем М. В. Костицкого, который считает, что знания – это проверенный практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании

человека в виде представлений, суждений, понятий, теорий.

В свою очередь, Г. М. Надгорный, М. Я. Сегай и Б. И. Исакович полагают, что под специальными знаниями следует понимать знания, на которых базируются те или иные специальности и специализации, поскольку основу этого понятия составляет слово «специальный», означающее отдельный вид деятельности в какой-либо отрасли науки, техники, искусства и ремесла [11, с. 53].

Выводы. Обобщая, можем сказать, что ни в одном из текстов законов не указано, что специальные познания аккумулируются только в процессе научных исследований. Приведенные суждения ряда авторов в одном смысловом ключе подтверждают эти положения. Следует отметить, что наука привлекает на свою орбиту новые объекты, связи и отношения в сфере техники, искусства, ремесла и других сфер человеческой деятельности. Однако и сегодня есть такие сферы, которые отражают сведения об определенном предмете, являющемся специфическим объектом познания ограниченного круга людей.

Таким образом, в контексте применения при рассмотрении гражданского дела можно определить, что специальные знания – это совокупность научно обоснованных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла определенного лица (эксперта) в рамках любой профессии, которые являются необходимыми для проведения исследования (экспертизы) материальных объектов, явлений и процессов, содержащих информацию об обстоятельствах гражданского дела, на основании которых дается заключение по вопросам,

возникающим во время разрешения материально-правового спора или установления соответствующих фактов.

Такое определение позволяет установить специфические свойства специальных знаний как процессуальной категории, которые были положены в основу соответствующей дефиниции. Результатом такого подхода является вывод о специальных знаниях как о высокопотенциальной научной информации неправового характера, которая реализуется с помощью научных методик в направлении установления элементов юридического факта.

Литература:

1. Арсеньев В. Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В. Д. Арсеньев, В. Г. Заболоцкий. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 153 с.
2. Бичкова С. С. Экспертиза в гражданском процессе Украины: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С. С. Бичкова. – К., 2003. – 176 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
4. Галкин В. М. Средства доказывания в советском уголовном процессе / В. М. Галкин. – Ч. 2. – М.: Правда, 1968. – 96 с.
5. Давтян А. Г. Экспертиза в гражданском процессе / А. Г. Давтян. – М.: СПАРК, 1995. – 180 с.
6. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1959. – 191 с.
7. Зинин А. М. Введение в судебную экспертизу / А. М. Зинин, Г. Г. Омельянюк, А. В. Пахомов. – М.: Изд-во Моск. психолого-
8. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты / П. П. Ищенко. – М.: Юрид. лит., 1990. – 159 с.
9. Каткова Т. В. Судові експертизи (Підстави та процесуальний порядок призначення і провадження, перелік типових питань): [навч. посіб.] / Т. В. Каткова, Г. К. Кожевников. – [3-тє вид.]. – Х.: Рубікон, 2003. – 192 с.
10. Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза / М. В. Костицкий. – Л.: Выща шк., 1987. – 141 с.
11. Надгорный Г. Закон України «Про судову експертизу» / Г. Надгорный, М. Сегай, Б. Ісакович // Право України. – 1999. – № 2. – С. 75–78.
12. Надгорный Г. М. Питання законодавчої регламентації судової експертизи: історичний та гносеологічно-процесуальний аспекти / Г. М. Надгорний // Вісник Верховного Суду України. – 2000. – № 6 (22). – С. 52–54.
13. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 178 с.
14. Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам / А. Я. Палиашвили. – М.: Юрид. лит., 1973. – 142 с.
15. Россинская Е. Р. Специальные познания и современный проблемы их использования в судопроизводстве / Е. Р. Россинская // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 32–43.
16. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М.: АН СССР, 1955. – 384 с.
17. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М.: Юрид. лит., 1979. – 166 с.
18. Юридичний словник-довідник / за ред. Ю. С. Шемшученка. – К.: Феміда, 1996. – 696 с.